

АДРИЕННА БАССО

Возлюбленная горца

ШАРМ

Казалось бы, что могло помешать обаятельному сыну предводителя клана Маккена Джеймсу и прелестной Давине из клана Армстронг пожениться в первом цвету юности и обрести семейное счастье? Но один злополучный день изменил все – ведь в этот день произошла трагедия, вынудившая Джеймса отправиться крестоносцем на Восток, а Давину – затвориться в фамильном замке. Однако время лечит, люди взрослеют и становятся мудрее, и годы спустя Джеймс возвращается – закаленный в битвах, возмужавший. Возвращается – и обнаруживает, что та, которую он не переставал любить ни на минуту, теперь предназначена в жены его старшему брату...

- [Адриенна Бассо](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Адриенна Бассо

Возлюбленная горца

Роман

Adrienne Basso

The highlander who loved me

© Adrienne Basso, 2016

© Перевод. Я.Е. Царькова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Данфермлинское аббатство
Лето 1329 года

– Не могу поверить, что его больше нет в живых, – уважительно понизив голос, произнес молодой рыцарь – один из тех, кому, как и сэру Джеймсу Маккену, пришлось тесниться у входа в переполненную церковь.

– Мне тоже не верится. Сегодня печальный день для всех нас, – тихо ответил сэр Джеймс.

В том, что церковь не смогла вместить всех желающих проститься с покойным, не было ничего необычного. Король Брюс стал легендой еще при жизни.

О том, что король Шотландии – настоящий герой, Джеймс знал с самого детства. Он знал Роберта Брюса по рассказам отца и дяди, сражавшихся бок о бок с легендарным монархом, сумевшим отвести от Шотландии железный кулак англичан и объединить под своим началом разрозненные кланы.

Во всех великих сражениях – будь то героическая оборона Метвена или битва при Лаудон-Хилле, принесшая триумфальную победу, – король неизменно вдохновлял своих подданных храбростью, мужеством и отвагой, оставаясь при этом дальновидным и мудрым политиком. Но сегодня воины Шотландии собрались не для того, чтобы праздновать победы вместе со своим королем или делить горечь поражения, а для того, чтобы проводить его в последний путь.

Джеймс вытянул шею, пытаясь отыскать родственников и знакомых. Два самых близких ему человека тоже находились здесь, и, в отличие от него, Джеймса, зажатого со всех сторон, эти двое, не теснясь, сидели на ближайшей к алтарю почетной скамье.

Сэру Джеймсу, конечно, было немного обидно, но он понимал, что таков порядок, ибо он, Джеймс, в отличие от Малколма, первенца, являлся всего лишь вторым сыном Маккены – вождя самого могущественного клана в Шотландском нагорье.

По крайней мере, как и всех мужчин рода Маккены, ростом Джеймса бог не обидел, и потому он мог беспрепятственно наблюдать за ходом траурной церемонии. Между тем панихида закончилась, и гроб с телом короля подняли с постамента и опустили в склеп, расположенный прямо под алтарем, где уже покоилось тело покойной жены Роберта Брюса королевы Элизабет. Опустив голову, в глубокой печали, воины, отдавшие своему королю последние почести, покидали церковь.

Вскоре церковь опустела, зато церковный двор заполнился людьми; соратники Брюса вспоминали битвы, в которых сражались бок о бок со своим королем. Но воспоминания воспоминаниями, а все же следовало подумать, как жить дальше без короля. И потому вожди кланов перешли на разговоры о том, что по-настоящему волновало всех присутствовавших, – заговорили о будущем.

Хотя смерть короля не стала неожиданностью – он больше года тяжело болел, – среди вождей кланов не было согласия в том, кто должен стать преемником Роберта.

Единственному сыну короля, Дэвиду, на момент смерти отца едва исполнилось пять лет. Граф Морей был назначен его опекуном и должен был править от имени малолетнего короля, пока тот не сможет взять бразды правления в свои руки.

Некоторых вождей вполне устраивал такой расклад, другие же были недовольны. И для того чтобы объединить множество кланов – принимая во внимание страстную любовь шотландцев к независимости и нежелание большинства вождей считаться с чужим мнением, – требовалась фигура масштаба Роберта Брюса. Увы, теперь, когда его не стало, над страной нависла угроза

междоусобной войны. Так что оставалось только гадать, кто из вождей замахнется на корону и сможет ли он ее добыть.

Джеймс, который никогда всерьез не интересовался политикой, испытывал по поводу предстоящих событий смешанные чувства. С одной стороны, война могла бы дать ему шанс подняться, занять более достойное положение в обществе – возможно, он мог бы стать владельцем собственного замка. Но это при условии, что он правильно выберет сторону, на которой ему предстоит воевать, и, что еще важнее, останется в живых. Война, как говорится, дело рискованное.

– Я рад, что ты нашел возможность приехать сюда, Джеймс, чтобы почтить память покойного. Пусть все знают, что мои сыновья верны делу Брюса и короне.

Джеймс обернулся и крепко обнял своего отца Брайана.

– Боюсь, отец, меня все равно никто не заметил в давке у входа.

– Не скажи, парень... – послышался знакомый голос. – Не заметить тебя трудно – с твоим-то ростом!

Джеймс снова обернулся и, расплывшись в улыбке, воскликнул:

– О, дядя Эван! – Джеймс обнялся с дядюшкой, в замке которого часто гостил мальчишкой. Сэр Эван передал племяннику много полезных навыков, в частности, научил ловко обращаться с мечом. – Как обстоят дела в замке Тайри?

Пожилой воин пожал плечами.

– С тех пор, как ты гостил у нас в последний раз, мало что изменилось. Кэмерон упрашивал меня взять его с собой, но твоя тетя и слышать об этом не хотела.

Джеймс с улыбкой кивнул. Тетя Грейс всегда боялась, как бы с ее детьми чего не случилось. Если бы могла, никогда бы их из-под своего крыла не выпускала. И если уж она что-то решила... Переубедить ее не представлялось никакой возможности. В этой, в общем-то, милой женщине с рассудительностью и практичностью каким-то неведомым образом уживалось твердолобое упрямство и поразительное умение добиваться своего любыми способами. Впрочем, подобные черты были свойственны всем женщинам клана Маккены.

– Моя сестра нещадно балует своих сыновей, – заявил Брайан Маккена. – Поверить не могу, что ты ей это позволяешь, Эван.

Нисколько не обиравшись на слова шурина, сэр Эван, усмехнувшись, заметил:

– Мне важно, чтобы в доме был мир. Твоя сестра редко мне перечит, но если уж ей что-то не по нраву, ох, спорить с ней себе дороже. Лучше уж сделать так, как она просит.

Джеймс тоже украдкой усмехнулся. Его-то отец мог рвать и метать сколько душе угодно, но и сам частенько шел на поводу у жены. Но на то была серьезная причина – Айлен Синклер Маккена не потерпела бы к себе иного отношения. Да, мать Джеймса умела за себя постоять, и отец с годами уяснил, что лучше с ней не связываться.

Заметив приближавшуюся к ним группу вождей соседних кланов, Джеймс уважительно отступил в сторону, смешавшись с толпой, тогда как Малколм, старший брат Джеймса, занял его место возле отца. Разумеется, Джеймс, как обычно, тяжело вздохнул от обиды – но что с этим поделаешь? Ведь он был вторым сыном, и ему на роду было написано играть второстепенную роль, тогда как Малколм, первенец, с рождения воспитывался как будущий вождь, то есть умел и воевать, и договариваться... и решать множество других сложных вопросов. И сейчас, в предстоящей важнейшей дискуссии, Малколм, конечно же, тоже должен был сказать свое слово.

Наблюдая за происходящим со стороны, Джеймс узнавал многих – если не всех – обступивших отца вождей. Но кто знал, что скрывалось за невозмутимостью их лиц? Впрочем, кое-кто не умел – или не хотел – скрывать своих эмоций (некоторые вожди вели себя демонстративно дерзко, словно бросали вызов тем, кто был готов защищать и поддерживать

закон и порядок). Но были и колеблющиеся, еще не успевшие определиться с тем, чью сторону займут. Разговор, как и ожидалось, шел о будущей независимости Шотландии и о коварстве вероломных англичан. Причем голос отца звучал громче других. При этом Брайан Маккена даже пытался сдерживаться и скрывать свои истинные чувства. Сэр Брайан служил королю верой и правдой долгие годы, поэтому выпады тех, кто подвергал сомнению право сына Роберта Брюса на престол, не могли оставить его равнодушным.

Между тем к группе переговорщиков присоединился и сэр Джеймс Дуглас. Широкоплечий, с горделивой осанкой человека, знающего себе цену, сэр Дуглас, однако же, обладал в глазах окружающих меньшим влиянием, чем Брайан Маккена; Джеймс заметил, как люди переминались с ноги на ногу, слушая Дугласа – мол, поскорее бы закончил. Когда же он умолк, все начали расходиться.

Джеймс посмотрел на затянутое тучами небо, потом перевел взгляд на отца. Интересно, как поступит Брайан Маккена – поспешит отправиться в обратный путь, пока не начался дождь? Или, может быть, останется и попытается привлечь на свою сторону тех, кто поддерживает юного короля?

– Малколм поедет с кланом Дугласа, – сказал Брайан, подходя к сыну. – Я бы хотел, чтобы ты сопровождал Армстронгов, пока они не вернутся на свои земли. И я хочу, чтобы ты оставался у них до тех пор, пока в тебе будет нужда.

Не в силах скрыть удивление, Джеймс проговорил:

– Мне понятно, почему Малколм поедет с Дугласами – он обручен с дочерью сэра Джеймса. Но зачем мне сопровождать клан Армстронгов?

– Ты постоянно жалуешься, что тебе скучно дома. Тебе хотелось приключений, так вот – получай, – заявил Брайан с усмешкой.

А Джеймс, конечно же, промолчал; он понимал, что за этой просьбой отца стоит нечто большее, чем дружественный жест по отношению к соседнему клану.

– И сейчас, – продолжал сэр Брайан, – нам очень важно обзавестись союзниками, понимаешь? Ты заметил на шее у сэра Дугласа серебряную цепь с прикрепленным к ней ларцом?

Джеймс утвердительно кивнул.

– Да, конечно.

– Так вот, в ларце находится забальзамированное сердце покойного короля.

Джеймс поморщился и пробормотал:

– Я слышал, как один из рыцарей об этом рассказывал, но я подумал, что это только слух.

– Нет, это правда. Столь убедительная демонстрация верности клана Дугласа королю и монархии снимает все вопросы относительно его намерений.

Джеймс осмотрелся. Не увидев никого поблизости, тихо спросил:

– А так ли искренне сэр Дуглас предан королю и короне?

– Я думаю, что Дуглас с удовольствием поддержит короля... при условии, что ему это выгодно. И будет поддерживать его ровно столько, сколько ему будет это выгодно, – добавил Брайан, поморщившись.

– И Армстронги верны короне настолько же, насколько и Дуглас?

– Лэрд Армстронг осторожен. И его можно понять. Тем не менее наш союз должен быть нерушим и крепок. Стоит появиться бреши, как англичане, увидев нашу слабость, набросятся на нас, и тогда наша с таким трудом завоеванная независимость окажется под большим вопросом.

Брайан Маккена прочистил горло и, нахмурившись, добавил:

– Я хочу, чтобы лэрд Армстронг знал, как ценен для меня союз с ним. Если ему когда-либо понадобится моя поддержка, он ее непременно получит. И я отправляю тебя, своего сына, к нему в знак доверия и дружбы. Он должен оценить этот жест.

Джеймс, глубоко тронутый тем, что отец доверил ему столь важную миссию, с трудом сдерживал эмоции. Ему стоило немалых усилий сохранять внешнее спокойствие.

– Отец, если ты веришь, что мое присутствие может помочь, я с радостью выполню поручение, – заявил он.

Брайан Маккена одобрительно кивнул и вознаградил сына улыбкой.

Джеймс тоже улыбнулся; он чувствовал, как грудь его распирает от гордости – и так было всегда, когда его всеми уважаемый отец удостаивал младшего сына своим вниманием. Но теперь слепое детское обожание сменилось вполне осознанным уважением к человеку, который отвечал не только за свою семью, но и за благополучие всего клана.

Клан Маккены всегда был сильным, влиятельным и богатым. До сих пор Джеймс считал, что своим благополучием они обязаны лидерским качествам отца и его беспримерному владению мечом. Однако теперь Джеймс понял, что хитрость и проницательность, умение искусно обходить препятствия и идти на уступки, когда этого требовали обстоятельства, нужны были вождю клана ничуть не меньше, чем храбрость и отвага.

– Кажется, нам придется попрощаться на время, братишка. Отец говорит, ты должен ехать с Армстронгами.

Джеймс смерил старшего брата взглядом. Малколм взял лучшее от родителей – ростом и статью пошел в отца, а от матери ему достались выразительные голубые глаза и улыбка, перед которой невозможно было устоять.

И характеру старшего брата только позавидовать! Малколма трудно было вывести из себя; он был настолько уверен в себе, что не испытывал потребности доказывать свою правоту (казалось, он понятия не имел о том, что такое сомнения и тревоги, постоянно отравлявшие жизнь Джеймсу).

Да, конечно, Джеймс завидовал старшему брату, однако утешал себя мыслью о том, что когда-нибудь, наверное, и у него, Джеймса, что-то изменится в лучшую сторону.

– А ты, говорят, поедешь с кланом Дугласа, – сказал Джеймс.

Малколм ухмыльнулся и толкнул брата в плечо.

– Помни, братишка, грех сладок, а человек падок. Пусть мухи летят на мед, а ты держись от соблазнов подальше.

Джеймс нахмурился и проворчал:

– Вот себе об этом и напоминай, а мне зачем? Думай, братец, как удержаться от греха, когда твоя невеста с тебя влюбленных глаз не сводит!

Малколм отыскал взглядом свою невесту, стоявшую рядом со своим отцом, сэром Дугласом. Заметив, что жених на нее посмотрел, девушка радостно улыбнулась. А Малколм в задумчивости произнес:

– А она пригожая, моя Маргарет.

– И смелая, – подхватил Джеймс. – Держу пари, она тебе не откажет, если предложишь ей провести первую брачную ночь до венчания. – При этих словах Джеймс шутливо толкнул брата в плечо, но тот даже не улыбнулся.

– Боюсь, ты прав, – буркнул Малколм. – Мне честь моей невесты дороже... чем ей самой.

Джеймс в удивлении вскинул брови. Его опыт общения с женским полом ограничивался несколькими молодыми вдовами из их же клана, и, хотя его вполне устраивали результаты этого общения, он все же не очень-то разбирался в вопросе. В его представлении было бы верхом глупости отказываться от того, что тебе предлагала хорошенькая девица.

– Она тебе не нравится? – решился спросить Джеймс.

– Она вполне симпатичная, но слишком уж ей хочется мне угодить.

Джеймс почесал затылок. «Что же в этом плохого?» – подумал он.

– Мне кажется, тебе понравилось бы жить с покладистой, услужливой женой.

– Вот они, слова младенца, не знающего греха, – с шутливой торжественностью провозгласил Малколм и, хлопнув брата по спине, наставительно добавил: – Весь смысл в том, чтобы сорвать приз. Но победа должна быть выстрадана, понимаешь?

– Ты хочешь, чтобы Маргарет сопротивлялась тебе?

Малколм невесело усмехнулся.

– Я последую примеру отца и не стану спать с другими женщинами после того, как женюсь. Но боюсь, меня ждет невыносимо скучная жизнь с такой смирной и покорной женой.

– Малколм, у тебя с головой... все в порядке?

– У меня-то как раз с головой все нормально, а вот тебе думать головой пока не удастся, – со смехом ответил старший брат. – Жена ведь не только для постели нужна. И тебе стоит об этом помнить, когда придет время выбирать невесту. – Кивнув на прощание, Малколм ушел, оставив младшего брата в недоумении.

«Что же он хотел этим сказать? – спрашивал себя Джеймс. – Какая еще жена ему нужна? Ведь хорошенькая женщина, всегда готовая угодить своему мужу, – лучше жены и не придумаешь!» Выходит, удача сама плыла Малколму в руки, а он нос воротил. Как это на него похоже!

Малколм был старше Джеймса всего на два года. Братья были неразлучны в детстве, но узы дружбы слабели по мере того, как росло между ними соперничество.

Малколм был наследником, отцовским любимчиком, и Джеймс, хотя никогда и не говорил об этом открыто, в душе завидовал брату, порой сильно завидовал.

Наскоро распрощавшись с отцом и дядей, Джеймс отправился седлать коня. Начался дождь. Земля быстро размокла. Небо было тяжелым и серым. «Скорее всего, придется промокнуть насквозь», – со вздохом подумал Джеймс.

Подъезжая к стану Армстронгов, он заметил трех женщин, каждая из которых ехала в окружении всадников. Самая старшая из женщин, очевидно, являлась женой лэрда Армстронга, а две молодые, наверное, были ее дочерьми, хотя Джеймс никогда не видел сестер, так сильно непохожих друг на друга.

Одну из дочерей Джеймс сразу окрестил про себя бурой куропаточкой, а вторую – золотистой лебедицей. Обе были стройные и ладные, но лишь златовласая красавица притягивала мужские взгляды и будила чувства – ее лицом с точеными скулами и полными сочными губами можно было любоваться бесконечно.

Зная о том, что на нее смотрят, блондинка вскинула голову, и ее коса засияла золотом, словно солнце выглянуло из-за туч. Джеймс же смотрел на нее словно замороженный. Но потом она улыбнулась – и волшебству пришел конец; Джеймс поймал себя на том, что потерял к красавице всякий интерес. Он тотчас же узнал этот расчетливо-кокетливый взгляд. Такая женщина выставляла свою красоту напоказ, а тем временем плела паутину, в которую непременно попадет глупец, поверивший, что ее улыбка – для него одного.

Резко развернув коня, Джеймс поскакал к началу колонны. Люди Армстронга вежливо приветствовали его наклонами головы, но никто не делал попыток заговорить с ним. И Джеймс сразу понял: он для них чужой и таковым останется, пока не докажет обратного.

Под морозящим дождем кавалькада начала подъем по крутому каменистому склону. Чтобы не оступиться на скользких камнях, приходилось ехать медленно, соблюдая предельную осторожность. Миновав крутой подъем и чуть более пологий, но не менее опасный спуск, они решили разбить на ночь лагерь.

Зная, что в первую очередь следовало заботиться о коне, Джеймс повел своего жеребца на водопой к лесному ручью. Напоив своего верного друга, он уже собрался возвращаться в лагерь,

но тут вдруг увидел шедшую к ручью женщину – она несла по деревянному ведру в каждой руке.

По плащу Джеймс узнал в ней одну из дочерей лэрда. Хотя голову ее покрывал капюшон, Джеймс сразу догадался, что перед ним – не златовласая красавица, а та, которую он про себя называл бурой куропаточкой. Его догадка подтвердилась, когда девушка опустилась на колени возле ручья и опустила ведро в воду. Капюшон ее соскользнул, открыв взгляду темно-русые волосы.

– Надо было попросить кого-нибудь из мужчин принести вам воды, – произнес Джеймс, шагнув ей навстречу.

Девушка вскрикнула от неожиданности и выронила оба ведра. Одно из них подхватило течением и понесло. Джеймс отреагировал мгновенно и выловил ведро.

Наполнив ведра, он поставил их на землю возле «бурой куропатки». Но девушка не торопилась забирать ведра – все так же стояла на коленях у воды и смотрела на молодого человека.

– Вы меня напугали, – проговорила она с упреком.

– Прощу прощения. – Джеймс невольно съехал под ее суровым взглядом. – Но там, откуда я родом, воду носят слуги, а не знатные дамы. О том, чтобы у вас имелось все необходимое, должны были позаботиться те, кто вас сопровождает.

Девушка потупила взгляд, но Джеймсу показалось, что она прятала улыбку.

– Нашему конвою есть чем заняться помимо того, чтобы носить мне воду, – сказала наконец девица. – Я не хотела никого утруждать. Кроме того, моя тетя не любит, когда я сижу без дела. Ей и моей кухне понадобится вода для умывания, поскольку же горничных с нами нет, работу поручили мне.

– Кухине? Выходит, та, другая девушка, не ваша родная сестра?

– Господи, конечно, нет! – Девица энергично покачала головой. – Джоан – моя двоюродная сестра. Наши отцы были братьями, причем мой был младшим из двух сыновей.

– Вы говорите «был»?

– Да. Он умер пять лет назад. Как и моя мать. – Голос девушки дрогнул, а в глазах появилась печаль.

– Но боль утраты еще свежа... – с сочувствием заметил Джеймс.

– Бывают моменты, когда я ощущаю эту боль гораздо острее, чем обычно. Когда бываешь на похоронах, невольно задумываешься о бренности всего и вспоминаешь ушедших близких... – Девушка прикусила губу и, как бы извиняясь, добавила: – Простите меня, сэр. Я слишком расчувствовалась. Я знаю, как это раздражает окружающих. Кузина Джоан постоянно мне об этом говорит. Она считает, что пять лет – достаточный срок, чтобы боль утихла.

Джеймс промолчал; ему не очень-то понравилось то, что он услышал. Она сочла нужным оправдываться перед ним. Но почему? Неужели ее родные настолько бессердечны?

– Кто искренне любит, страдает сильнее тех, кто лишь делает вид, что любит, – произнес он наконец.

Девушка подняла на него исполненные решимостью глаза – ей так хотелось казаться сильной! Решимость ее одновременно и восхищала, и трогала. Джеймс смотрел в ее карие глаза, понимая, что не может отвести взгляд. Сердце его сладостно сжалось – и замерло на мгновение.

«Да она же прехорошенькая! – воскликнул он мысленно. Конечно, не такая ослепительная красавица, как ее златовласая кузина, но отнюдь не дурнушка». У кареглазой девушки черты лица были правильными и тонкими, и смотреть на нее было весьма приятно... Кожа – чистая и гладкая, нежного сливочного оттенка. А рот – крупный, красиво очерченный.

Свои темные волосы она заплела в толстую косу, доходившую чуть ли не до талии. Волосы же блестели в лучах предзакатного солнца, пробивавшихся сквозь зелень листвы. И еще Джеймс

уловил исходящий от нее аромат свежести – настолько приятный, что хотелось приблизиться к ней и вдохнуть его полной грудью.

Но он все же поборол искушение – не хотел, чтобы она сочла его грубияном и невежей.

Джеймс присел на корточки, не сводя взгляда с девушки. И вдруг заметил золотистые искорки в ее глазах. И еще он увидел, что ресницы у нее – длинные, густые и темные, а брови – очень красивые. Но больше всего ему нравился ее взгляд – в нем не было фальши. Душа ее была чиста и открыта перед ним.

– Я до сих пор не знаю вашего имени, миледи, – тихо проговорил молодой человек.

– Меня зовут Давина.

– А меня – Джеймс.

– Я знаю, – кивнула девушка.

Тут Джеймс выпрямился и протянул ей руку. Давина нахмурилась, явно озадаченная, но, чуть помедлив, подала ему свою руку, залившись при этом стыдливым румянцем. Оба были без перчаток, и, помогая ей подняться, Джеймс почувствовал, какие тонкие у нее пальцы.

Был миг искушения – ему ужасно захотелось поставить ей подножку, и тогда бы он мог, якобы удерживая девушку от падения, прижать ее к себе. Но ему удалось побороть это желание.

– Я восхищаюсь вашей силой и мужеством перед лицом скорби, – тихо произнес Джеймс.

Давина со вздохом покачала головой.

– О, в этом мире столько людей, знающих боль настоящего страдания. Я едва ли могу причислить себя к ним, ибо у меня есть кров, пища и защита. Да, конечно, я знаю, что родственники видят во мне обузу, но они же меня не бросили... Знаете, редкий день проходит без того, чтобы я не тосковала по своим родителям, и все же я понимаю, что на самом деле мне очень повезло.

Она говорила вполне искренне, однако в голосе ее была неизбывная печаль. А вот Джеймс мог считать себя баловнем судьбы – он рос в любви и достатке, так как являлся сыном вождя одного из самых могущественных кланов Шотландии. Родственники Давины взяли ее к себе лишь потому, что считали своим христианским долгом приютить сироту, и бедняжка прекрасно это понимала. Но при этом она не опускалась до жалости к себе – была выше этого.

– Я провожу вас в лагерь, – сказал Джеймс.

Давина потупилась.

– Я вполне могу дойти сама, сэр Джеймс.

– Я считаю своим долгом проводить вас.

– Своим долгом? – в недоумении переспросила девушка.

– Разумеется. Долг рыцаря – помочь прекрасной даме, попавшей в трудное положение. Молю вас, не лишайте меня возможности почувствовать себя благородным рыцарем.

– Мы совсем рядом с лагерем, – возразила Давина. Но все же позволила молодому человеку усадить ее на коня.

Инстинктивно, боясь упасть, она прижала ноги к бокам коня, натянув ткань платья, и Джеймс увидел, какие у нее стройные ножки.

– Прекрасной даме не пристало ходить по земле, если можно перемещаться верхом, – произнес Джеймс и отвесил девушке низкий поклон. Джеймс заигрывал с ней, и по ее глазам он понял, что она это заметила, но, к счастью, взгляд ее сделался не осуждающим, а, напротив, озорным.

Джеймс широко улыбнулся, и Давина, скромно потупив глаза, тоже улыбнулась. Подвесив ведра с водой на луку седла, Джеймс ловко вскочил на коня, устроившись позади девушки. Та вскрикнула от неожиданности, но тут же тихо рассмеялась.

Осмотревшись, Джеймс пустил коня шагом, держа поводья в правой руке, а левой обнимая

Давину за талию.

– Расслабьтесь, – сказал он, осторожно привлекая ее к себе.

Она на мгновение замерла, но затем все же прислонилась спиной к его груди. А Джеймс, снова улыбнувшись, сказал себе: «Похоже, задание, что поручил мне отец, выйдет куда приятнее, чем ожидалось».

Через несколько дней Давина заметила, что уже не испытывала прежней усталости оттого, что проводила почти весь день в седле. Зато ночами ей было не до сна. Можно было бы сказать, что виной тому – сопение и храп множества людей, спавших по соседству, но Давина-то знала: причина ее бессонницы – совсем в другом. И причиной этой являлся Джеймс Маккена.

Юный рыцарь целыми днями развлекал ее всевозможными байками, забавными историями и шутками. Ей нравилось проводить с Джеймсом время, и она с нетерпением ждала утра, чтобы снова побыть вместе с ним.

– Я видела, как ты опять говорила с сэром Джеймсом сегодня утром, перед тем, как мы тронулись в путь, – сказала Джоан, подъехав к кухне.

Давина потупила взгляд, мысленно приказав себе не реагировать на ядовитый тон родственницы. Ведь Джоан – красавица, которая привыкла к тому, что львиная доля мужского внимания всегда доставалась ей. Однако Джеймс, пусть и не грубо – благородный рыцарь никогда не позволит себе грубости по отношению к прекрасной даме, – но все же твердо дал Джоан понять, что ее обществу он предпочитает общество ее двоюродной сестры.

– Сэр Джеймс начертил на земле карту и показывал мне, сколько еще нам осталось проехать до дома, вот и все, – ответила Давина.

Джоан прищурилась и проворчала:

– Но ты при этом гоготала как гусыня. Чем же тебя так рассмешила нарисованная на земле карта?

– У Джеймса есть дар. Он все что угодно может представить в забавном свете.

– Какой удивительно... никчемный талант, – снова съязвила Джоан. – Полагаю, мне не следует удивляться тому, что тебя увлекают мужчины вроде него. Я думала, ты умнее, да, видно, зря я так думала.

Давина с трудом подавила смешок. Что плохого в таких мужчинах, как Джеймс? Он парень видный, язык у него хорошо подвешен, глаза искрятся умом, а на подбородке – ямочка, которую так и тянуло погладить. Любая девушка была бы рада вниманию такого мужчины, и она, Давина, не исключение.

Но не только его внешность и обезоруживающая улыбка покорили Давину. Джеймс заметно отличался от всех прочих молодых людей. Уверенный в себе, он все же не был высокомерным. Сильный и мужественный, он умел быть мягким и нежным. Джеймс умел и любил пошутить, но объектом своих самых тонких и остроумных шуток всегда делал себя самого, а не других.

Джоан никогда бы и ни за что в этом не призналась, но Давина-то точно знала, что кухню терзала ревность, и потому она благородно прощала красавице все ее колкости.

– Джеймс добрый и вежливый, – сказала Давина, – и я нахожу его общество весьма приятным и интересным.

– Ты проводишь с ним слишком уж много времени, – продолжала гнуть свое Джоан. – На вас уже пальцем показывают.

– Неправда!

– Сухая правда. Я говорю тебе об этом лишь для того, чтобы ты знала, как это выглядит со стороны, и сделала правильные выводы. Своей глупой влюбленностью ты выставлешь себя на посмеище.

– Я не делаю никаких глупостей, – возразила Давина.

Джоан пожала плечами.

– Думай что хочешь. Но ты должна понимать, что он проявляет к тебе интерес лишь потому, что знает, что замок – часть твоего приданого.

Давине хотелось прокричать в ответ громкое «нет», но она промолчала, не желая показывать кузине, как больно задела ее эти слова. И был момент, когда в душу ее закралось сомнение. «А что, если Джоан права? – спрашивала себя девушка. – Что, если все знаки внимания со стороны Джеймса направлены лишь на то, чтобы завладеть моим имуществом?»

– Отчего-то мне не верится, что такой ничем не примечательный замок, как Торридон, может заинтересовать сына Маккены, – произнесла Давина, пожав плечами.

– Видишь ли, твой Джеймс – второй сын, – с сарказмом заметила Джоан. – Безземельный рыцарь! Знаю я этих нищих вторых сыновей. Они за любой клочок земли кому угодно глотку перегрызут.

Давина снова пожала плечами. Даже если в словах Джоан и был какой-то резон, мотивы кузины были далеки от благородства. Ведь Джоан явно ей завидовала! И что бы там она ни говорила, отсутствие внимания со стороны Джеймса не давало ей покоя; Давина прекрасно это понимала, так как довольно хорошо знала характер своей двоюродной сестры.

Словно почувствовав, что говорили о нем, Джеймс глянул через плечо и посмотрел на Давину. И в тот же миг девушка почувствовала, как у нее перехватило дыхание, а по телу прокатилась сладостная дрожь. Давина сама себе удивлялась – она не понимала, что с ней происходило. Да, не понимала, но точно знала: сейчас ей было так хорошо, как никогда прежде.

На следующий день они пересекли невидимую границу и оказались на землях, принадлежавших клану Армстронгов. Никто Джеймсу ничего не говорил, но он понял, на чьей земле они находились, наблюдая за воинами конвоя. Исчезла прежняя напряженность, а на лицах людей появились улыбки. А Джеймсу вдруг стало тоскливо при мысли о скором расставании с Давиной...

Хотя, с другой стороны, отец ведь не настаивал на его скором возвращении домой, не так ли? И если лэрд не будет возражать, то он, Джеймс, мог бы и задержаться у Армстронгов. Скажем, до конца лета.

Джеймс покосился на Давину, ехавшую рядом с ним. Та одарила его робкой улыбкой и облизала губы. И в то же мгновение Джеймса пронзило желание. Теперь-то он твердо решил, что постарается подольше задержаться в гостях.

– Замок Армстронгов вон за тем холмом, – сказала Давина, указывая вдаль. – К ночи мы должны доехать.

– Почему вы не улыбаетесь, когда говорите об этом, Давина? Разве путешествие вас не утомило?

Девушка склонила голову к плечу, как бы раздумывая над словами молодого рыцаря.

– Конечно, я соскучилась по удобной кровати и настоящей крыше над головой, – ответила она, помолчав. – Но жизнь будет казаться очень уж скучной после того, как закончится это приключение. А вы что скажете? Вам, наверное, не терпится поскорее вернуться домой?

Джеймс пожал плечами.

– Я много лет провел в замке Маккены. Хорошо бы ненадолго сменить обстановку.

– Я слышала, что замок Маккены очень большой и грозный.

– Да, он нависает над долиной, накрывая ее своей тенью.

– И как к этому относятся фермеры, что живут в долине? Не жалуются? Урожаю ваш замок не вредит? – со смешком спросила Давина.

Джеймс в ответ расхохотался.

– Нет, фермеры не жалуются. Наши враги знают, что замок им не взять, вот они и не суются на наши земли. А фермерам от этого только лучше. И не только им.

– А приятно ли жить в таком суровом замке?

Джеймс вспомнил о высоких стенах с парапетами и бойницами, а также о четырех сторожевых башнях на все стороны света и широком глубоком рве, окружавшем замок.

– Наш замок суров на вид, это верно. Но моя мать делает все, чтобы внутри было уютно. В главном зале всегда горит огонь в камине, чтобы прогнать сырость, а на стенах висят нарядные шерстяные гобелены. У нас даже окна в спальнях застеклены. А у родителей в спальне в окнах – настоящие витражи.

– Правда?

Джеймс невольно усмехнулся. По правде говоря, витраж и впрямь впечатлял. И пусть Маккена ворчал по поводу «выброшенных на ветер денег» – отказать своей жене он никак не мог.

– Если бы вы видели, как в солнечный день играет в комнате свет, переливаясь всеми цветами радуги! Когда мы были детьми, нас с братом и сестрой всегда завораживало это зрелище, а мама говорила, что к нам в гости прилетают волшебницы-феи.

– Такое даже трудно представить... – пробормотала Давина.

Джеймс улыбнулся и заявил:

– Тогда вы должны увидеть это чудо собственными глазами.

– Почему бы и нет? – просияв, ответила девушка.

Давина кивнула стражникам, выходя за ворота замка. Улыбаясь, она куталась в теплую шаль, защищавшую от холодного ветра.

Солнце светило ярко, поднимая настроение, но настоящей радостью ее наполняла мысль о том, ради чего она покинула высокие стены замка. И тот час, что она потратила на дорогу, ничуть не умерил ее радости.

Приставив ладонь к глазам, девушка смотрела вверх – туда, где на вершине холма с крутыми скалистыми отрогами стоял мужчина, которого она узнала бы из тысячи. «Джеймс, мой Джеймс!» – мысленно восклицала она.

Он помахал ей рукой, и сердце Давины забилося чаще, как всегда бывало, когда Джеймс смотрел на нее.

Давина прикрыла глаза, набрала полную грудь воздуха и замерла, заклиная мгновение остановиться. То, о чем она молилась все эти пять лет, чего так желала, – это наконец осуществилось! Впервые с тех пор, как умерли ее родители, она обрела по-настоящему близкого человека. Того, кто утешал ее и смешил. Того, кто ее слушал. Того, о ком она думала постоянно. Джеймс восхищался ее волей и побуждал говорить то, что она действительно думала, побуждал к откровенности. Более того, он ценил ее как личность и превозносил как женщину.

Не чуя под собой ног, Давина побежала вверх по склону – побежала навстречу своему Джеймсу. Задыхаясь от быстрого бега, она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в свежевыбритую щеку.

– Давина, разве так надо целовать мужчину? – спросил Джеймс с улыбкой.

– Хватит ныть! – рассмеялась она. – Разве не ты учил меня целоваться? Каков учитель, такова и ученица!

Снова рассмеявшись, Давина побежала к березовой роще, и Джеймс бросился следом за ней. Конечно же, он без труда ее догнал и заключил в объятия. И они, продолжая смеяться, какое-то время стояли в обнимку.

– Я тебя не так учил целоваться, Давина Армстронг! – воскликнул молодой рыцарь. – Ну-ка, поцелуй меня по-настоящему!

Щеки девушки горели огнем. Ничего слаще, ничего волшебнее, чем поцелуи Джеймса, не было для нее на свете. И чем больше он ее целовал, тем больше ей хотелось, чтобы это не прекращалось.

Принимая вызов, Давина обвила руками его шею и, приподнявшись на носки, прижалась губами к его губам. Очень скоро она почувствовала его ладони на своей талии и, млея от удовольствия, провела кончиком языка по его нижней губе. Джеймс глухо застонал, и этот низкий вибрирующий звук дал мощный толчок проснувшемуся у нее желанию – теперь оба были словно в огне; причем Давина, нисколько не стесняясь своей страсти, принялась целовать его в шею, а потом – в ямочку за ухом, что ей ужасно нравилось. «Должно быть, я и впрямь влюбилась в Джеймса по уши», – думала девушка. Пристально посмотрев ему в глаза, она как бы признавалась в своей любви. И тотчас же зажмурилась, запрокинув голову. А Джеймс снова впился поцелуем в ее губы. Когда же он наконец отстранился, она взмолилась:

– Джеймс, еще...

Тот тяжело вздохнул – и не внял ее призыву. Немного помолчав, пробормотал:

– Ты заставляешь мое тело петь, а сердце – парить в небесах. Но ты, Давина, истинная леди. Ты леди и по рождению, и по воспитанию, и я должен обращаться с тобой с уважением и почтением, как ты и заслуживаешь.

Галантные слова кавалера не могли потушить бушевавший в ней огонь, но все же охладили ее настолько, что она разжала объятия. А Джеймс, тотчас же воспользовавшись этим, взял ее под руку и медленно повел к роще на дальнем склоне. К тому времени, как они пересекли поляну, Давина успела взять свои желания под контроль, но горький привкус разочарования все-таки остался.

Последние несколько месяцев их взаимные чувства расцветали и наливались соками, словно колосья на полях. И сейчас Давине ужасно хотелось отдать ему всю себя, хотелось принадлежать ему и телом, и душой. Джеймс утверждал, что хотел того же, но почему тогда медлил, почему проявлял нерешительность? Действительно – почему?... При всей ограниченности своего опыта Давина точно знала, что большинство мужчин не раздумывая взяли бы то, что она сейчас предлагала. А вот Джеймс...

Погруженная в невеселые раздумья, Давина не замечала окружавшей их красоты. Джеймс приподнял ветку, и девушка нырнула под нее, глядя под ноги. Здесь, в роще, брала свое начало извилистая речушка, впадавшая в озеро, которое находилось в долине у подножия холма.

Давина покраснела, вспомнив, как однажды утром, примерно месяц назад, увидела Джеймса, купавшегося в этой речке совсем без одежды. Давина наблюдала за ним, спрятавшись за ствол дерева. А он был похож на языческого бога – поджарый и мускулистый, гибкий и ловкий.

Нетрудно догадаться, какая часть его тела вызвала у Давины наибольший интерес. Стесняясь своего неумного любопытства, Давина так и не решилась обнаружить себя, но то, что она успела разглядеть, стало причиной ее частой бессонницы.

Хрустнула ветка, и этот звук вывел Давину из раздумий. Она виновато посмотрела на своего спутника, словно он мог читать ее мысли.

Между тем Джеймс вел себя... как-то очень странно. Сначала он отошел от нее на почтительное расстояние, потом шагнул к ней и сказал:

– Давина, дай мне свою руку.

Она улыбнулась и протянула ему руку. Крепкие пальцы Джеймса сомкнулись вокруг ее ладони. И тут, глядя ей в глаза, он опустил на одно колено, а затем почтительно склонил голову.

«Господи, неужели?! Наконец-то!» – мысленно воскликнула девушка, и сердце ее гулко забилося.

– Давина Армстронг, – сказал Джеймс, – моя привязанность к тебе переросла в глубокое и сильное чувство. Ты готова сделать меня самым счастливым мужчиной во всей Шотландии и оказать мне величайшую честь, согласившись стать моей женой?

У Давины от счастья голова шла кругом. Горло сдавил спазм, и ей удалось лишь издать звук, похожий на писк.

Джеймс, встревожившись, поднял голову, и взгляды их встретились. И в тот же миг Давину охватила такая несказанная радость, что на глаза навернулись слезы. Она пыталась успокоиться, чтобы лучше запомнить чудесный момент, когда все в ее жизни наполнилось светлыми надеждами.

– Да, Джеймс, я выйду за тебя, – ответила она наконец.

Джеймс тотчас же выпрямился, обнял ее, прижал к себе крепко-крепко и с торжественной серьезностью произнес:

– Но ты мне должна кое-что пообещать. Не будь слишком уж покладистой женой.

– Что?... – Давина смотрела на молодого рыцаря во все глаза. «Может, я что-то не так расслышала?» – промелькнуло у нее.

А Джеймс провел ладонью по волосам и, в смущении улыбнувшись, пояснил:

– Видишь ли, мой брат Малколм однажды посоветовал мне не брать в жены слишком покладистую девицу. Но к тебе это отношения не имеет. Вернее, к нам с тобой.

Давина так ничего и не поняла, но это не помешало ей насладиться моментом. Она блаженно улыбалась, крепко прижимаясь к любимому. Давина знала, что ей несказанно повезло, и сейчас чувствовала себя самой счастливой женщиной на земле. Более того, она уже строила планы на будущее. Интересно, когда можно будет обвенчаться? Хорошо бы побыстрее... Пышное празднество устраивать ни к чему, хотя отец Джеймса, наверное, захочет свадьбу, соответствующую высокому статусу клана Маккена, пусть даже Джеймс и не наследник, а всего лишь второй сын. А вот ее дяде будет жалко сильно тратиться на свадьбу, тем более что его собственная дочь все еще на выданье. И все же этот альянс пойдет на пользу Армстронгам, и не в его интересах представлять скупцом перед Маккеной.

– Так, парни, что у нас тут?!

Давина стремительно обернулась на голос, и глаза ее расширились от ужаса – она увидела мужчин, взбиравшихся по склону и направлявшихся к ним с Джеймсом. Их было пятеро, нет, шестеро, причем все крупные и мускулистые, с мечами и кинжалами. Но на них не было пледов, по цвету которых можно было бы определить, к какому клану они принадлежали. Одежда же была изношенная и грязная, а в глазах горели алчность и злоба. Прежде ни одного из этих людей Давина не видела.

Быстрым движением Джеймс обнажил меч, заслонив девушку. Давина споткнулась и едва устояла на внезапно ослабевших ногах. До замка было слишком далеко – сколько ни кричи, никто не услышит. И на помощь рассчитывать не приходилось.

– Что вам тут надо?! – крикнул Джеймс.

– Хотим попробовать, сладка ли твоя девчонка, парень, – протянул один из незнакомцев, оскалив гнилые зубы.

– Эта женщина – леди, – процедил в ответ Джеймс. – Моя леди, ясно?

Его ответ развеселил разбойников, и кто-то из них со смехом сказал:

– Парень, а разве мамочка не учила тебя, что надо делиться?

– Нет, не учила. Зато мой отец научил меня защищать то, что мне принадлежит, – заявил Джеймс, принимая боевую стойку.

Давина судорожно сглотнула; от страха пересохло во рту и стало трудно дышать. А сердце забилось часто-часто...

Джеймс же тем временем изучал противников и казался совершенно спокойным. Его уверенность отчасти передалась и Давине. Но стоило ей перевести взгляд со своего защитника на тех, от кого он пытался ее защитить, как ее охватила паника.

Оборванные и грязные, эти разбойники отнюдь не выглядели истощенными и слабыми. Но больше всего ее пугал хищный блеск в глазах каждого из шестерых. Увы, силы были слишком неравны. Давина не сомневалась в том, что Джеймс будет защищать ее-то до последнего вздоха, но ее это все равно не спасет!..

– Тебе с ними не справиться, – прошептала она у него за спиной.

– Я справлюсь. Я смогу. – Голос Джеймса не дрогнул, но Давина понимала, что он обещал невозможное.

– Вы – на земле Армстронга! – громко заявила она. – И если у вас есть какое-то дело к хозяину этой земли, то поезжайте в замок. Если же нет... Лучше бы вам покинуть эти места до того, как вас обнаружат. Мой дядя очень не любит, когда по его земле ходят чужаки.

– Что-то я не вижу тут ни одного воина лэрда Армстронга, детка, – с ухмылкой протянул самый высокий из разбойников. – Мои глаза видят лишь одинокого рыцаря да напуганную девицу, не умеющую держать язык за зубами. – Он громко захохотал, но куда сильнее этого

смеха, сильно смахивавшего на лай, девушку напугал блеск вождения в его глазах.

Стараясь не выдавать своего страха, Давина презрительно фыркнула и бросила в лицо негодяю:

– Вы пожалеете, если не последуете моему совету!

Ее слова были встречены дружным хохотом. Пока разбойники обменивались шутками, Джеймс с душераздирающим воплем бросился на высокого, очевидно на главаря. В следующее мгновение он вспорол ему живот и тотчас же разmozжил нос еще одному из разбойников. Закрыв окровавленное лицо ладонями, тот покачнулся и рухнул на землю рядом с главарем. Но их приятели, обнажив мечи, вчетвером пошли на Джеймса. Каким-то чудом ему удавалось отбиваться, и он, улучив момент, повернулся к девушке и крикнул:

– Давина, беги!

И она побежала. Вот только далеко убежать ей не удалось. Один из разбойников догнал ее и повалил на землю. Сильно ударившись при падении, Давина попыталась откатиться в сторону, но разбойник схватил ее за плечо и уложил на спину. Девушка хотела завизжать, но насильник ударил ее по голове кулаком, и она на несколько мгновений лишилась чувств. Воспользовавшись моментом, разбойник навалился на нее. Почти тотчас же очнувшись, Давина пыталась отбиваться руками и ногами, но сбросить насильника не смогла – лишь растратила все силы в неравной борьбе.

А навалившийся на нее разбойник зажал ей рот мясистой ладонью. Дышать стало трудно, и голова закружилась. Давина слышала звон мечей и крики, но, отчаявшись хоть как-то повлиять на ситуацию, она прибегла к последнему средству – к молитве. «Господи, не дай Джеймсу умереть!» – закричала она мысленно.

Каким-то чудом ей удалось повернуть голову, а затем она услышала громкий крик и увидела, как противник Джеймса схватился за руку, в которой держал меч; сквозь пальцы же сочилась кровь. Выкрикнув проклятие, раненый разбойник упал, но его место тотчас же занял другой, судя по всему, лучше всех из нападавших владевший мечом. И он почти сразу же стал теснить Джеймса.

К счастью, Джеймс, отступая, все же держался на ногах, но Давина видела, что он устал и что с каждым взмахом меча сил у него оставалось все меньше. Внезапно разбойник выбил меч из рук Джеймса – и Давина зажмурилась. Она не увидела, как Джеймс отбросил противника ударом ноги и как тот упал навзничь. Увы, воспользоваться преимуществом Джеймс не успел – разбойник мигом вскочил на ноги.

Когда же Давина открыла глаза, то увидела все то же: разбойник с перекошенным от злобы лицом шел с мечом на безоружного Джеймса. Но в тот момент, когда он приблизился к Джеймсу, молодой рыцарь выхватил из голенища кинжал и вонзил его в грудь врага.

Сердце девушки радостно подпрыгнуло в груди. Надежда на спасение есть! Джеймс побеждал! И в тот же миг у нее откуда-то взялись силы сопротивляться навалившемуся на нее разбойнику. Но, увидев занесенный над нею кулак, Давина поняла, что рано обрадовалась. Она попыталась увернуться от удара, но нет – страшная боль, казалось, разорвала голову, и все поплыло у нее перед глазами.

До того, как провалиться в беспамятство, Давина успела услышать отчаянный крик Джеймса, встреченный грубым хохотом.

Джеймс вздрогнул – и очнулся. Попытался приподнять голову – и застонал от жуткой боли. В кромешной мгле он ничего не мог разглядеть и, обессилив, вновь закрыл глаза. «Дыши глубоко», – приказал он себе.

Вскоре туман в голове рассеялся, но на смену туману снова пришла боль – острая,

невыносимая боль во всем теле. Болело все – от макушки до пяток. Обливаясь потом и дрожа от слабости, Джеймс приподнялся, но тут же вновь упал на постель. «Господи, что со мной?» – подумал он.

Было очень трудно открывать глаза, но Джеймс все же заставил себя это сделать. Затем, приподняв одеяло, в недоумении заморгал, увидев, что его рука, грудь, живот и ноги были забинтованы, а сквозь бинты проступала кровь. «Но что же случилось?...» – спрашивал он себя.

А затем – пусть урывками – память начала к нему возвращаться.

– Давина... – прошептал он со стоном.

Джеймс попытался подняться. Кровать заскрипела, и от этого скрипа голову пронзила резкая боль. Прислонившись спиной к изголовью кровати, Джеймс сделал глубокий вдох, стараясь унять боль и привести в порядок разрозненные воспоминания. Да-да, теперь он точно помнил: встретились в их секретном месте, на вершине холма. И Давина, как всегда, искренне радовалась встрече: смеялась, заигрывала с ним, дразнила его и страстно целовала. А он страшно волновался, делая ей предложение. Когда же она ответила согласием, он был на седьмом небе от счастья.

Но затем... Затем на них напали разбойники! Он дрался отчаянно, он даже убил двоих или троих, но их было слишком много. Джеймс вспомнил, как вонзил в грудь противника кинжал, – а вот что было потом? Ох, этого он не помнил.

Но что стало с Давиной? Спаслась ли она? Или ее похитили? А может, убили?

Преодолевая чудовищную боль, Джеймс громко позвал Давину по имени. И тут же дверь спальни распахнулась, и в дверном проеме возник силуэт грузного мужчины.

– Вы очнулись? – спросил он.

– Да, уже... – прохрипел Джеймс.

– Тогда я приведу лэрда, – сказал мужчина и тотчас ушел – Джеймс так и не успел ни о чем его расспросить.

Собственная беспомощность ужасно раздражала, но Джеймс приказал себе сохранять спокойствие. Наконец в спальню вошел лэрд Армстронг, а с ним – двое мужчин, в одном из которых Джеймс узнал начальника караула (второй был ему незнаком).

– Вижу, ты решил вернуться в мир живых, – произнес Армстронг, хмуро глядя на раненого.

– Где Давина? – спросил Джеймс.

– Прикована к постели. – Лэрд Армстронг был мрачнее тучи. – Она опозорена и избита. Ее мучают кошмары, и она кричит по ночам. Мои люди нашли вас обоих в нескольких милях от замка. Нашли в беспомощности и истекающих кровью. Что произошло?

«Давина жива!» – мысленно воскликнул Джеймс, и сердце его переполнилось радостью. Но радость мгновенно сменилась печалью. Давина жива, но искалечена?...

– На нас напали, – со вздохом ответил молодой рыцарь.

– Кто именно?

– Разбойники. Негодяи.

– Но мои люди никого не видели. А в деревне никто не ограблен. И урожай не тронут... – Лэрд Армстронг криво усмехнулся. – Что ты нам можешь о них рассказать?

Джеймс тяжело вздохнул и едва не потерял сознание от боли в груди.

– Их было шестеро, но пледов на них не было. И щитов с гербом клана – тоже. Они появились внезапно.

– Могу лишь догадываться о том, чем вы занимались в том безлюдном месте с моей племянницей, если вас застали врасплох, – с мрачной ухмылкой заметил вождь.

Джеймс со вздохом стиснул зубы. Немного помолчав, заявил:

– Поверьте, сэр, я люблю Давину, поэтому никогда не сделал бы ничего такого, что могло бы

бросить тень на ее честь и добродетель.

Лэрд Армстронг недоверчиво хмыкнул, потом спросил:

– Шесть человек приблизились к вам, а ты ничего не услышал? Я думал, Маккена лучше тренирует своих воинов.

«Да так и есть. Я подвел отца – посрамил честь своего клана», – подумал Джеймс и, опустив голову, пробормотал:

– Они были пешими. И подобрались неслышно.

Глаза вождя вспыхнули гневом, и он проговорил:

– Много лет мы не знали хлопот от разбойников в наших краях, а теперь... Что же случилось теперь?

– Разбойники не смели к нам соваться, пока был жив король Брюс, – вторил вождю начальник караула.

«Идите вы к черту со своей политикой!» – хотелось крикнуть Джеймсу. Для себя же он решил, что во что бы то ни стало найдет негодяев и накажет их за то, что они сделали с Давиной.

– Должно быть, на них напали англичане, – предположил второй спутник лэрда.

– Нет, то были шотландцы. Я могу судить по их мечам. Они дрались клейморами. – От волнения у Джеймса сдавило горло. – Я убил двоих и еще двоих ранил. А потом... – Он в растерянности пожал плечами.

– Мы не нашли тел, – сообщил начальник караула.

Джеймс снова вздохнул: спорить было бесполезно.

– Должно быть, они забрали погибших и раненых с собой, – сказал он, немного подумав.

– Двое забрали четверых? – недоверчиво переспросил Армстронг.

Джеймс пожал плечами. Никаких разумных объяснений случившемуся он дать не мог.

– А что Давина вам рассказала?

Армстронг еще больше помрачнел.

– Она не может об этом говорить. Начинает рыдать – и ее не остановить...

Джеймс выругался и проворчал:

– Последнее, что я помню, – это страшная боль в голове.

Начальник караула утвердительно кивнул.

– Да, верно. У вас на затылке здоровенная шишка. Должно быть, вас ударили сзади.

Джеймс дотронулся до шишки за правым ухом и чуть не ослеп от боли. Опустив голову, он боролся с подступившей тошнотой. А Армстронг и его приближенные тем временем о чем-то переговаривались, нарочно понижая голос, чтобы он, Джеймс, их не услышал. Было ясно: его рассказ не казался им убедительным. Его подозревали? Но в чем? Впрочем, неважно. Он не являлся членом их клана, а чужих нигде не любят, пусть даже он был сыном лэрда Маккены, одного из самых сильных и уважаемых вождей.

«Но что же с Давиной?» – снова и снова спрашивал себя Джеймс. Он должен был ее увидеть, но едва ли смог бы встать с постели без посторонней помощи. Признаваться же в своей слабости ему не позволяла гордость.

А стоявшие перед ним трое мужчин продолжали тихо переговариваться, то и дело поглядывая в его сторону. Джеймс не мог не чувствовать нарастающей напряженности, но в какой-то момент он вдруг понял: ему нет дела до того, как к нему здесь относятся! И в тот же миг веки стали наливаться тяжестью, и все труднее было держать глаза открытыми – он чувствовал, что проваливается в небытие. словно сквозь сон он еще слышал обращенные к нему слова, но уже не понимал, что ему говорили, и ответить не мог.

Боль накатывала волнами, но ни на мгновение не отступала полностью. Однако же страшнее боли были кошмарные картины, вспыхивавшие перед глазами с неумолимым

постоянством; он видел Давину, и она кричала, звала на помощь, отбиваясь от насильников, но он не мог ей помочь.

А еще через некоторое время Джеймс провалился в темноту.

Когда Джеймс очнулся, вокруг по-прежнему было темно, хоть глаза выколи. Лишенный ориентиров в чернильной мгле, окутавшей сознание, он усилием воли попытался вызвать к жизни хоть какое-то воспоминание. И вновь вспомнилась битва на вершине холма. И вновь он испытал гнев, а вместе с гневом и жгучий стыд.

Давина! Он должен увидеть ее. Должен во что бы то ни стало!

Глухо застонав, Джеймс оторвал голову от подушки и, испытывая ужасную боль, все же сел в постели.

Подождав, когда восстановятся силы, Джеймс предпринял следующий шаг – потянулся за туникой, лежавшей на приступке к кровати. Только с четвертой попытки ему удалось продеть голову в прорезь, и еще столько же времени ушло на то, чтобы просунуть левую – здоровую – руку в рукав.

А потом вновь пришлось отдыхать, восстанавливать силы. Когда же Джеймс попытался встать, его качнуло, и он, чувствуя, что падает, выставил перед собой левую руку. К счастью, он упал не на пол, а на кровать лицом вниз. И довольно долго так лежал, закрыв глаза. Однако от своих планов отказываться не собирался.

Чувствуя, что снова проваливается во тьму, Джеймс ударил кулаком по изголовью – гнев делал его сильнее. В конце концов он заставил себя подняться и кое-как натянул на перебинтованные ноги штаны. Обувшись, пошарил руками в темноте. Нашел кинжал и сунул его за голенище сапога.

Пошатываясь, Джеймс пошел по темному пустынному коридору. Судя по всему, была глубокая ночь. И вероятно, все в замке спали.

В первую же неделю своего пребывания у Армстронгов Джеймс узнал, где находилась спальня Давины. Поскольку отдельных спален в замке было совсем немного, отыскать комнату Давины труда не составило – даже в его прискорбном состоянии. Джеймса неприятно удивило то, что у ее дверей не было охраны, но, с другой стороны, если бы ее спальня охранялась, его могли бы к ней и не пустить.

Джеймс повернул ручку и толкнул дверь, насколько позволили силы. Дверь со скрипом отворилась. Спальня тонула во мраке – лишь одна свеча горела на столе. Джеймс переступил порог и, хромя, побрел к кровати, находившейся у дальней стены. Возле кровати сидела пожилая горничная. Услышав шаги, она обернулась и, увидев молодого человека, вскочила со стула. Через несколько секунд пробормотала:

– О, пресвятые угодники... Вы меня насмерть перепугали, сэр. В такое время я никого не ждала.

– Прощу прощения. Я пришел повидать Давину, – проговорил Джеймс.

– Она спит, бедная овечка.

– Не бойтесь, я не стану ее будить. – Не дожидаясь приглашения, Джеймс осторожно приблизился к спящей Давине. Но при скупом освещении он смог разглядеть лишь очертания ее тела, проступавшие под одеялом. – Принесите свечу, – сказал он горничной.

Женщина замерла в нерешительности. Молодой рыцарь грозно нахмурился, и горничная молча исполнила его приказание.

Когда Джеймс увидел свою любимую, то едва не пожалел о том, что заставил горничную принести свечу. Сердце его болезненно сжалось, а душа переполнилась гневом. Что они с ней сделали?!

Давина лежала на спине, вытянув вялые – словно неживые – руки вдоль тела. Одеяло

укрывало ее до пояса. Лицо же, пепельно-серое, было покрыто синяками и ссадинами и безобразно распухло с одной стороны. А на шее виднелся лиловый кровоподтек с воспаленными красными кромками – очевидно, ее пытались задушить.

Слава богу, что не задушили.

– Она едва дышит. Почему? – просипел Джеймс.

– Это все из-за лекарства. Ей дают настойку, чтобы она крепче спала. Она даже осмотреть себя не дает, кричит и плачет.

– Она... Ее... – Джеймс так и не смог задать этот вопрос.

– Подверглась ли она насилию? – Горничная сочувственно покачала головой. – Похоже, что так. Хотя повитуха не смогла ее осмотреть. Стоило повитухе к ней прикоснуться, как она начинала биться в истерике.

– Милостивый боже... – прошептал Джеймс. Он думал, что больнее быть уже не могло, но, выходит, ошибался.

Осторожно присев на край кровати, он взял Давину за руку. Рука ее была холодна как лед. Ногти же были обломаны, и под ними местами виднелась засохшая кровь – она отчаянно боролась за свою жизнь!

А в том, что случилось с ней, Джеймс винил только себя. Он должен был ее защитить, уберечь. Ему нет и не будет прощения. При этой мысли холод отчаяния заполнил его сердце.

И тут Давина, сжав кулаки и вскрикнув, открыла глаза. А затем с ее потрескавшихся разбитых губ сорвался мучительный стон.

– Тише, тише, – прошептал Джеймс, чувствуя ее боль как свою. – Успокойся, любовь моя.

Внезапно Давина посмотрела на него, и зрачки ее расширились словно от ужаса. В следующее мгновение Джеймс понял, что она его узнала. Ее начало мелко трясти и с каждой секундой колотило все сильнее. А потом она начала всхлипывать и подвывать, как раненое животное. Джеймс хотел ее обнять, успокоить, отогнать ее страх, но она загородилась от него рукой, и, заглянув в ее глаза, он увидел в них только страх и боль. «Все кончено. Она никогда не сможет меня простить», – подумал он в отчаянии.

Тут горничная подошла к кровати и бесцеремонно заявила:

– Вам бы лучше уйти. Вы ее пугаете.

Проклятие, он и сам это видел! И оттого чувствовал себя ничем не лучше тех, кто над ней надругался.

– Я завтра вернусь, – сказал Джеймс, уходя. – Может, завтра она придет в себя и не будет бояться меня.

Горничная с сомнением покачала головой. Ей мало верилось в то, что Давина снова станет прежней. Но Джеймс не собирался сдаваться.

Прихрамывая, он побрел обратно в свою спальню. Без сил упав на кровать, почти сразу же уснул. Проснулся же, когда утро было уже в разгаре – серое, хмурое и безрадостное. И настроение у него было под стать – им владело мрачное предчувствие беды; ему было плохо, но он знал, что будет еще хуже.

На этот раз на пути к спальне Давины – долгом и мучительном – ему повстречалось немало народу, но никто не остановился, чтобы с ним поговорить. И никто даже не поздоровался с ним. Пряча глаза, все встречные старались поскорее прошмыгнуть мимо.

Когда же он добрел наконец до спальни любимой, горничная сообщила ему, что Давина не желает его видеть. Не имея сил спорить с решительно настроенной горничной, Джеймс поплелся обратно. Но упрямо вернулся на следующий день. И снова получил отказ – Давина хотела, чтобы ее оставили в покое. Поэтому Джеймс решил, что должен уважать ее волю. Он вернулся к себе в спальню и лег на кровать. А потом ел то, что ему приносили. И терпел боль,

когда лекарь менял ему повязки. А так же безропотно пил горькие лечебные настойки.

И никто к нему не приходил – только слуги, приносившие еду, и лекарь, врачевавший его раны. В нарушение предписанного ему постельного режима Джеймс время от времени вставал и осторожно ходил по комнате, чтобы вернуть силу мышцам. Он делал все, чтобы ускорить выздоровление. Он был вежлив и покладист со всеми, кого видел. Но внутри у него все кипело.

И еще – каждое утро и каждый вечер Джеймс совершал долгий и мучительный переход к спальне Давины. И каждый раз горничная передавала ему одно и то же: Давина просила, чтобы ее оставили в покое. Но на восьмой день вместо горничной его встретила Джоан – кузина Давины.

– Доброе утро, леди Джоан, – произнес Джеймс с вежливым поклоном. И вдруг забыл, зачем пришел. Джоан была ослепительно красивой – с выразительными васильковыми глазами, роскошной косой цвета спелой пшеницы и удивительно изящными чертами лица.

И все же он знал, что внешняя красота не заменит красоты внутренней.

– Доброе утро, сэр Джеймс, – ответила красавица. – Вижу, что ваши раны заживают. Будем надеяться, что в скором времени вы окончательно поправитесь.

Джеймс сжал в кулак и разжал пальцы правой руки. Тело его и впрямь шло на поправку, но душа не будет знать покоя, пока он не поговорит с Давиной. И Джоан стояла у него на пути.

Не особенно переживая из-за того, что ведет себя грубо, он попытался протиснуться мимо нее, но Джоан остановила его, положив руку ему на плечо.

– Давина попросила меня поговорить с вами, – сказала красавица. – Она желает покоя и умоляет вас оставить попытки увидеться с ней. Вы лишь расстраиваете ее своими приходами.

Злорадство Джоан было слишком явным, чтобы не вызвать подозрений, и потому Джеймс пробурчал:

– Я не верю, что Давина могла сказать такое.

– Правда существует независимо от того, верят в нее или нет, – снисходительно усмехнувшись, ответила Джоан.

– Я приму ее решение и поступлю согласно ее воле лишь тогда, когда Давина сама попросит меня отступить. А до тех пор я не оставлю попыток увидеться с нею!

– Сэр, как грубо! Впрочем, чего еще можно ждать от такого, как вы? – Джоан окинула его презрительным взглядом.

Джеймс с трудом сдерживал гнев.

– Не вам упрекать меня, леди Джоан. Я достаточно долго пробыл здесь, чтобы понять, какая вы на самом деле. Вы завидуете Давине. Завидуете, потому что она любима, а вы – нет. И вы ни перед чем не остановитесь, чтобы нас разлучить.

– Это ложь, – прошипела Джоан. – Я никогда не стала бы ревновать Давину к ее первому девичьему увлечению, потому что вы не в моем вкусе. Моего отца осаждают мужчины, желающие взять меня в жены. И эти мужчины – не вам чета. Среди них славные воины, вожди богатых кланов, благородные рыцари. А кто вы такой? Вы даже не наследник!

Джеймс решил, что с него хватит разговоров. Стиснув зубы, он сбросил руку Джоан со своего плеча, распахнул дверь и вошел в спальню Давины. Она была одна. И сидела в кровати, откинувшись на подушки. Увидев его, поджала губы и натянула одеяло до самого подбородка. Костяшки пальцев, сжимавших одеяло, побелели от напряжения.

С тяжелым сердцем Джеймс признался, что Давина действительно его боялась. И все же он подошел к ней поближе.

– Разве вам не передали мои слова? – спросила Давина, съехившись под одеялом.

– Джоан сказала, что ты не хочешь меня видеть, но я знаю, что ей верить нельзя. – Джеймс подошел поближе к кровати; он должен был видеть ее лицо. Глаза ее все еще были припухшими,

лицо сохраняло нездоровую бледность, но царапины зажили, а синяки побледнели. – Ты моя невеста, Давина.

– О, Джеймс... – простонала девушка, прикрыв ладонью рот. – Джеймс, я этого и боялась. Боялась, что благородство не позволит тебе отказаться от предложения руки и сердца, но я освобождаю тебя от взятых на себя обязательств.

– Нет! – воскликнул Джеймс, прикоснувшись к ее щеке. – Нет, Давина, мы должны пожениться. И не обязательно торопиться со свадьбой. Нам обоим надо залечить раны.

Стараясь не встречаться с ним взглядом, девушка проговорила:

– Я знаю, что со временем тело мое заживет, но страх навсегда останется во мне. Я не могу обречь тебя на жизнь с женой-калекой.

Джеймс решительно покачал головой.

– Нет-нет, я так не думаю!

– А я думаю! – воскликнула Давина. Казалось, она вложила в этот крик последние силы – и сразу как-то обмякла. По щеке ее скатилась слезинка. – Зачем ты терзаешь меня, заставляя мечтать о том, чему никогда не суждено сбыться? Я никогда не смогу стать твоей женой, Джеймс. Я никогда не смогу выйти замуж. Ни за тебя, ни за кого другого.

– Я люблю тебя, Давина. – Он накрыл ее руку своей, но она тут же отстранилась. – Поверь, вместе мы справимся. И все будет по-прежнему, – тихо добавил Джеймс.

– Нет, не будет. Воспоминания никогда меня не покинут, – с дрожью в голосе проговорила девушка.

– Давина, со временем все забудется, если только...

– Господи, да ты меня слышишь? Забудь обо мне. Так будет лучше для нас обоих.

– Не может быть, чтобы твои слова шли от сердца, Давина.

– Я говорю то, что думаю, – заявила она. – В глазах ее он увидел тоску и стыд, и сердце его, будто разбилось на тысячи мелких осколков.

– Любимая, тебе нужно время... Через несколько недель ты будешь думать по-другому.

– Нет. Время только добавляет подробностей в те воспоминания и делает их еще более яркими... и невыносимыми. Именно поэтому я уговорила травницу давать мне каждый вечер сонную настойку. Только так я могу хоть ненадолго забыться. Джеймс, прошу тебя, – со стоном взмолилась Давина, – как только поправишься, уезжай отсюда. Возвращайся домой и забудь обо мне.

– Нет, никогда! – решительно заявил он.

Глядя прямо ему в глаза, Давина сказала:

– Если ты меня действительно любил, то поступишь так, как я тебя прошу. Уезжай и никогда не возвращайся.

Джеймс был оглушен этими словами. Оглушен и раздавлен. Закипавшая в нем ярость овладела телом, словно лихорадка, и он, одержимый желанием что-нибудь разбить, уже поднял руку, но внезапный крик Давины заставил его замереть. С трудом справившись с собой, Джеймс со вздохом опустил руку. И в спальне воцарилось молчание.

Давина же отвернулась, затем уткнулась лицом в подушку. Джеймс слышал ее тихие всхлипывания, и сердце его обливалось кровью. Через секунду-другую, мрачно насупившись, он вышел из спальни. К счастью, коридор был пуст.

Никогда еще Джеймс не чувствовал себя настолько одиноким. Он остановился возле двери, собираясь с духом. «Как же найти в себе силы?» – думал он. Действительно, как исполнить то, что потребовала от него Давина?

Джеймс всегда жил с сознанием того, что за свою мечту надо бороться, и он научился бороться и побеждать. В этой борьбе была его сущность. До сих пор судьба вела его от победы к

победе, от вершины к вершине. Но сейчас оказалось, что он был повержен.

В душевном надломе любимой Джеймс видел лишь свою вину. Ведь он обещал ее защитить – и не сдержал слово. И он не мог осуждать ее за то, что она его разлюбила, хотя и знал, что его сердце навеки принадлежит только ей, пусть даже его сердце ей больше ни к чему...

Уснуть Джеймс так и не смог, но оставался в постели весь оставшийся день и всю ночь. Встал же с рассветом. Он тотчас оделся и собрал свои вещи. Гордость не позволила ему улизнуть незаметно, словно вор, и потому он дождался момента, когда все обитатели замка собрались в главном зале на завтрак.

Джеймс вежливо попрощался с лэрдом и леди Армстронг. Леди Армстронг не очень настойчиво предложила ему остаться до тех пор, пока он окончательно не выздоровеет, но Джеймс, поблагодарив ее, отказался – как до этого отказался от предложенного лэрдом Армстронгом эскорта.

Джеймс сам оседлал коня и, сунув кинжал за голенище, взобрался в седло. От пронзившей его острой боли в ногах и в руке он едва не упал.

На лбу и верхней губе выступила испарина, но Джеймс не подавал виду, что ему больно. С высоко поднятой головой он выехал за ворота замка, проехал мост через ров и миновал деревню.

И, каким бы сильным ни было искушение, он ни разу не оглянулся.

Разбойник прибыл в условленное место задолго до назначенного времени. Спасаясь от пронизывающего ветра, он опустил голову, полагаясь не на зрение, а на слух. Он осторожно слез с коня и, придерживая рукоять меча разбитой рукой, шагнул с тропики в гущу леса. Начался мелкий дождик, но на деревьях было еще достаточно листвы, чтобы укрыться от непогоды.

Ежась от сырости, продрогший до костей, разбойник терпеливо ждал. Услышав хруст ветки, он стремительно обернулся, но никого не увидел.

Внезапно раздался раскат грома, и в тот же миг прямо над головой ударила молния, осветив лес белым светом. Завыл ветер, плеснув дождем ему в лицо, заросшее неопрятной бородой.

Стайка птиц испуганно вспорхнула в небо. Вновь прогремел гром, и вновь молния разорвала тьму. Разбойник в ужасе закричал, увидев всего в десяти шагах от себя неподвижную, закутанную в плащ фигуру.

– Я не слышал, как вы подошли, – произнес он, словно оправдываясь перед зловещим призраком.

– Так и было задумано, – ответила фигура в плаще. – Где Драммонд?

– Мертв. Его раны загноились. К счастью, он успел рассказать мне, где я должен с вами встретиться. – Разбойник шмыгнул носом и утерся рукавом. – Вы принесли оплату?

– Да.

Разбойник поймал брошенный ему кожаный мешочек. Нахмурившись, взвесил его на ладони и пробормотал:

– Что-то слишком легкий...

– На эту цену мы и договаривались.

– Но задача оказалась сложнее. За наши раны и смерть приятелей надо бы заплатить побольше.

– Скажи спасибо, что получил хоть это. Никто не требовал от Драммонда такой жестокости. Все, что от вас требовалось, – это заставить сэра Джеймса порвать с ней.

– Мы выполнили заказ. Я видел, как Маккена уезжал из замка два дня назад.

– Да, но твоей заслуги в том нет. Да, кстати... Приказа его убивать вам никто не давал. А ведь он мог бы и не выжить...

– Откуда нам было знать, что он будет биться насмерть?! Драммонд сказал нам, что

напугать их не составит труда. А этот Маккена дрался как одержимый! Убил двоих наших. Драммонд уже скончался от ран. И еще неизвестно, выживет ли Эдвард.

– Тогда у тебя нет повода для жалоб. С покойниками не придется делиться деньгами.

Разбойник не нашел в этой изуверской логике никакого изъяна, но все равно решил, что надо вытянуть из заказчика еще больше денег. Он уже раскрыл рот, чтобы продолжить торг, но тут снова грянул гром. Молния же ударила в соседнее дерево, и, несмотря на дождь, крона зашипела и занялась огнем.

Разбойник словно замороженный смотрел, как густой туман клубами поднимался от земли, смешиваясь с дымом пожара. Охваченный безотчетным страхом – словно только что заглянул в ад, куда, скорее всего, и попадет, – он перекрестился. Когда же вновь повернулся к собеседнику, того и след простыл; возможно, он провалился сквозь землю, вернувшись туда, откуда и явился. Явился же он, скорее всего, из ада.

Еще раз перекрестившись, разбойник, прихрамывая, поплелся к своему коню.

Пять лет спустя

Сидя возле узкого окна-бойницы в своей спальне, устроенной в одной из башен, Давина смотрела вдаль. Листья облетели, пожухла трава. Урожай лежал в закромах, и земля приготовилась к долгому зимнему сну. Дни становились все короче, а ночи – длиннее. И чем длиннее ночь, тем больше времени на раздумья. Только вот зачем ей столько времени?

Как так получается, что часы и минуты тянутся нескончаемо долго, а годы летят с какой-то противоестественной быстротой? Темнеющий горизонт подернулся дымкой, и Давина поняла, что это слезы застилали ей глаза. Вновь ее одолевала тоска, вновь она горевала о своей загубленной жизни – о том, что потеряла навсегда, едва успев обрести.

«Джеймс, где ты?!» – мысленно зывала она.

Но Давина знала, что Джеймса в Шотландии не было. Он стал крестоносцем и бился с неверными где-то очень далеко, на Святой земле. Впрочем, для нее ничего бы не изменилось, даже если бы Джеймс жил в нескольких милях от нее, ибо разделяло их не одно лишь расстояние.

Но Джеймс не исчез из ее жизни навсегда. Он жил в ее снах. Он приходил к ней во сне – словно для того, чтобы в очередной раз напомнить о разбитых надеждах на счастье, о том, что им не суждено быть вместе и что не будет у них общего дома, в котором не умолкает детский смех. Один только раз в жизни ей пришлось столкнуться с насилием и жестокостью – и эта встреча стала для нее роковой.

Давина презирала себя за слабость. И ужасно злилась на себя. Отвернувшись от окна, она тяжело вздохнула и утерла слезы. Потребность спрятаться от мира, уйти в себя никуда не делась, но она, как могла, старалась превозмочь этот свой недуг. Иногда ей это удавалось, но чаще – нет. Конечно, она не сидела сутками взаперти и вполне сносно чувствовала себя в обществе родственников, слуг и даже двух пожилых воинов, сидевших за ближайшим столом во время трапез в главном зале.

Зная, как трудно Давине общаться с незнакомцами, родственники поощряли ее затворничество. Они поступали так из добрых побуждений, ведь гораздо проще устранить причину недуга, чем бороться с самим недугом. И первое время после злополучного нападения затворничество действительно было целительным для ее рассудка. Но со временем Давина начала осознавать, что страдала от отсутствия общения, а выбраться из этого кокона одиночества ей мешала прежде всего собственная трусость.

«Я не должна сдаваться», – мысленно повторяла она и ругала себя за малодушие, но от этого ей не становилось лучше. Увы, в жизни ее было слишком мало радости и света, и воля к жизни становилась все слабее...

Предзакатное солнце вышло из-за туч, осветив напоследок спальню Давины, и на душе у нее, как и в комнате, сделалось чуть светлее. «Выход найдется!» – внезапно подумала она. И еще она поняла, что если ей не дано изменить прошлое, то уж будущее она сумеет изменить, если, конечно, твердо решит это сделать.

Выздоровливать, если можно так сказать, Давина начала три года назад, когда получила письмо от леди Айлен Маккены, матери Джеймса. В своем письме леди Айлен справлялась о ее здоровье и писала, что молится за нее. Как ни странно, письмо незнакомой женщины так благотворно повлияло на душевное состояние Давины, что ей захотелось написать ответ, что она и сделала.

Из второго письма леди Айлен Давина узнала о том, что Джеймс Маккена, вступив в отряд сэра Дугласа, отправился в Крестовый поход. В завершение письма леди Айлен приглашала Давину погостить в замке Маккены. Разумеется, Давина ответила вежливым отказом.

К счастью, леди Айлен не обиделась и продолжила ей писать. А Давина продолжила отвечать. Леди Айлен настойчиво приглашала Давину в гости, хотя и не в каждом письме. И вот несколько недель назад, отвечая на очередное послание матери Джеймса, Давина почему-то осмелела настолько, что приняла приглашение леди Айлен провести Рождество в замке Маккены. Но что именно подвигло ее на такое решение? Храбрость или отчаяние? На этот вопрос она не могла бы ответить.

Какое-то время Давина привыкала к мысли о том, что вскоре отправится в гости к матери Джеймса. И своими планами она ни с кем не делилась. Но неделя проходила за неделей, и в какой-то момент ей стало ясно: оттягивать разговор с дядей и тетей больше нельзя.

Подготовив себя к предстоящему испытанию, Давина отправилась на поиски лэрда Армстронга и его супруги. Первым делом она решила заглянуть в главный зал. Лэрда Армстронга и его жену она увидела сразу же. Стоя возле жарко натопленного камина, хозяин замка договаривался о чем-то с местными торговцами. Леди Армстронг, хоть и не принимала участия в разговоре, находилась рядом с мужем.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Давина, присев на скамью у стены, дождалась окончания переговоров. Торговцы ушли, и тогда Давина решилась подойти к хозяину замка и его супруге. Набравшись храбрости, она выпалила им все одним духом и стала ждать ответа. Девушка предполагала, что новость станет для родственников потрясением, и она не ошиблась.

– И куда же ты собралась ехать? – переспросил дядя.

– В замок Маккены. На Рождество. Леди Айлен пригласила меня. Вы ведь не возражаете?

Ответом ей была гробовая тишина – только поленья потрескивали в гигантском жерле камина.

– Ничего глупее ты не могла придумать! – воскликнула наконец тетя Изобел. – Ты пять лет не покидала этих стен. Ты знаешь, как долго тебе придется ехать? И даже если ты каким-то чудом сможешь добраться до замка Маккены, как ты будешь чувствовать себя в незнакомом месте среди чужих людей? Тебя ведь даже здесь, в родных стенах, одолевают мрачные мысли и страхи...

– Как раз для того, чтобы помочь мне развеять мрачные мысли, леди Айлен и предложила мне погостить у них во время рождественских праздников. Она обещала, что будет весело.

– А ты сообщила леди Айлен о своем недуге? – осведомилась тетушка.

Давина почувствовала, что краснеет от стыда.

– Я не писала ни о чем конкретном – лишь о том, что временами страдаю от меланхолии. А леди Айлен призналась, что и ей знакомо это состояние. И она подумала, что мы могли бы поддержать друг друга. – По правде говоря, Давина лишь раз-другой коснулась этой темы в своих письмах, но леди Айлен хватило и намека, и она сразу предложила свою помощь и поддержку.

– А как же ее сын?... – спросила леди Изобел вкрадчивым шепотом. – Джеймс Маккена тоже будет праздновать Рождество в семейном замке?

Неподдельная тревога в глазах тети вызвала в памяти то далекое, но памятное утро, когда Джеймс навсегда уехал из замка. А накануне его отъезда Давина рыдала на плече у тетушки.

– Говорят, что сэр Джеймс желает жениться на тебе, – сказала ей тогда тетя. – Дядя Фергус поговорит с ним, если ты согласна стать его женой.

– Я не могу, – всхлипывая, ответила тогда Давина.

Тетя сочувственно прищелкнула языком, но молчать не стала и решительно заявила:

– Обстоятельства принуждают меня говорить начистоту, Давина. Может, тебе и не выпадет

другого шанса выйти замуж. Ведь после того, что случилось... Едва ли кто еще захочет взять тебя в жены.

– Не имеет значения, – всхлипывая ответила Давина. – Потому что теперь... Теперь сама мысль о близости с мужчиной внушает мне отвращение. Даже с мужчиной, которого я люблю.

– Ладно, хватит плакать, – сказала тетюшка. – Все глаза выплещешь...

Давина заплакала еще горше, а леди Изобел, поглаживая ее по волосам, проговорила:

– Не бойся, мы не станем насильно выдавать тебя замуж. Никто не желает тебе зла. Ты и так натерпелась, бедняжка.

И родственники действительно не принуждали ее ни к чему такому, что могло бы внести смуту в ее душу. Напротив, ее всячески оберегали от волнений и тревог. Тетя держала слово. Но, согласившись покинуть свое добровольное заточение, Давина как будто намекала родственникам, что они напрасно так старались уберечь ее от сношений с внешним миром. Поэтому сейчас она чувствовала себя виноватой перед ними. Словно поступая в соответствии со своим желанием, она проявляла неблагодарность к тем, кто все эти годы окружал ее вниманием и заботой.

– Как раз этим утром мы получили известие от Джоан, – сообщил дядя Фергус. – Она вместе с мужем и ребенком едет сюда на праздник. Ну, что скажешь?...

Давина молча пожала плечами. Вот уже четыре года Джоан была замужем за лэрдом Фрейзером, но замужество несколько не изменило ее привычек. Приезжая погостить к родителям, Джоан никогда не упускала случая чем-нибудь больно уколоть кузину. Лэрд Армстронг даже и не догадывался, что своим известием лишь укрепил племянницу в ее решении покинуть замок. Ей ужасно не хотелось встречаться с двоюродной сестрой.

– Я не смогу дать тебе в сопровождение больше трех воинов, – пробормотал Фергус.

– Да опомнись же! Куда ты ее отправляешь?! – всплеснув руками, воскликнула тетя. – До замка Маккены – несколько дней пути. А леса кишат разбойниками! Чтобы от них защититься, нужно по крайней мере десятков отборных бойцов. Но где же их взять?!

– Вот и я об этом... – согласился с женой Фергус. – Не нужно тебе туда ехать. Останешься здесь, со своей семьей, под надежной защитой. И тебе будет спокойнее, и всем нам.

Давина судорожно сглотнула, зная, что от нее совсем не ждали того, что она сейчас собиралась сказать.

– Леди Айлен пошлет свой эскорт, – сообщила девушка.

– Что?... – Леди Изобел уставилась на нее во все глаза.

– А сколько человек? – спросил дядя Фергус.

– Это неважно! – тут же вмешалась тетя. – Горничную она тебе тоже пришлет? У меня лишней прислуги нет! А путешествовать молодой незамужней женщине одной, без компаньонки, я позволить не могу!

Давина не знала, что на это ответить. Беспомощно всплеснув руками, она потупилась. А родственники, почувствовав, что она готова сдаться, принялись перечислять все те ужасы, что поджидали ее по дороге к замку Маккены. И чем больше они говорили, тем больше смуты сеяли в ее душе. Кусая губы, Давина спрашивала себя, не напрасно ли она приняла приглашение. Может, правы были ее тетя и дядя? Может, ей стоило забыть о столь рискованном путешествии? И теперь то, что совсем недавно казалось выходом из тупика, способом освободиться от страха, представлялось вздорным капризом незрелого ума.

Почувствовав, что вот-вот начнет задыхаться, досадуя на себя за то, что не может справиться со своим страхом, Давина уже раскрыла рот, чтобы сказать дяде и тете, что она готова отказаться от поездки в замок Маккены. Но как раз в этот момент в главный зал влетел самый юный из воинов Армстронга и, задыхаясь от волнения, выпалил:

– К замку приближаются всадники! Ангус велел мне передать вам, что он увидел их с парапета.

– А флаги он разглядел? – с тревогой в голосе спросил дяде Фергус.

– Да. На их знамени – герб Маккены.

– Что за черт?... – Фергус провел ладонью по подбородку. – Как это они успели так быстро собраться?...

И все тотчас же уставились на Давину. Сердце девушки трепетало, как пойманная в силки птица, но она справилась с волнением и даже вымучила улыбку. Очевидно, отказываться от поездки было уже поздно. Потому что эскорт Маккены прибыл!

Заезжая в ворота замка Армстронга, сэр Малколм Маккена мог думать лишь об одном – о своей несчастной заднице, много часов не покидавшей седла. Чтобы сократить время пути, Малколм и сопровождавшие его воины скакали весь день и даже часть ночи, и потому все они ужасно устали. К тому же зима, как известно, – не лучшее время для дальних поездок. Холод и сырость здоровья всаднику и его коню не прибавляют.

Цель этого путешествия представлялась Малколму по меньшей мере странной, но не выполнить просьбу матери он не мог.

Проворно спешившись, Малколм бросил поводья оказавшемуся поблизости слуге Армстронгов и потянулся, чтобы размять затекшие ноги и руки. После чего обвел взглядом почти безлюдный двор замка и криво усмехнулся, заметив, как спешивались его спутники – было очевидно, что зад болел не только у него одного. Впрочем, жаловаться никто не посмел, ведь сегодня им предстояло провести ночь в тепле. И спать все они лягут сытыми.

Снова осмотревшись, Малколм устремил взгляд на массивную дубовую дверь, ведущую в главный зал замка. Он рассчитывал, что хозяева выйдут поприветствовать гостей. Однако дверь оставалась плотно закрытой. Малколм вопросительно взглянул на слугу, которому передал вожжи, но тот отвел глаза и уставился себе под ноги.

«Проклятие!» – мысленно воскликнул сэр Малколм. Он согласился ехать в этот богом забытый замок только потому, что не мог больше смотреть, как страдала мать, тосковавшая по своему младшему сыну. Отец Малколма тоже считал, что ехать к Армстронгам ни к чему, но леди Айлен была убеждена: Давина непременно сможет пролить свет на причину странного, по ее мнению, поведения Джеймса.

Хотя что в его поведении странного? Джеймс покинул Шотландию, чтобы воевать за правое дело – все просто и понятно. И все же мать почему-то считала: ключ к разгадке «тайны» – у леди Давины.

О местонахождении Джеймса они узнали от одного странствующего священника, доставившего им его письмо спустя месяцы после того, как Джеймс покинул родину, никому об этом не сообщив, – он исчез, даже не попрощавшись. И с тех пор о нем ничего не было известно, как, впрочем, ничего не было известно и о военных успехах крестоносцев, в чьи ряды он вступил, чтобы покарать неверных, захвативших Святую землю. И это притом, что почти все горцы, участвовавшие в Крестовом походе, уже вернулись в Шотландию. Но для Джеймса война продолжалась. Если, конечно, он был жив. О том, что его, возможно, уже нет в живых, в семье предпочитали не думать.

Тут прогремел гром, и Малколм почувствовал, как на голову ему упала крупная капля дождя. Проклятие! Все, с него довольно! Не хватало еще вымокнуть насквозь, стоя под дверью Армстронга! Он, Малколм, не потерпит такого к себе отношения!

Распахнув тяжелую дверь, сэр Малколм шагнул в зал. Он научит хозяина хорошим манерам!

В главном зале замка людей было немного, и гость, казалось, напугал их своим внезапным появлением. Одна из горничных бросилась наутек, другая уронила корзину с хлебом. Двое

мужчин схватились за мечи, но тут же опустили руки по приказу высокого мускулистого воина, судя по всему, начальника стражи.

Брезгливо поморщившись, Малколм нарочито медленно убрал руку с рукояти меча. «Похоже, нас тут не ждали, – подумал он с удивлением. – Но если так... Черт возьми, что происходит?!»

Малколм глянул через плечо, дабы убедиться, что его люди на месте. Затем с каменным лицом неспешно приблизился к троице у камина. И узнал лишь двоих – лэрда Армстронга и его жену. Третьей, скорее всего, была та самая, недоброй памяти, леди Давина.

Лэрд Армстронг был приземистым и грузным, с красным лицом. И его маленькие черные глазки, похожие на бусины, казалось, буравили Малколма. Леди Армстронг гораздо быстрее сориентировалась в ситуации и даже изобразила некое подобие улыбки, но взгляд у нее был недобрый и еще более цепкий, чем у мужа.

Не слишком радушный прием нисколько не обескуражил Малколма. Ведь, в конце концов, он прибыл сюда не с дружеским визитом. И задерживаться не собирается. Он должен был сопроводить леди Давину в замок Маккены, и ничего другого ему не требовалось.

– Лэрд Армстронг, леди Изобел, я – сэр Малколм Маккена, – сообщил Малколм и вежливо поклонился хозяевам. Затем перевел взгляд на молодую женщину, стоявшую рядом с ними, и спросил: – Вы ведь леди Давина?

– Да, сэр Малколм, – ответила девушка, присев в глубоком реверансе. – Добро пожаловать в замок Армстронга, сэр Малколм.

Эта Давина держалась и говорила робко, опустив глаза, но голос у нее был чудесный – его можно было бы назвать ангельским, если бы не хрипловатые нотки, которые так возбуждающе действовали на мужчин. Заинтригованный, Малколм решил приглядеться к ней как следует. Конечно, красавицей она не была – он встречал женщин гораздо более привлекательных, чем Давина Армстронг. И все же следовало признать: смотреть на нее было приятно. Правильные черты лица... Безупречная кожа... Выразительные темно-карие глаза с влажным блеском – и что-то еще... Что-то неуловимое, но чрезвычайно привлекательное.

Тут лэрд Армстронг наконец пришел в себя и, откашлявшись, произнес:

– Прошу простить нас, сэр Малколм. Нам только сейчас стало известно о планах Давины, и потому ваш приезд застал нас врасплох.

Малколм перевел взгляд на хозяина замка и проговорил:

– Если у вас есть какие-то сомнения относительно наших намерений, то поспешу их развеять. Моя мать с нетерпением ждет приезда леди Давины и готовит для нее самый теплый прием.

– И все же кое-какие вопросы необходимо уладить до того, как мы разрешим вам увезти леди Давину, – выпалила леди Изобел.

– Да, именно так, – вторил жене лэрд Армстронг.

Малколм в недоумении переводил взгляд с жены на мужа. «Что это с ними? – спрашивал он себя. – За кого они меня принимают? За разбойника? За грабителя, намеревающегося украсть их сокровище? Ведь я приехал сюда лишь затем, чтобы обеспечить леди Давине охрану в пути...»

Заставив себя улыбнуться, Малколм проговорил:

– Я приму все меры к тому, чтобы леди Давина не испытывала в дороге никаких неудобств. В противном случае мне пришлось бы держать ответ перед моей матушкой. И если честно, то должен признаться: я предпочел бы сразиться с целой армией английских псов, чем навлекать на себя ее гнев.

Увы, из попытки Малколма разрядить обстановку ничего не вышло – леди Изобел поморщилась, а муж ее помрачнел.

Малколм снова посмотрел на леди Давину. Но та стояла с опущенной головой, не смея поднять глаза.

Малколм мысленно выругался. Он совершенно не понимал, что происходило. И из-за этого все сильнее злился. Действительно, почему Армстронги не хотели отпускать Давину в гости к его матери? В чем же тут причина?...

Но сэр Малколм сдаваться не собирался. В его шутке насчет материнского гнева было зерно истины: ему совсем не хотелось обманывать доверие матери. У них в роду мужчины всегда старались выполнять обещания, что давали своим женщинам. Так что если придется украсть леди Давину, то так тому и быть. Главное – чтобы мать получила то, о чем просила.

Пока сэр Малколм вел переговоры с родственниками, Давина украдкой разглядывала гостя, пытаясь отыскать в нем общие с его братом черты. Увы, внешне братья мало походили друг на друга. Малколм был выше ростом, а его волнистые, достигающие до плеч волосы казались гораздо темнее и гуще. Голубые же глаза были ярче и выразительнее, чем у младшего брата. В общем, Малколм, в отличие от Джеймса, был редким красавцем, встретить которого – огромная удача. Кроме того, его дорожный костюм – отороченная ценным мехом накидка и кожаные сапоги, плотно облегающие мускулистые ноги, – свидетельствовал о богатстве и высоком положении; и о таком мужчине, как сэр Малколм, можно было только мечтать. Однако же, как ни странно, Давине не очень-то хотелось общаться с ним. Сейчас она мечтала лишь об одном – поскорее вернуться к себе в спальню и не выходить оттуда как можно дольше.

Ей и в голову не могло прийти, что леди Айлен поручит сопровождать свою гостью не пожилому ветерану, от которого в замке все равно проку нет, а молодому и сильному воину. Причем не просто воину, а старшему сыну и наследнику, будущему вождю самого могущественного клана в нагорье. Может быть, именно поэтому сэр Малколм Маккена внушал ей некоторый страх. Да и вел он себя как человек, знавший, что должен повелевать и властвовать. Как человек, осознававший свою силу. А она, Давина, после пережитого пять лет назад невольно воспринимала как угрозу любое проявление силы. Страх продолжал жить в ее душе, и доводы рассудка были над этим страхом не властны – она вдруг почувствовала, что задыхается, и на лбу у нее выступила испарина.

Тут тетя Изобел взглянула на нее с недобрым прищуром, но, заметив, в каком она состоянии, смягчилась и отправила ее на кухню – с поручением кухарке приготовить закуски.

– Ужин еще не скоро, а сэр Малколм и его спутники, должно быть, успели проголодаться, – добавила тетушка.

– Вы очень добры, леди Изобел, – с поклоном произнес Малколм. – Мы премного благодарны вам за гостеприимство.

Давина не могла не оценить ловкость и сообразительность сэра Малколма. Церемонно поблагодарив леди Изобел за гостеприимство, он, конечно, дал ей понять, что недоволен «теплым» приемом, однако же сделал это так тонко, что ей и сказать было нечего.

Сообщив кухарке все, что следовало, Давина не торопилась возвращаться в зал. Сначала она должна была успокоиться и взять себя в руки. Когда же она наконец решилась войти, тетя Изобел, дядя Фергус и сэр Малколм уже сидели за столом.

Сэр Малколм обернулся, когда Давина открыла дверь, и доверительно ей улыбнулся. Давина подошла к помосту, на котором был установлен стол, и он галантно подал ей руку. Девушка с опаской посмотрела на его протянутую руку. Гость был без перчаток, и она заметила мозоли на его ладони и даже небольшой шрам на указательном пальце.

Давина мысленно отчитала себя за трусость. Если уж она решила бороться со страхом перед противоположным полом, то пора было начать претворять свои планы в жизнь, разве не так?

Собравшись с духом, Давина робко протянула гостью руку, но тут же, вскрикнув, отдернула

ее и спрятала за спину. Однако ей сразу стало стыдно за свою выходку; она испугалась, что обидела гостя. Она украдкой взглянула на сэра Малколма, приготовившись к тому, что придется просить у него прощения, но он выглядел так, словно ничего и не заметил. Чего, конечно же, быть не могло.

Давина выдохнула с облегчением. В отличие от других мужчин, которые в сходной ситуации вели себя далеко не так тактично, сэр Малколм предпочел не заметить ее промаха.

Сев за стол, Давина сцепила пальцы в замок, чтобы как-то унять дрожь. Потупив взор, она считала про себя вдохи и выдохи. Даст бог – и тревога ее отпустит.

Между тем слуги уже принесли еду: холодное мясо, хлеб и сыр; питье же, эль и вино, было в кувшинах.

Давина не прислушивалась к разговору хозяев с гостем, но, едва тетя коснулась главной темы, насторожилась.

– Боюсь, что наша племянница не сможет поехать с вами, сэр Малколм, поскольку без горничной я ее не отпущу, – заявила тетушка.

Сэр Малколм, прекратив жевать, уставился на леди Изобел. И Давина прекрасно понимала его недоумение.

Какое-то время гость молчал. Затем с любезной улыбкой сообщил:

– Служанке леди Давины предоставят отдельную комнату, так что можете на сей счет не беспокоиться. А если леди Давина пожелает взять с собой двух служанок, то места хватит и для двоих.

– У нас нет лишних служанок, – проворчал дядя Фергус.

– Ведь нам тоже надо готовиться к празднику, – поддержала мужа тетя Изобел. – Столько дополнительных хлопот!.. А у нас и в будни-то работать некому!

Сэр Малколм в растерянности промолчал, и Давине стало его жалко. Он, казалось, никак не мог понять, как решить эту задачу. Более того, он, судя по всему, вообще не понимал, почему ему надо было делать это.

– В замке Маккены слуг хватает, – произнес он наконец. – Я могу с уверенностью обещать, что у леди Давины будет собственная горничная. Моя мать об этом позаботится, как только леди Давина приедет в замок.

– Леди Давина – незамужняя девушка, – с нажимом произнес дядя Фергус. – И как мы можем отпустить ее одну с целым отрядом мужчин?! Это же немыслимо!..

Если дядя Фергус верил в то, что его козырь бить нечем, то он сильно ошибался. Красавец рыцарь, надменно вскинув бровь, проговорил:

– В качестве компаньонки леди Давины может поехать любая женщина из ее круга, необязательно служанка. Моя мать нередко берет с собой компаньонку, когда ездит навещать родственников.

Дядя Фергус, как ни старался найти изъян в столь простом решении проблемы, ничего не придумал. А у тети Изобел было такое лицо, словно она набрала полный рот уксуса, но и она не нашла, чем возразить сэру Малколму.

– Я попрошу Коллин составить мне компанию, – сказала Давина, и эти ее слова стали первыми, что она произнесла с тех пор, как села за стол. – Мне думается, смена обстановки пойдет ей на пользу. После смерти мужа Коллин не перестает грустить...

– Вдова? Идеальный выбор! – Сэр Малколм одарил Давину благодарной улыбкой, и она почувствовала, как щеки ее зарделись румянцем. – Что ж, значит, решено. Выезжаем завтра на рассвете. А сейчас прошу меня извинить. Мне и моим людям надо заняться лошадьми.

Громко царапнув ножками стула по каменному полу, сэр Малколм встал из-за стола. Дядя Фергус поднялся вместе с ним и проговорил:

– Мы приготовим для вас комнату, где вы сможете провести ночь. В казармах свободных мест нет, но ваши люди могут переночевать здесь, в главном зале.

Едва ли сэр Малколм рассчитывал на столь прохладный прием, но он не позволил себе ни намек на неудовольствие. Когда же гость с улыбкой поблагодарил хозяина за гостеприимство, Давина невольно подумала: «А что сейчас на самом деле чувствует Маккена?»

– Увидимся за ужином, леди Давина, – сказал, поклонившись ей, прекрасный рыцарь. И удалился.

Давина же глубокий вдохнула – ей почудилось, что сэр Малколм унес с собой весь воздух, находившийся в зале.

– О господи, Давина! Неужели ты и в самом деле собралась уехать с этим человеком из родного дома, где сами стены тебе помогают?! Ведь от такого, как он, можно ждать чего угодно! – восклицала леди Изобел.

Возмущению тети не было предела, и Давина, хоть и не разделяла ее опасений, все же подумала: «А так ли беспочвенны эти опасения?» И все же, решив идти до конца, она заявила:

– В роду Маккены все мужчины – достойные люди, так что о моей безопасности беспокоиться нечего. – В эти мгновения она прекрасно понимала: если ей удастся благополучно пережить путешествие под эскортом сэра Малколма Маккены, то с ее страхом перед сильным полом навсегда будет покончено.

Давина не принимала участия в вечерней трапезе. Она пока не была готова к близкому общению с сэром Малколмом, что шло вразрез с ее заявлениями о том, что ей не терпится поскорее отправиться в путь под эскортом столь благородного рыцаря.

Коллин с удовольствием приняла предложение хозяйки и помогла ей собрать все необходимое для путешествия и для пребывания в замке Маккены. Когда же вещи были уложены, Давина перекусила у себя в спальне и, еще раз проверив, все ли на месте, легла в постель. Но сон не шел; ее одолевали сомнения и страхи, и она, как ни старалась, не могла с ними справиться.

За несколько часов до рассвета ей все же удалось заснуть, но сон ее был беспокойный – полный ярких и тревожных видений.

...Ей снился высокий широкоплечий воин, и этот воин собирался ее поцеловать. Хотя лицо его было красивым, а манеры – изысканными, при мысли о том, что ей предстояло с ним поцеловаться, Давине делалось не по себе. Он заставлял ее нервничать, сильно нервничать.

С робкой улыбкой она вежливо отказала ему, и в мгновение ока от его хороших манер не осталось и следа. Он схватил ее в объятия и ни за что не захотел отпустить. Ни когда она требовала. Ни когда умоляла. Ни когда начала плакать.

А воин, смеясь над ее попытками вырваться, покрывал поцелуями ее шею, а потом прикусил мочку уха.

Замирая от страха, сама не своя от стыда, она кусала губы, пока он шарил руками по ее телу, грубо тиская грудь.

Злые слезы жгли ей глаза. Она пыталась кричать, но у нее пропал голос. А воин, накрутив ее косу на запястье, повалил ее на землю и оседлал.

И теперь тот, кто сидел на ней, уже не был красивым воином – лицо его исказила страшная гримаса. Когда же он задрал ее подол, его лицо превратилось в звериную морду и начало расплываться, меняя очертания, словно отражение в подернутой рябью воде...

Давина проснулась от собственного крика. Ей не хватало воздуха. Вот уже почти год, как ее перестали терзать подобные кошмары. Но она собралась покинуть надежные стены замка Армстронгов, и ее страхи, приняв обличье ночных кошмаров, вновь заявили о себе.

Давина закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Она чувствовала, как подступают к глазам слезы, но волю слезам давать не стала: если бы кто-нибудь услышал ее всхлипывания, об этом сразу стало бы известно тете и дяде, и тогда бы ее точно никуда не отпустили.

Еще не вполне восстановив дыхание, Давина встала с постели и, сделав несколько шагов, споткнулась о сундук с вещами, что накануне собрала в дорогу. Усевшись на стул рядом с кроватью, девушка закрыла лицо ладонями и тихо прошептала:

– А может, правы тетя Изобел и дядя Фергус? Что, если мне удастся справиться со страхом только здесь, дома, а за стеной замка меня ждет смерть или того хуже – безумие?

В нише, в углу, стояла шкатулка, а в шкатулке находился пузырек с лекарством, которое Давина принимала всякий раз, когда у нее расшатывались нервы (эту настойку травница приготовила специально для нее). С одобрения тети она пила настойку по несколько раз в день сразу после того злополучного нападения. Выпив настойки, Давина забывалась глубоким сном – без страданий и боли. Но и по прошествии нескольких месяцев девушка частенько принимала снадобье, делавшее ее жизнь более или менее сносной.

В какой-то момент Давина осознала, что уже не может обходиться без заветного пузырька, и, осознав это, она решила постепенно отучать себя от лекарства – прибегала к его помощи

только тогда, когда становилось совсем уж плохо. Ее усилия принесли плоды: через некоторое время Давина могла бы с гордостью заявить, что уже не нуждается в этой шкатулке. Но вот сейчас...

Она покосилась на шкатулку и тяжело вздохнула. Подошла к окошку и отодвинула кожаный полог. Лицо обдало холодом, но в голове, увы, не прояснилось. Давина поспешила прикрыть окно и вновь устремила взгляд на шкатулку.

– Я должна сделать глоток, иначе мне не хватит храбрости, чтобы отсюда уехать, – прошептала она.

Казалось, ноги сами понесли ее к нише. Давина долго смотрела на пузырек. Наконец вытащила пробку. «Один только маленький глоточек – и все», – сказала она себе.

Так хотелось сделать глоток побольше, но Давина справилась с искушением. Она с усилием вогнала пробку в горлышко и, решительно убрав пузырек обратно в шкатулку, испытала приятное чувство от сознания того, что способна держать свои желания под контролем.

И все же, не оставив шкатулку в нише, Давина положила ее в собранный в дорогу сундук.

Первый день пути в замок Маккены прошел быстро и без происшествий.

Дядя Фергус и тетя Изобел угрюмо промолчали, когда Давина попрощалась с ними. А затем, приблизившись к воротам замка, девушка невольно сжала кулаки – целых пять лет прошло с тех пор, как она в последний раз побывала по ту сторону стены...

Закусив губу, Давина сжала коленями бока коня, побуждая животное прибавить шаг. Она чувствовала обращенные на нее взгляды, и от этих взглядов по спине ее пробежали ледяные мурашки. И все же, как бы там ни было, девушка не косилась по сторонам и спину держала прямо.

– Вы молодец, миледи, – прошептала ехавшая рядом Коллин.

Давина взглянула на свою компаньонку и едва заметно улыбнулась. С облегчением вздохнув, она мысленно поздравила себя с этой маленькой победой. И все-таки она это сделала!

Ей ужасно хотелось прокричать о своем триумфе на всю округу, однако Давина понимала, что прошла лишь первое, самое легкое испытание. А сколько их у нее впереди?

Но все же первый шаг – самый важный, и успех ее воодушевил.

Давина считала огромной удачей и то, что сэр Малколм, занятый построением всадников в походную колонну, не мог заметить ничего странного в ее поведении, когда она выезжала за ворота замка.

Ночью голую землю, еще не успевшую укрыться снегом, сковало морозцем. Давина надела все самое теплое, что у нее было, но ветер все равно продувал насквозь шерстяной плащ. Сэр Малколм, ехавший впереди колонны, все же время от времени оборачивался и смотрел на нее. И всякий раз, встречаясь с ним взглядом, Давина ловила себя на том, что сердце ее уходило в пятки. Тем не менее она принуждала себя улыбаться, делая вид, что с ней все прекрасно. И похоже, она справлялась с задачей, потому что сэр Малколм раз за разом одобрительно кивал ей.

Через несколько часов пути они сделали остановку, чтобы напоить коней и перекусить хлебом и сыром, запивая еду вином. Сэр Малколм подошел к Давине, когда та, преодолевая ноющую боль во всем теле, забиралась в седло.

– Мы должны ехать почти до темноты, чтобы к ночи добраться до аббатства Монтгомери, где нам предстоит переночевать, – сообщил ей сэр Малколм. – Надеюсь, вам и вашей спутнице такой переход по силам.

– Да, вполне по силам, – ответила Давина, опустив глаза, чтобы сэр Малколм не прочел в них правду.

Вот уже пять лет, как она никуда не выезжала, и с непривычки ужасно болело все тело. Но

не могла же она допустить, чтобы из-за ее жалоб им всем пришлось ночевать на дороге!..

Лишь услышав, как застонала Коллин, уже забравшаяся в седло, Давина усомнилась в том, что правильно сделала, ответив за них обеих. Минуту спустя девушка тихо сказала:

– Ах, Коллин, простите, что не справилась о вашем самочувствии. Я позову сэра Малколма и скажу ему...

– Нет, миледи, не стоит, – перебила служанка. – Может, я и не такая молодая, как вы, но выносливости мне не занимать. И к холоду я куда привычнее вас.

– Что же, тогда – вперед. Надеюсь, дальше станет легче.

Сэр Малколм, поверив девушке на слово, больше вопросов ей не задавал, и Давина была этому рада, так как очень сомневалась, что смогла бы снова убедительно солгать.

И вот наконец, спустя целую вечность, когда солнце уже почти закатилось за горизонт, вдали показались стройные шпили аббатства. Заметив их, Давина радостно улыбнулась, ведь скоро у нее будет теплая и мягкая постель.

Аббат встречал их во дворе, из чего Давина заключила, что сэр Малколм послал вперед гонца, чтобы в аббатстве успели подготовиться к ее приезду. Такая предупредительность приятно удивила ее и тронула. «Джеймс поступил бы так же», – подумала она с мечтательной улыбкой.

Сэр Малколм ловко спрыгнул с коня, затем направился к девушке с намерением помочь ей спешиться. При одной мысли о том, что к ней сейчас прикоснется мужчина, Давина в ужасе содрогнулась. Она попыталась слезть с коня самостоятельно, но сэр Малколм, не дожидаясь разрешения, обнял ее за талию. Она снова содрогнулась, но он, казалось, даже этого не заметил.

Давину слегка качнуло, когда Малколм опустил ее на землю; а сердце ее колотилось так, что он, наверное, слышал его стук.

Девушка уставилась в землю, не смея поднять глаза, но все же она чувствовала на себе пристальный взгляд сэра Малколма. «Интересно, о чем он сейчас думает?» – внезапно промелькнуло у нее.

Возможно, решившись на эту поездку, она совершила роковую ошибку. Возможно, переоценила свои силы. И, конечно же, совершенно очевидно: она будет многократно выставять себя на посмешище во время этого путешествия. А что ее ждало в гостях у леди Айлен, одному богу известно.

В одной из пристроек аббатства размещался приют для путешественников, где они могли провести ночь. По дороге в эту пристройку Давине пришла в голову мысль: ведь наутро можно было сказать больной и попросить, чтобы ее отвезли обратно в замок Армстронгов.

Но эта мысль тотчас же ушла, и Давина, сжав кулаки, мысленно отругала себя за трусость. Все, хватит! Она и так слишком долго пасовала перед своими страхами! И если уж она приняла решение побороть свой страх, то должна довести дело до конца. Но на сегодня хватит с нее борьбы...

На пороге маленькой комнаты, где из мебели имелись только две кровати, на одной из которых предстояло спать ей, а на другой – ее компаньонке, Давина поблагодарила аббата за гостеприимство и сообщила, что ужинать они будут в спальне, а сразу после ужина лягут спать.

Священнослужитель, явно не ожидавший услышать такое, в растерянности откашлялся и поспешил сообщить госте, что устав монастыря не запрещал женщинам находиться в одном помещении с братией.

– Добро пожаловать на ужин в трапезную, – добавил он.

Щеки Давины вспыхнули. Она потупилась. Однако же чувствовала, что сэр Малколм буравил ее взглядом.

– Нет-нет, спасибо, благодарю вас, – пробормотала она. – Мы с моей служанкой слишком

устали, так что едва ли сможем составить вам приятную компанию. Я желаю вам всем доброй ночи, – с этими словами Давина юркнула за дверь, и Коллин тотчас последовала за ней.

На следующее утро Давина проснулась с болью во всем теле. Вздыхая и охая, она с трудом доковыляла до умывальника. Сочувственно прищелкивая языком и покачивая головой, Коллин помогла хозяйке одеться.

– Вы не в том состоянии, чтобы продолжать путь, миледи, – проговорила горничная.

– Все будет хорошо, надо только размять мышцы, – ответила Давина. Но подобный оптимизм никак не вязался с гримасой боли, исказившей ее лицо.

– Не думаю, что сэр Малколм с вами согласится, – возразила Коллин.

Возможно, и так. Но только она не собиралась жаловаться сэру Малколму на здоровье. И вообще, чем быстрее они доберутся до замка Маккены, тем лучше. Вероятно, там ей проще будет укрыться от пристального внимания благородного рыцаря.

– Прошу вас ничего сэру Малколму не говорить, – непререкаемым тоном заявила Давина.

Коллин лишь сокрушенно покачала головой, но просьбу хозяйки, более походившую на приказ, все же исполнила.

Кое-как забравшись в седло, Давина обратилась к Богу с горячей мольбой о том, чтобы Он дал ей дожить до конца дня и не умереть от боли. На выезде из аббатства дорога делала крутой вираж, поворачивая за грядой высоких гор, и потому пришлось пустить коней шагом, чему Давина весьма поразовалась. Но радость ее была недолгой.

Вскоре они вновь выехали на равнину, и тут ей пришлось несладко. Лишь после двух часов быстрой езды они наконец вновь придержали лошадей, чтобы свернуть в лес – на узкую тропку, петлявшую между деревьями.

И теперь всадникам пришлось растянуться в длинную цепочку по одному. И вскоре выяснилось, что им предстояло перебраться на другой берег ручья. Дно было каменистое, и Давине приходилось внимательно следить за тем, куда ступал ее конь.

Деревья здесь росли очень густо, переплетаясь ветвями и образуя над тропинкой нечто вроде навеса. Кое-где на ветках еще оставалась листва, и солнце, пробиваясь сквозь кроны, причудливо расцвечивало все вокруг. В лесу дышалось хорошо и свободно, и даже боль в мышцах не помешала ей испытать полузабытое – и такое светлое! – чувство полноты жизни. Давина невольно улыбнулась и покрутила головой из стороны в сторону. И вдруг по спине ее пробежал холодок – ей показалось, что она заметила какое-то движение в глубине леса. Она уже хотела окликнуть Коллин и спросить, не заметила ли та чего-нибудь подозрительного, но тут прямо на тропинку упало надломленное дерево. И тотчас же тишину разорвал боевой клич; оказалось, что из глубины леса к ним скакали вооруженные люди. А через несколько мгновений сэр Малколм осмотрелся, нахмурился и громко прокричал:

– Нападение из засады! Люди Маккены, ко мне!

Даже застигнутые врасплох, воины Маккены быстро перегруппировались, став так, чтобы женщины оказались в центре кольца, за спинами своих защитников. И вскоре воздух наполнился звоном стали, людскими криками и ржанием коней.

Определить, к какому клану принадлежали нападавшие, было невозможно, но сражались они умело – как воины, прошедшие хорошую боевую выучку. Причем Давине удалось рассмотреть лица атакующих, и она даже видела их холодные и хищные глаза. Такие же глаза были у тех неизвестных, что напали на них с Джеймсом в лесу на склоне холма. При мысли об этом у Давины закружилась голова, и все поплыло перед глазами. Она непременно упала бы с лошади, если бы ее не привел в чувство внезапный крик Коллин, на глазах у которой упал на колени, прижимая ладонь к окровавленному плечу, один из воинов Маккены.

Давина схватила поводья лошади, на которой сидела Коллин, пытаясь заставить животное отступить к центру кольца. Сознание ее как бы расщепилось: ей хотелось закрыть глаза и зажать уши, чтобы ничего не видеть и не слышать, – и в то же время она боялась, что смерть вот-вот достигнет ее врасплох.

«Но если уж так, если мне суждено погибнуть, – сказала себе Давина, – то я буду смотреть прямо в глаза тому, кто вонзит кинжал в мое сердце».

Хотела она того или нет, Давина воспринимала происходившее сейчас сквозь призму пережитого, и то давнее отчаяние мешало ей трезво оценить ситуацию. Однако же, заставив себя сосредоточиться на фактах, а не своих эмоциях, она увидела существенные отличия между тем, что было тогда, и тем, что происходило сейчас. Сейчас разбойники ненамного превосходили числом воинов Маккены, и шансов победить в этой схватке у Малколма было гораздо больше, чем тогда у Джеймса, который один противостоял шестерым. И действительно, разбойники потеряли троих убитыми, тогда как среди людей Малколма погибших не было, только раненые.

Давина уже решила, что все самое страшное осталось позади, как вдруг душераздирающий вопль одного из воинов напугал ее лошадь. Животное взвилось на дыбы, и девушка мертвой хваткой вцепилась в поводья, но ей это не помогло. Давина упала, больно ударившись о землю, и тут же сжалась в комок, пытаясь защититься от копыт. Она сейчас не думала ни о чем; ей даже бояться было некогда, и оставалось лишь одно – молиться. В голове же у нее стоял гул, и все было как в тумане.

Но вскоре шум битвы стих, а потом, спустя еще какое-то время, – ей показалось, что прошла вечность, – Давина вдруг почувствовала, что над ней кто-то стоит. Сама не своя от страха, она все же заставила себя поднять голову и посмотреть на того, кто нависал над ней. И увидела озабоченное лицо сэра Малколма.

– Вы не ушиблись, леди Давина? – спросил он и наклонился, осторожно коснувшись ее щеки.

– Не очень сильно, – пролепетала Давина; губы ее дрожали.

Сэр Малколм с величайшей осторожностью провел ладонями по ее телу, проверяя, нет ли повреждений, затем сказал:

– Кажется, все в порядке. – И он помог ей подняться на ноги.

Давина буквально повисла на нем. И она старалась не смотреть на неподвижно лежавшие на земле окровавленные тела. Внезапно вспомнив про служанку, девушка воскликнула:

– Коллин!.. Где Коллин?!

– Я здесь, миледи. Жива и здорова, – тотчас же послышался голос.

«Слава богу!» – мысленно воскликнула Давина и, покачиваясь, шагнула навстречу своей компаньонке. Женщины обнялись со слезами на глазах.

Но Давина, как ни старалась, не могла унять дрожь. «Как странно, что в такой удивительно ясный зимний день, когда на синем небе не найти ни единого облачка, на душе у меня так темно...» – невольно подумала она.

– Как там наши? Раненые есть? – услышала она словно издалека голос сэра Малколма.

– У младшего Эдгара задета рука, и рана над глазом сильно кровоточит. А у Гарольда плечо прорубили до самой кости, – ответил один из солдат.

Сэр Малколм выругался сквозь зубы, и Давина внезапно забыла о своих страхах.

– Мы с Коллин позаботимся о раненых, – решительно заявила она.

У Давины немного дрожали руки, когда она искала у себя в сундуке настойку и льняную рубашку. Раненых успели усадить под дубом, спиной прислонив к стволу, и Коллин уже осматривала их, когда Давина наконец подошла к ней. От вида крови и изрубленной плоти к горлу подкатил комок, но девушка строго сказала себе: «Эти люди пострадали, защищая твою

жизнь, и потому позаботиться о них – твоя прямая обязанность».

Кто-то принес воды из ручья, и Давина под руководством Коллин промыла воинам раны. Ей никогда еще не приходилось никого лечить, но Коллин, к счастью, имела достаточный опыт, поэтому и на этот раз все делала быстро и умело. Следуя указаниям своей компаньонки, Давина перевязывала раненых.

– Миледи, не стоило ради меня портить такую хорошую вещь, – смущаясь, пробормотал Эдгар-младший, кивнув на то, что осталось от рубашки.

Улыбнувшись пареньку – ему на вид было не больше пятнадцати, – Давина сказала:

– Вы и ваши храбрые друзья совершили подвиг, защитив меня и Коллин, и я счастлива, что могу хоть что-то сделать для таких героев. А что до рубашки, так это пустяк, о котором и говорить не стоит.

– Выходит, зря я за тебя переживал, парень, – вмешался сэр Малколм. – Раз у тебя хватает сил флиртовать с симпатичной девушкой, значит, не так все и страшно.

Паренек покраснел и опустил глаза. Как бы ни храбрился юный воин, Давина видела, что ему очень больно. Она поднесла к губам парня пузырек с заветной настойкой и попросила сделать один глоток. Паренек был худ и невысок, и глотка ему должно было хватить, чтобы лекарство подействовало. А вот Гарольду, который был вдвое крупнее Эдгара, Давина велела сделать три больших глотка.

Сэр Малколм подошел к ней, когда она убирала в сундук, закрепленный позади седла, пузырек с оставшимся лекарством и то, что осталось от рубашки.

– До тех пор, пока я не привезу вас в наш замок, я не могу гарантировать вам безопасность, – сообщил ей Маккена. – Может, вы предпочли бы вернуться домой?

Этот вопрос удивил Давину. Она давно привыкла жить по чужой указке, и было странно, что ее мнение могло кого-то интересовать.

– Я хотела бы продолжить путь к замку Маккены, если только вы не посоветуете мне вернуться к Армстронгам, – ответила девушка.

Сэр Малколм удовлетворенно кивнул, и лицо его на миг просветлело, но лишь на миг.

– До замка Маккены можно добраться иным путем, менее исхоженным и более коротким. Но он пролегает через горы с крутыми обрывами и узкими уступами. Вы справитесь?

– Я не боюсь высоты, – ответила Давина, нисколько не покривив душой. Она панически боялась всего на свете, кроме высоты. – Но меня беспокоят раненые, – добавила девушка. – Справятся ли они?

– Мы будем устраивать привалы так часто, как потребуется. Самое важное для них сейчас – не подхватить лихорадку, и мы должны следить, чтобы раны не загноились. А все остальное – в руках Господа.

Давина молча кивнула. Глядя вслед сэру Малколму, она подумала о том, что он, наверное, был не так уж уверен в благополучном исходе этого путешествия...

Сэр Малколм держал слово; они останавливались довольно часто, чтобы дать отдых коням и раненым. С наступлением же темноты разбивали лагерь на ночь и трогались в путь с рассветом. Давина и Коллин ухаживали за ранеными как умели, и, к счастью, обошлось без воспалений.

К исходу четвертого дня пути резко похолодало. Ночью у Давины зуб на зуб не попадал; когда же, тщетно пытаясь согреться у костра во время очередной остановки, Давина подумала о том, что еще одну такую ночь ей не пережить, сэр Малколм, указав на рощу вдали, сказал:

– За этой рощей начинаются земли клана Маккены.

И после этого даже стук копыт о мерзлую землю зазвучал как-то веселее, а холод уже почти не донимал. Наконец они миновали рощу, и теперь уже, чтобы добраться до замка Маккены,

оставалось преодолеть последний подъем.

Через несколько часов пути, когда они поднялись на вершину скалистого гребня, Давина увидела замок. Увидела – и замерла в изумлении. Ради такой красоты стоило пуститься в столь долгий и трудный путь со всеми его тяготами и лишениями. Величественный и мощный, устремленный в небо всеми своими башнями, над самой высокой из которых гордо реяло на ветру знамя с гербом клана Маккены, этот парящий над неприступными горами замок поражал воображение.

Четыре главные квадратные башни располагались по углам замка, но между ними имелось множество башен поменьше, и все они соединялись проходами, защищенными зубчатыми парапетами. А внешняя стена, сложенная из бледно-серого камня, была невероятной высоты и толщины. Да, замок Маккены действительно представлял собой неприступную крепость.

И с внешней стороны стену опоясывал целый город с лабиринтами узких улочек; всевозможные лавки жались друг к другу и к стене, а чуть подалее от городской стены располагались крестьянские подворья.

Хотя уже наступили сумерки, многие люди высыпали из своих домов, радостными возгласами встречая наследника вождя клана и его гостей.

Сэр Малколм ехал впереди кавалькады, приветствуя своих подданных улыбками и взмахами руки. У Давины не было повода сомневаться в том, что в клане Маккены простые люди были довольны жизнью и верны тем, кто ими правил.

Когда же они через широко распахнутые высокие ворота въехали во двор замка, сразу же стало понятно, что к их приезду здесь подготовились; расторопные слуги уводили лошадей на конюшню, а воины обнимали жен и невест, радостно их встречавших.

Не увидев среди встречавших жену сэра Малколма, Давина лишь сейчас вспомнила об одном из посланий леди Айлен – та писала ей о том, что ее старший сын недавно овдовел, так как его жена, не успев разменить третий десяток, умерла от какой-то скоротечной болезни.

Давина готовилась спешиться, прикидывая, как бы сделать это так, чтобы уставшие ноги не подкосились в последний момент. Блуждая взглядом по двору замка, она заметила у главного входа мужчину и женщину в дорогих одеждах. Оба были уже в годах.

– Мои родители, – шепнул ей сэр Малколм, но Давина и сама догадалась, кто такие эти люди.

Сэр Малколм, должно быть, унаследовал от отца горделивую осанку, так же как и высокий рост и могучее сложение. А рядом с отцом сэра Малколма стояла его мать. «Его – и Джеймса», – мысленно добавила Давина, и тотчас же сердце ее забилось часто-часто, а ладони под перчатками вспотели.

Сама не своя от волнения перед первой встречей с пригласившими ее людьми, Давина даже не успела испугаться, когда сэр Малколм внезапно обхватил ее за талию и, сняв с коня, опустил на землю.

Чувствуя, что не очень уверенно держится на ногах, Давина позволила Малколму взять ее под руку и подвести к лэрду Маккене и его жене. Опираясь на руку рыцаря, Давина присела перед его родителями в глубоком реверансе. Когда же она выпрямилась, леди Айлен с чувством пожала ей руку, а потом обняла словно близкую родственницу, по которой успела соскучиться.

– Я так счастлива, что вы наконец здесь, – проговорила она с улыбкой.

Тронутая до глубины души, Давина искренне улыбнулась в ответ и, не найдя слов, обняла пожилую леди. Однако под испытующим взглядом лэрда Маккены улыбка ее быстро померкла. Острый глаз вождя клана подмечал все до малейших деталей; и то, что он увидел в молодой гостье, судя по всему, не слишком ему понравилось. Было совершенно ясно: в отличие от леди Айлен, теплых чувств к Давине Армстронг он не испытывал. Когда же он все-таки заставил себя

улыбнуться, улыбка его больше напоминала волчий оскал. Посчитав, что на этом обмен любезностями можно считать законченным, лэрд Маккена обратился к сыну:

– Вижу, что Эдгар-младший и Гарольд в бинтах. Что у вас произошло?

– Ничего такого, с чем мы не смогли бы справиться, – уклончиво ответил Малколм и поцеловал мать в щеку.

– Скорее проходите. Хватит стоять на холоде, – поспешила разрядить обстановку леди Айлен.

... Теплый запах пчелиного воска соединялся с чудесными ароматами свежее выпеченного хлеба и жаренного на вертеле мяса, и урчавший живот тотчас напомнил Давине о том, что она уже нескольких дней почти ничего не ела.

– Боюсь, у вас осталось мало времени на то, чтобы смыть с себя дорожную пыль, так как ужин подадут совсем скоро, – сказала леди Айлен. – Но я могу распорядиться, чтобы вам приготовили ванну в вашей спальне после вечерней трапезы.

– Я была бы вам несказанно благодарна за ванну, – ответила девушка.

– Значит, насчет ванны решено, – продолжала хозяйка. – Сейчас Меган проводит вас в вашу комнату, но, пожалуйста, возвращайтесь поскорее. Мужчины нашего клана не любят, когда их долго морят голодом.

Давине очень понравилась ее комната. Каменный пол покрывали циновки, на стенах висели цветные гобелены, в камине ярко горел огонь, а в воздухе витал тонкий аромат лаванды – засушенные букеты со скромными синими цветами лежали на покрывале. Уже стемнело, и по достоинству оценить вид из окна Давина все равно сейчас не смогла бы, но почему-то она была уверена, что этот вид ее впечатлит.

Вода в кувшине оказалась теплой, что не могло не радовать. Умывшись, девушка переоделась, выбрав наряд из зеленой шерсти с вышивкой по краю ворота и на рукавах. Круглый ворот подчеркивал изящество ее шеи, а прямой покрой, казалось, делал ее выше. Коллин заплела хозяйке косы, покрыла голову прозрачной вуалью, а сверху надела золотой ободок.

– Вам очень идет этот наряд, – с улыбкой заметила служанка, и эти искренне прозвучавшие слова сразу приободрили Давину – она почувствовала себя увереннее. А уверенность в себе ей сегодня была очень нужна.

Давина зашла в главный зал, который был куда просторнее, чем в замке Армстронгов, осмотрелась – и в тот же миг ее уверенность в себе улетучилась как дым на ветру.

Столько незнакомых людей! И как шумно! В ушах стоял звон от громких голосов и смеха. Но еще хуже стало Давине, когда она поняла, что почти все эти люди смотрели на нее. Мужчины, подталкивая друг друга локтями, указывали на нее пальцем, а женщины, которых здесь было значительно меньше, чем мужчин, перешептывались, глядя на нее.

Место Давины, как гостьи жены вождя, было за «высоким столом» – за ним восседал сам хозяин замка, а также его супруга и ближайшие родственники. Он и назывался «высоким», потому что располагался на возвышении. Стол этот находился в противоположном конце зала, и, чтобы до него дойти, надо было пройти мимо множества людей, сидевших за другими столами.

Давина медлила, по-прежнему стоя у входа. «Не вернуться ли к себе в спальню, сославшись на усталость?» – думала она. Внезапно к ней со всех ног бросилась маленькая девочка в бледно-голубом платье. А следом за девочкой поспешили сэр Малколм и леди Айлен.

– Папа, ты привез мне новую маму?! – воскликнула малышка, с надеждой глядя на Давину.

Давина смотрела на нее в растерянности, а девочка, не дождавшись ответа, обхватила ее за талию и прижалась к ней. А потом вдруг громко заявила:

– Она мне подходит! Спасибо, папа!

Малколм не сводил с гостьи глаз. Он видел, как брови ее взметнулись вверх, когда его дочь обвила ее ручонками. И заметил, как удивление сменилось сочувствием – опустив на девочку глаза, Давина погладила ее по волосам.

– Сейчас же отпусти леди Давину, Лилея, – строго произнесла леди Айлен. – Разве так тебя учили встречать гостей?

– Не отпущу! – воскликнула девочка, еще крепче вцепившись в Давину.

– Будь умницей, крошка, и послушай бабушку, – ласково попросил дочку Малколм. – А не то леди Давина подумает, что ты учишься хорошим манерам у лесных зверей.

– Не подумает! – закричала Лилея.

– Нет, подумает. И правильно сделает, – заявил отец малышки; казалось, он уже начал терять терпение.

Малколм чувствовал на себе пристальные взгляды родителей. Из почтения к ним он почти всегда шел у них на поводу, но только не в том, что касалось Лилеи. Дочь он воспитывал так, как считал нужным. Родители считали, что он во всем потакал Лилеи, но Малколм не мог ее не баловать, потому что винил себя за то, что мало проводил времени со своей любимицей – слишком много было у него других забот и обязанностей... Впрочем, наблюдая за поведением дочери сейчас, он подумал, что его родители, пожалуй, правы. Строгость в воспитании, как ни крути, необходима.

Не говоря более ни слова, сэр Малколм наклонился и приподнял дочь. Он приготовился к неизбежным слезам и крикам, как всегда бывало, когда что-то делалось против воли Лилеи, но на этот раз девочка вела себя тихо. Не успел он облегченно вздохнуть, как заметил, что дочь продолжает держаться за платье гостьи.

– Малколм, опусти ее на пол, пока она не порвала платье леди Давины, – сказала его мать.

– Папа обещал найти для меня маму, – заявила девочка. – Я не хочу больше жить без мамы.

– Отпусти леди Давину, а не то я тебя отшлепаю, – строго произнес Малколм.

Похоже, угроза наказания подействовала на девочку. Медленно разжимая пальчик за пальчиком, Лилея наконец отпустила юбку гостьи. В тот же миг Малколм легонько шлепнул ребенка и потребовал:

– А теперь извинись. – Он скрестил на груди руки и пристально посмотрел на дочь.

Губы девочки задрожали, и глаза ее наполнились слезами.

– Прости, папа... – пролепетала она. – Пожалуйста, не сердись на меня больше.

Малколм готов был сквозь землю провалиться – так стыдно ему стало перед дочерью. Она казалась такой несчастной... Он тут же пожалел и о том, что шлепнул ее, и о том, что отругал.

Несколько месяцев назад Лилея осознала, что все дети, с которыми она играла, имели то, чего не было у нее – матери. Отвечая на вопрос дочери, Малколм объяснил, что ее мама сейчас на небесах, и этого ответа, как ему казалось, было вполне достаточно. И тогда же Малколм еще зачем-то пообещал, что найдет ей новую маму.

Он и подумать не мог, что его дочь ждала немедленного исполнения обещанного. И он даже не догадывался, как ей не хватает матери, не замечал, что дочь без нее чувствовала себя несчастной... И теперь Малколм винил себя. Ведь будь он более любящим, более внимательным отцом...

– Лилея, тебя разве не учили, как надо приветствовать гостей? – обратился вдруг к малышке лэрд Маккена. – Покажи леди Давине, как ты умеешь делать реверанс.

Сосредоточенно насупившись, девочка старательно присела, согнув колени. А Малколм

смотрел на дочь с гордостью и нежностью. «Она похожа на ангела», – думал он.

– Леди Давина, вы моя новая мама? – внезапно спросила малышка.

Малколм вздрогнул и едва не зарычал от досады. К счастью, леди Давина теперь уже спокойно реагировала на этот вопрос. Опустившись на корточки, она посмотрела девочке в глаза и с улыбкой сказала:

– Я не буду тебе мамой, но я очень хотела бы стать твоей подружкой. Договорились?

Лилея молчала, обдумывая предложение гостьи. Наконец проговорила:

– Мне очень нравится заводить друзей.

– И мне, – кивнула Давина. – Если твой папа разрешит, может, ты покажешь мне завтра замок? – И они обе тотчас же посмотрели на отца малышки.

Малколм провел ладонью по волосам, борясь с искушением самоустраниться и предоставить решать столь сложный вопрос своей матери.

– Из Лилеи получится прекрасная провожатая, – произнес он наконец. И этим своим ответом вызвал одобрительные улыбки.

Тоже улыбнувшись, Малколм взял дочку за руку и повел ее к главному столу. Он усадил девочку на особый высокий стул по левую руку от себя, а Давину – по правую. А леди Айлен сидела напротив Давины, так что Малколм, не рискуя показаться невежливым, мог все свое внимание уделять дочери, пока его мать развлекала разговорами гостью.

Лилея рассказывала отцу обо всем важном, что произошло в замке за время его отсутствия. Он узнал о появлении на свет щенков у его любимой собаки, а также о проделках пса по имени Принц, лучшего и самого преданного друга Лилеи. Кроме того, дочь сообщила ему о том, что ей наконец удалось поймать серого пушистого кота, самого красивого из всех, живших в замке, и даже потискать его немного – до того, как он вырвался и убежал. И еще девочка рассказала, как этим утром помогала бабушке делать саше из лаванды.

Лилея, никогда не жаловавшаяся на отсутствие аппетита, с удовольствием ела то, что отец положил ей на поднос; он старался выбирать самые нежные кусочки мяса и самые любимые ее овощи. Забыв о том, что сам был ужасно голоден, Малколм смотрел, как ела его дочь, в который раз поражаюсь чуду, благодаря которому такое красивое, такое совершенное создание появилось на свет из его семени.

С самого рождения Лилеи вся его нерастраченная любовь – к матери малышки он всегда был равнодушен – щедрым потоком полилась на дочь. Его любовь к этому крохотному созданию была сильнее разума, сильнее воли, и неизбежные расставания заставляли его страдать. С годами его любовь к Лилее становилась все сильнее. За счастье своей дочери Малколм, нисколько не задумываясь, отдал бы жизнь.

Убедившись в том, что у его дочери было все, чего ее душа желала, сэр Малколм наконец и сам принялся за еду. Жареная оленина получилась особенно сочной, а рагу из овощей с мясом вепря было густым и ароматным. Что же касается гостьи замка...

Бархатистый и чуть хрипловатый голос Давины будоражил его, как будоражит охотничьего пса запах дичи. Эта женщина так и осталась для него загадкой. Она в испуге вздрагивала от невинного прикосновения, но не потеряла самообладания, находясь в самой гуще кровавой схватки.

Давина поднялась в его глазах, когда вызвалась помочь раненым, и снискала еще большее уважение, доказав свою полезность. Без лишних эмоций она промывала раны и меняла бинты – на что способна далеко не всякая женщина благородного происхождения.

Малколм знал, что такое страх. Да и любой человек – даже самый отважный воин, если он в своем уме, – знаком со страхом. Лишь выучка помогает во время боя вытеснить страх и действовать так, как подсказывает инстинкт выживания. А женщине, наверное, справиться со

страхом еще труднее, потому что ей нечем себя защитить и остается лишь полагаться на тех, кто рядом.

Малколм пристально посмотрел на Давину. Он знал, что поступает вопреки правилам приличия, но им владело ощущение, что если он будет долго на нее смотреть, то в конце концов поймет, что она собой представляет.

Должно быть, она почувствовала на себе его взгляд, поскольку повернулась к нему и вопросительно посмотрела на него. Он улыбнулся ей. Глаза ее расширились, и она, хоть и пыталась улыбнуться в ответ, смогла изобразить лишь подобие улыбки. Но Малколму было достаточно и этого, чтобы заговорить с ней.

– Леди Давина, я должен попросить у вас прощения за... слишком пылкое приветствие Лилеи. Надеюсь, ее выходка не обидела вас.

– Нисколько. Скорее, она польстила мне, сказав, что хочет, чтобы я стала ей матерью. – Леди Давина подцепила ножом кусочек мяса. – Я понимаю, какой одинокой чувствует себя девочка, растущая без матери, хотя самой мне посчастливилось жить с матерью до двенадцати лет. Понятно, что Лилею любят и о ней хорошо заботятся, но от этого девочке не легче.

Малколм размышлял над словами гостьи, по-прежнему наблюдая за ней. А она, опустив глаза, сделала глоток красного вина, и губы ее стали темнее и ярче. Созрели для поцелуя?...

– Возможно, мне действительно пора найти себе жену, – как бы невзначай заметил Малколм. – Вы ведь не замужем, верно?

Похоже, он ошеломил леди Давину своим вопросом. Ни слова не сказав, она еще глотнула вина. Заметив, что ее бокал почти опустел, Малколм подлил ей еще. Она сделала очередной глоток, пожалуй, слишком уж большой. После чего наконец проговорила:

– Я убеждена, сэр Малколм, что ваше предложение с радостью готовы принять самые красивые и самые достойные девушки.

– Малколм.

– Что?... – спросила Давина в растерянности.

– Вы гостья нашего дома, и излишние формальности в общении между нами ни к чему. Могу я просить вас о том, чтобы и вы позволили мне называть вас по имени?

Щеки девушки вспыхнули.

– Да, разумеется. Ваша матушка уже настояла на том, чтобы я обращалась к ней только по имени.

– Так вот, Давина, – с едва заметной усмешкой продолжал Малколм, – какой же совет вы мне дадите относительно выбора жены?

Гостья провела ладонью по лбу и, стараясь сделать это незаметно, ущипнула себя за переносицу. Ему также показалось, что она быстро прошептала молитву. «Господи, дай мне силы». Но он не был уверен, что не ослышался.

– Не будучи замужем, я едва ли вправе давать подобные советы, – ответила она.

– Позвольте спросить, а почему вы не замужем? – проговорил Малколм и тут же добавил: – Прошу простить меня за дерзкий вопрос.

Реакция гостьи его удивила. Она нисколько не смутилась и, глядя ему прямо в глаза, проговорила:

– Вы можете спрашивать меня сколько угодно, сэр... Малколм, но я не обязана вам отвечать.

– Папа... – Дочка потянула его за рукав. – Папа, я съела все мясо. Можно мне еще?

– Вот, возьми. Я уже порезала его на маленькие кусочки, – сказала малышке Давина.

– Большое спасибо, – пробормотал Малколм, перекладывая мясо на поднос Лилеи. При этом он в задумчивости смотрел на девушку. Жена взяла бы на себя часть его родительских обязанностей и тем самым значительно облегчила бы ему жизнь. Кроме того, у Лилеи появились

бы братья и сестры, а у клана – еще один наследник.

Малколм поймал себя на том, что улыбается. С ним явно происходило что-то необычное. Как правило, он держал свое сердце под замком, и женщины, если они не приходились ему родственницами, не имели к нему доступа.

Когда таинственный недуг за несколько дней свел в могилу его жену, Малколм скорбел о кончине матери своего ребенка, но не о женщине, с которой был вынужден делить кров, стол и ложе.

Маргарет была слишком навязчивой и требовательной; чуть что не по ней – сразу в слезы. Малколм ужасно устал от ее жалоб, но нельзя сказать, что жена отбила у него интерес к другим женщинам. В его постели нередко бывали и соскучившиеся по мужской ласке вдовы, и девицы легкого поведения. Однако жизнь с Маргарет убедила Малколма в том, что брак – совсем не то, к чему стоило стремиться. При этом он понимал, что Лилея нуждалась в материнской заботе. И его дочь заслуживала того, чтобы о ней заботилась женщина, достойная во всех отношениях. Так почему бы не рассмотреть кандидатуру Давины? Лилея сразу к ней привязалась. Кроме того, сейчас, когда угроза со стороны Англии фактически не ощущалась, в браке по политическим соображениям не было нужды. Он уже исполнил свой долг, женившись на Маргарет Дуглас, и с рождением Лилеи союз между самыми сильными кланами в Шотландском нагорье укрепился кровными узами.

Да, пожалуй, насчет Давины стоило хорошенько подумать. Он ведь обещал Лилею новую маму, не так ли? А любой Маккена всегда держит слово.

Поднос Давины был полон жареного мяса и овощей, но она почти ничего не ела. Зато часто прикладывалась к бокалу с пряным вином – вкусное и ароматное, оно приятно согревало и поднимало настроение.

Только сейчас, впервые с тех пор, как она выехала за ворота замка Армстронгов, Давина позволила себе расслабиться, и на душе у нее сразу стало спокойнее. И еще, как ни странно, в окружении множества людей она не ощущала тревоги – напротив, чувствовала себя более защищенной.

Вино и эль за столами лились рекой, и постоянно раздавался веселый смех. Здесь, в замке Маккены, люди улыбались и смеялись куда охотнее, чем дома. А слуги, разносившие еду и напитки, улыбались так же часто, как и те, кому они служили.

И еще ей нравилось, что здесь на нее никто не смотрел как на душевнобольную, от которой можно ожидать чего угодно. Дома Давина часто отказывалась от трапезы вместе со всеми вовсе не потому, что боялась хорошо знакомых ей людей, а потому, что не хотела своим присутствием их смущать.

Между тем несколько захмелевших мужчин принялись стучать кружками по столам, требуя еще эля. Молодая служанка понесла им напитки – несла по кувшину в каждой руке. Только она поставила кувшины на стол, как один из воинов со шрамом поперек щеки обхватил ее за талию, усадил к себе на колени и смачно поцеловал в губы.

Давина вся сжалась от страха, живо представив, каково сейчас бедной служанке. Но вскоре выяснилось, что переживала она зря. Девушка выглядела вполне довольной и, продолжая сидеть на коленях у целовавшего ее мужчины, смеялась вместе с остальными, сидевшими за столом. У Давины отлегло от сердца, и она с облегчением вздохнула.

– Мой муж требует от каждого члена клана уважительного отношения друг к другу, и он не делает различий между воином и горничной, – с улыбкой заметила леди Айлен.

Давина тоже улыбнулась и искоса взглянула на лэрда Маккена. Ей все же не верилось, что вождь клана стал бы слушать жалобы служанки, которой, видите ли, не понравилось, что один из воинов лэрда положил на нее глаз.

Очевидно, почувствовав на себе взгляд гостьи, лэрд Маккена повернулся к ней, добродушно осклабился и тут же отвернулся, продолжив разговор с сидевшим рядом священником. Давина виновато опустила глаза, решив, что не имела права судить о человеке лишь по внешнему виду.

Слуги продолжали приносить все новые и новые блюда, а трубадур исполнял уже третью песню. За песней последовала баллада о прекрасной деве и храбром воине. Получив от вождя клана звонкую монету за свои труды, трубадур уступил место жонглерам, которые, подбрасывая и ловя различные предметы, умудрялись при этом еще и подпрыгивать.

Жонглеры закончили выступление под одобрительные крики зрителей. Аплодируя с энтузиазмом, Давина повернулась к Лилее, чтобы поделиться с ней впечатлениями. Но, случайно встретившись взглядом с Малколмом, она тотчас забыла о Лилее.

Старший сын вождя, развалившись на стуле, смотрел на Давину с нескрываемым интересом. Но, как ни странно, столь пристальное внимание не вызвало у нее уже привычных неприятных симптомов – таких, как нервная дрожь или потеющие ладони. Должно быть, так благотворно на нее повлияло вино. Или, возможно, трепетно-нежное отношение сэра Малколма к дочери убедило ее в том, что бояться этого человека не стоило. Как бы то ни было, Давина не могла не заметить случившейся с ней перемены, и эта перемена дарила надежду...

– Я очень рад, что вы здесь, – произнес Малколм и, взяв девушку за руку, провел большим пальцем по ее ладони.

Давина едва не вскрикнула – от недавней безмятежности не осталось и следа; ей тотчас же захотелось высвободить руку, выбежать из зала и запереться у себя в комнате. Но она, победив свой страх, пробормотала:

– Я безмерно благодарна вашей матери за то, что она меня пригласила. – Сказав это, Давина вдруг поняла, что ласка Малколма делала ее беспомощной, но ощущение беспомощности уже не казалось ей таким уж неприятным – скорее наоборот.

Тут он поднес ее руку к губам. «Вот уж нет!» – мысленно воскликнула Давина. И, стремительно высвободив руку, убрала ее за спину.

Малколм взглянул на нее с удивлением, и Давина, затаив дыхание, приготовилась себя к худшему: кто знает, как поведет себя гордый воин, чье самолюбие она нечаянно задела? Но опасения ее были напрасны, реакция его была совсем не агрессивной. Малколм просто улыбнулся. Улыбнулся дружелюбно и, как ей показалось, вполне искренне.

– Вам следует оставить попытки меня соблазнить, миледи, – чуть насмешливо сказал он.

– Я соблазняю вас? – задыхаясь от негодования, переспросила Давина. – Вы в своем уме, Малколм?

Он засмеялся, и его смех оказался на редкость приятным, хотя и немного двусмысленным. Давина неожиданно поймала себя на том, что улыбается ему в ответ.

– Я не могу удержаться. Вы словно сами напрашиваетесь, чтобы вас дразнили, – сказал Малколм.

Девушка почувствовала, что краснеет, однако она не обиделась и в тон ему проговорила:

– Как вам не стыдно, сэр? Вы флиртуете со мной на глазах у собственной дочери.

– А мне действительно не стыдно. Флирт – вполне невинное занятие, и посему не вижу причин отказывать себе в этом удовольствии, тем более что вам это нравится.

Давина опустила глаза. Было бесполезно отрицать очевидное. Ей и впрямь нравилось внимание красивого мужчины. Более того, она получала от этого удовольствие. Страх мешал ей радоваться жизни, но как только страх отступил, жизнь заиграла яркими красками. Неужели она сможет жить как все, неужели все ее тревоги останутся в прошлом?

Окрыленная надеждой, Давина мечтательно посмотрела вдаль – и вдруг увидела черный силуэт рыцаря, подсвеченный пламенем факела, закрепленного на стене у входа. Рыцарь был в

кольчуге, у его пояса висел широкий меч, а из-за пояса торчали два кинжала.

Его внезапное появление так напугало музыкантов, что они перестали играть. Послышался зловеющий лязг обнажаемых мечей, но незванный гость продолжал стоять неподвижно. «А может, стражники пустили его в замок, потому что он никому не угрожал?» – подумала Давина. Но, возможно, с ним просто не захотели связываться, ибо этот рыцарь казался очень уж грозным...

Лицо мужчины оставалось в тени, но затем, когда он прошел на середину зала, света оказалось достаточно, чтобы различить его черты. И Давина, увидев лицо этого человека, почувствовала, что кровь в ее жилах сначала застыла, превратившись в лед, а потом сделалась жарче пламени. Она не могла отвести от рыцаря взгляд, но боялась поверить собственным глазам. Ведь этого не могло быть! Неужели... Джеймс?!

Давина зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Нет, ошибки быть не могло! Эти чувственные губы она узнала бы и во сне.

Давина выронила бокал, и тот упал с глухим стуком, залив стол вином. В наступившей мертвенной тишине было отчетливо слышно, как капля за каплей жидкость стекала со стола на каменный пол.

– Джеймс! – внезапно прокатился по залу радостный возглас леди Айлен. Вскочив с места, она помчалась к сыну, лавируя между столами. Добежав – бросилась к нему в объятия.

Мать и сын радостно засмеялись, и люди, напуганные появлением черного рыцаря, стали приходить в себя. И вот уже вновь заиграла музыка – праздник продолжался. Продолжался для всех, кроме Давины. Она так и не пришла в себя. Предчувствия теснили грудь, и все расплывалось у нее перед глазами.

Образ юноши, которого она так беззаветно любила, Давина хранила в сердце все эти годы. Она помнила его с отчетливой ясностью – так, словно видела только вчера. Но мужчину, обнимавшего леди Айлен, она едва узнавала. Он казался гораздо выше, чем ей помнилось, и плечи у него были шире. Правую бровь его рассекал шрам, а другой, поменьше, тянулся наискось от уха к скуле.

Но больше всего изменились его глаза. В них не осталось прежнего добродушного озорства. Холодные и беспощадные, это были глаза человека, который привык брать что хочет, сметая все и всех на своем пути. Глаза человека, не знавшего сострадания.

Сердце Давины болезненно сжалось. Где же тот юный рыцарь, для которого честь была превыше жизни? Где тот юноша, которого она знала и любила?

А между тем Джеймс, шагая рядом с матерью, уже направлялся к столу, и Давина, стиснув до боли зубы, готовила себя к предстоящему испытанию.

Джеймс, посмотрев на нее, сначала нахмурился. Потом, смерив внимательным взглядом, сурово насупился.

Давина внутренне сжалась под его оценивающим взглядом. Ей хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, испариться... Но гордость взяла свое, и она нашла в себе силы расправить плечи и посмотреть ему прямо в глаза.

Казалось, они целую вечность смотрели друг на друга, смотрели словно околдованные. Потом Джеймс вдруг зажмурился. После чего открыл глаза и помотал головой, как будто хотел избавиться от злых чар.

– Давина? – спросил он наконец.

Голос его был хриплым от удивления и гнева. Давине захотелось вскочить и убежать, но бежать было некуда, и она прекрасно это понимала.

Джеймс приблизился к ней еще на шаг, и ее словно обдало жаром – то ли от вина, то ли от его взгляда. А затем голова ее сделалась на удивление легкой, и Давина закрыла глаза, надеясь, что голова перестанет кружиться. Но не помогло. Руки и ноги начали неметь, а в ушах стоял гул.

Словно издалека она услышала тревожный крик Лилеи, затем наступило спасительное бесчувствие – Давина провалилась в темноту.

Джеймс видел, как Давина покачнулась, и тут же, не отдавая себе отчета в том, что делает, подался ей навстречу, хотя и был слишком далеко, чтобы предотвратить ее падение. Впрочем, его помощь и не понадобилась. Его брат Малколм вовремя подхватил Давину на руки и прижал к груди.

Девочка, сидевшая рядом с Малколмом, громко заплакала. Ошеломленный всем увиденным, Джеймс судорожно сглотнул, стараясь не показывать, как он озадачен и зол.

«Черт возьми, что тут происходит?!» – мысленно завопил он.

И действительно, что делала Давина в замке Маккены? И почему его брат вел себя так, словно Давина принадлежала ему? Джеймс видел, как они обменивались улыбками, когда вошел в главный зал. И еще он заметил, как брат взял Давину за руку и поднес ее руку к губам. Но где же в таком случае Маргарет, жена Малколма?

И почему, черт возьми, никто не уведет отсюда эту визжащую девчонку? Они что, хотят, чтобы все тут оглохли?

Совсем иначе представлял себе Джеймс возвращение в родной дом. Если так и дальше пойдет, то не лучше ли прямо сейчас развернуться, сесть на коня и уехать в горы?

– Что за шум?! Лилея, замолчи! – приказала девочке мать Джеймса. И, крепко взяв его за руку, оттащила в сторону. В следующее мгновение он оказался лицом к лицу с отцом.

Джеймс не сразу сообразил, что ему больше не надо запрокидывать голову, чтобы встретиться с отцом взглядом, – они теперь были одного роста. Он заметил и седину на висках отца, и углубившиеся морщинки на его лице. Отец постарел, это верно, но осанка его оставалась прежней; то была гордая осанка сильного и благородного воина.

– Вот так дела, сын! – воскликнул лэрд. – Пять лет от тебя не было известий, но стоило тебе войти в дом, как начался скандал.

– Приятно видеть, отец, что за время моего отсутствия ничего не изменилось, – проговорил Джеймс.

Лэрд Маккена внимательно взглянул на сына. Затем, хлопнув его по плечу, крепко обнял. От нахлынувших чувств Джеймс на время лишился дара речи. Он никогда не сомневался в том, что отец его любит, но отцовская любовь не проявлялась столь открыто с тех пор, как он из мальчика превратился в мужчину.

Перед тем как разомкнуть объятия, отец прошептал ему на ухо:

– Я счастлив, что ты вернулся домой, сын, поверь мне. Но ты заставил мать страдать, и тебе придется за это ответить. Так что не обижайся.

«Не сильно ты изменился, отец», – подумал Джеймс. Что ж, он и не пытался оправдываться. Он признавал свою вину и готов был ее искупить.

– Братишка, с возвращением!

Джеймс оглянулся на знакомый голос и встретился взглядом с братом. Давина уже пришла в себя. Она стояла позади Малколма, одной рукой опираясь о стол, другой обнимая девочку, которая, слава богу, молчала.

– Рад тебя видеть. – Джеймс сдержанно кивнул.

Что-то недоброе промелькнуло в глазах Малколма за миг до того, как на его лице появилась положенная по такому случаю приветливая улыбка. Джеймс мгновенно насторожился. Что за камень припас для него за пазухой старший брат?

Гилрой, начальник замковой стражи, шагнул к Джеймсу и, широко улыбнувшись, прокричал:

– Добро пожаловать домой!

Вверенные Гилрою воины громко и дружно повторили приветствие командира. Потом настала очередь горничной матери, а за ней – его старой няньки и кормилицы. И у обеих женщин были слезы на глазах.

Похоже, все были искренне рады его возвращению, хотя старая няня не упустила случая пожурить своего воспитанника за то, что тот так долго не давал о себе знать.

Джеймс улыбался, пожимая протянутые к нему руки. Кажется, здесь не было ни одного человека, к которому Джеймс питал бы неприязнь. И лишь для Давины Армстронг у него не нашлось ни теплых слов, ни улыбки. Только досадливый вздох. Будь его воля, он предпочел бы сделать вид, что незнаком с ней.

Он видел, как она побледнела, узнав его. И видел, как исказилось гримасой ее прекрасное лицо. Она его ненавидела. И ненависть Давины, женщины, которую он любил, ранила его в самое сердце. Как бы он ни старался держать свои чувства в узде, сердце его вновь сжалось от острой боли, когда Давина робко, словно преодолевая страх, вышла из-за спины Малколма и подняла на него глаза. И почему-то ему показалось, что она вот-вот во второй раз упадет в обморок.

– Давина Армстронг, никак не ожидал встретить вас здесь, – проговорил Джеймс.

– Надеюсь, вы приятно удивлены, – ответила она очень тихо, внимательно глядя на него своими блестящими темными глазами.

Джеймс молча пожал плечами. Хотя, если честно, был раздосадован. В конце концов, здесь его дом. И не к ней он вернулся. Он доскакал до края света, пытаясь забыть эту женщину – и вот увидел ее в собственном доме. Но как она сюда попала?

– Ваша матушка пригласила меня на Рождество, – пояснила Давина, словно отвечая на его невысказанный вопрос.

То, что она прочитала его мысли, лишь на миг показалось ему странным и удивительным. Нет ничего удивительного. Ведь когда-то они были так близки, что с легкостью понимали друг друга без слов. Впрочем, это было давно. В другой жизни.

Проклятие, ему надо выпить!

Она преподавала ему урок, который он запомнил на всю жизнь. Любовь не ведет ни к чему, кроме боли и горя. «Но так было не всегда, – робко возразил внутренний голос. – Вспомни, как хорошо вам было вместе, когда все только начиналось».

Джеймс с трудом отвел взгляд от колдовских глаз Давины и уставился на ее тонкие пальцы, сжимавшие бокал. Он с мучительной остротой вспомнил, как эти пальцы ерошили его волосы, как гладили его по щеке... И вспоминалось, как он сжимал эти пальцы, лежавшие в его ладони.

Он так и не смог удержаться от вздоха – Давина все еще была ему нужна.

И безумное желание сжимать эту девушку в объятиях и ласкать до тех пор, пока глаза ее не затуманятся, было все таким же острым, как и раньше.

Джеймс невольно поморщился. Казалось, он не принадлежал самому себе. Он почувствовал, что какая-то сила толкнула его навстречу Давине и его рука сама собой потянулась к ее руке. Но тут он опомнился и отдернул руку. Ничего это ему не даст, кроме боли и унижения. Она отвергла его, отвергла решительно и бесповоротно, и он не собирался снова перед ней унижаться. Да и глупо было бы унижаться перед этой бессердечной девицей. Но Джеймс знал, что несправедлив к ней. Давина не всегда была бессердечной. Когда-то она была чиста, открыта и любила его всем сердцем. И он сам виноват в том, что ее любовь к нему прошла. Ведь он не смог ее защитить...

– Я – Лилея Маккена, – сказала девочка, которая держала Давину за руку. – А вы кто такой?

– Это твой дядя Джеймс, – пояснил Малколм, взглянув на дочь.

Склонив голову к плечу, девочка долго смотрела на своего дядю. Потом спросила:

– Тот самый, для которого бабушка каждый вечер зажигала свечи в часовне и молилась, чтобы он вернулся домой?

– Он самый. И мои молитвы наконец услышаны, – произнесла леди Айлен. Она вновь оказалась рядом с Джеймсом и вновь крепко взяла его за руку повыше локтя, словно боялась, что он может исчезнуть. И только сейчас Джеймсу стало по-настоящему стыдно за то, что причинил матери столько боли.

Айлен потащила сына к высокому столу, и все тотчас подвинулись, освобождая для него место. И как-то так вышло, что его усадили между матерью и Давиной.

Он заметил, что Давина в напряжении замерла. А потом она так живо заинтересовалась содержимым своего подноса, словно никогда прежде еды не видела.

– А где Кэтрин и Грэм? – спросил Джеймс, надеясь, что за разговором забудет на время о тревожном соседстве.

– Грэм гостит в замке Моргана. Осваивает военное дело. Он останется у них до весны. Кэтрин же отправилась в Инвернесс с другими паломниками, чтобы поклониться мощам Пресвятой Богородицы.

– А где Маргарет?

Улыбка сползла с лица матери, и она со вздохом ответила:

– Умерла. Этим летом будет год. Она умерла... Якобы от какой-то лихорадки.

– Сочувствую твоему горю, Малколм, – тихо сказал Джеймс.

Принимая соболезнование, Малколм не выглядел удрученным. И даже напоминание о недавней смерти жены не отбило у него охоту раздевать взглядом Давину.

– Ее смерть стала ударом для нас всех, но хуже всего пришлось моей малютке Лилее, потому что она лишилась матери. Однако я надеюсь в скором времени исправить ситуацию, – добавил Малколм с улыбкой.

Джеймс едва не подавился куском оленины; он вовремя сообразил, что лучше заняться едой, чем сказать что-то такое, о чем впоследствии мог бы пожалеть.

Взглянув на Давину, Джеймс понял: с ней что-то не так. И в тот же миг она пробормотала:

– Прощу меня извинить. Я очень устала и должна отдохнуть.

– Да, конечно... – кивнула леди Айлен.

Давина встала из-за стола и, сделав шаг, споткнулась – наверное, подол ее платья за что-то зацепился. Джеймс протянул ей руку, но Малколм раньше оказался рядом. Бросив на Джеймса уничижительный взгляд, он заботливо поддержал гостью. И она ему это позволила!

Но уже через несколько мгновений Давина высвободилась и, сделав реверанс, со всех ног бросилась к выходу, словно за ней гнались все черти ада.

Джеймс не стал смотреть ей вслед; он не желал даже думать о причинах ее бегства и о том, почему вдруг поникли ее плечи и погрузнели глаза.

С уходом Давины за столом воцарилось молчание. Чуть помедлив, Джеймс приказал принести еще вина. Поднося бокал к губам, он вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. Стремительно обернувшись, встретился взглядом со своей племянницей. После ухода Давины Лилея заняла ее место и сейчас беззастенчиво его разглядывала.

– А тебе не пора идти спать?! – прорычал Джеймс.

Если он хотел напугать малышку, то у него это получилось. Правда, Лилея быстро пришла в себя. Расправив плечи, она с вызовом в голосе ответила:

– Мне не хочется спать. – И девочка тут же засыпала дядю вопросами: – Зачем вам сразу два ножа за поясом? Папа и дедушка носят с собой только по одному ножу. А вам нужно сразу два? И почему вы одеты во все черное? Няня говорит, что черный цвет – цвет дьявола. Вы дьявол, да?

Джеймс поднес бокал к губам, пряча улыбку. Не стоило поощрять дерзкие выходки этой избалованной девчонки.

– Будешь дальше задавать такие вопросы – получишь ответы, о которых пожалеешь, ясно?

Лилея молчала, в задумчивости наморщив лоб. Ответ дяди оказался слишком мудреным, и маленькая девочка не могла в нем разобраться. Но, как бы то ни было, желаемый результат был достигнут – малышка умолкла.

Но молчала Лилея недолго. Спустя минуту-другую она, дернув Джеймса за рукав, жизнерадостно заявила:

– Леди Давина – самая красивая леди из всех, что я видела. Мне нравится ее улыбка. Она будет моей новой мамой.

Джеймс поперхнулся вином.

– Господи, Лилея, что ты несешь?! – воскликнул лэрд Маккена.

– Если моей дочке что-то запало в голову, она об этом век помнить будет, – с усмешкой заметил Малколм и ласково погладил дочь по голове.

Лилея радостно улыбнулась, но тут же, надув губы, напомнила отцу:

– Ты сказал, что приведешь мне новую маму.

– И ты ее получишь, куколка, – пообещал Малколм, взяв девочку на руки. – А сейчас тебе пора спать.

Малколм с дочерью на руках подошел к отцу с матерью, и каждый из родителей ласково поцеловал девочку в лоб. Джеймс заметил, что брат ненадолго задержался возле него, но он намеренно не поднимал взгляд, пока Малколм не прошел мимо. И только после этого поднял голову и посмотрел вслед удалявшемуся брату. Дочь обвивала его шею руками, положив голову отцу на плечо. Внезапно Джеймс встретился взглядом с племянницей, и Лилея, скорчив рожицу, показала ему язык. Он едва сам не показал ей язык, но вовремя спохватился.

– Намучаемся мы с этой непоседой, – весело и даже, как показалось Джеймсу, с восхищением заявила его мать. – Может, и впрямь Малколму стоит поскорее жениться.

– Да, верно... – в задумчивости кивнул отец. – Пора Малколму всерьез подумать о женитьбе. Мне нужны внуки. Род Маккены должен продолжаться.

Те, кто сидел рядом с вождем, одобрительно закивали. А Джеймс подлил себе вина и сделал большой глоток. «Да поможет мне Бог, – сказал он себе. – Вечер обещает быть долгим...»

Давина с трудом нашла свою комнату. К счастью, кто-то оставил на столе зажженную свечу. Впрочем, хорошо освещен был только стол, а все остальное тонуло во мраке. Девушка, открыв свой сундук, стала лихорадочно рыться в нем. И вздохнула с облегчением, отыскав заветный пузырек с лекарством.

Дрожащими руками она принялась вытаскивать пробку и за своим занятием даже не заметила, как открылась дверь.

– Что с вами, миледи? Что вы делаете?

Давина чуть не вскрикнула от неожиданности. Медленно распрямившись, она протянула Коллин пузырек.

– Помогите мне открыть, пожалуйста, – попросила она.

– Не стоит вам пить это зелье, – сказала компаньонка, неодобрительно покачав головой. – И если честно... Знаете, я думаю, что вам от него только хуже.

– Что вы такое говорите?... – пробурчала Давина.

– Вы меня слышали, миледи. Простите мне мою прямооту, но кто-то должен был вам это сказать. Ваше лекарство – плохое подспорье. Оно как костыль для того, кто умеет, но ленится ходить. Оно не отпускает вас от себя, совсем как ваши дядя и тетя.

– Они меня любят! – в возмущении воскликнула Давина.

– Да. Наверное. Но вам их любовь не помогла. Их дом стал для вас тюрьмой, и еще они приучили вас к этому зелью, сделав пленницей страха.

– Но теперь все не так, как в замке Армстронгов.

– Да, верно, – согласилась Коллин. – И я очень вами горжусь. В борьбе со своими страхами вы сильно продвинулись. Но, доводя себя до бесчувствия с помощью этой настойки, вы никак не вернете себе силы и веру в себя.

Давина кусала губу, обдумывая слова компаньонки. Коллин сказала о том, чего и сама больше всего опасалась. Да-да, она понимала, что польза от этого лекарства сомнительная, поэтому и старалась прибегать к нему как можно реже и почти не пила его последние два года.

– Тогда забирайте его! – Давина поспешно, боясь, что передумает, протянула Коллин пузырек.

Служанка тотчас выхватила пузырек из руки и тут же спросила:

– И как мне поступить с этой настойкой?

– Вылить куда-нибудь, – решительно ответила девушка, пугаясь собственной храбрости.

Коллин широко улыбнулась и отправилась выполнять указание. Давина же, не дожидаясь ее возвращения, начала готовиться ко сну. Пожалуй, обещанной горячей ванны ждать не стоило. Приезд Джеймса так всех переполошил, что ни слуги, ни сама леди Айлен о ней не вспомнят.

Ну и ладно. Давина налила в таз воды из кувшина и тщательно умылась, хотя вода в кувшине уже давно остыла.

Сняв с головы золотой обруч и вуаль, она принялась расплетать косу. А потом вернулась Коллин и помогла ей переодеться.

Перед тем как лечь в постель, Давина, как обычно, собралась прочесть вечернюю молитву, но вдруг обнаружила, что не знает, о чем просить Бога. О том, чтобы Он подсказал ей выход? Чтобы вернул ее в то время, когда их с Джеймсом любовь была радостной и светлой?

Понимая, что желания ее неосуществимы, Давина попросила у Бога благословения для всех людей кланов Маккены и Армстронга. После чего улеглась на узкую кровать и укрылась теплыми одеялами.

Соломенный матрас не отличался мягкостью, но и он казался пуховой периной после нескольких ночей, проведенных на голой земле.

– Вам не холодно? – заботливо спросила Давина у своей компаньонки, устроившейся на ночь на тюфяке в углу. – Хотите, я поделюсь с вами одеялами?

– Мне одеял хватает, миледи. Приятно спать в тепле, верно?

– Да, конечно. Спокойной ночи, Коллин. И спасибо вам за все, что вы для меня сделали.

Компаньонка что-то тихо пробормотала в ответ, и вскоре послышалось ее мерное сопение. Хотя Давине и было спокойнее от сознания того, что она не одна в комнате, сопение Коллин мешало уснуть. Девушка закрыла глаза и приказала себе расслабиться. Напрасно. События этого вечера снова и снова возникали перед ней. И постоянно перед глазами появлялось лицо Джеймса.

Не зная, как еще побороть бессонницу, Давина решила прибегнуть к испытанному средству – дыхательным упражнениям. Но, сделав глубокий вдох, она обнаружила, что воздух в комнате какой-то тяжелый и спертый. Выбравшись из-под вороха одеял, Давина осторожно, чтобы не разбудить Коллин, подошла к крохотному окошку, затянутому кожаным пологом. Оказалось, что она зря надеялась полюбоваться красивым видом из своей комнаты. Окно выходило во внутренний двор-колодец, сырой и безветренный. Да и окном это отверстие в стене едва ли можно было назвать, скорее бойницей.

Так и не надышавшись вволю, Давина вернулась к кровати, стащила с нее шерстяное одеяло и, накинув его на плечи, вышла из спальни. Ее спальня располагалась в конце короткого

коридора. Коридор заканчивался аркой, а за аркой начиналась лестница, ведущая наверх.

Давина крадучись направилась к лестнице. Придерживая одеяло у горла одной рукой, другой рукой держась за веревку, что служила перилами, Давина начала осторожно подниматься по узким и скользким каменным ступеням. Откуда-то сверху повеяло приятной прохладой – лестница эта, скорее всего, заканчивалась открытой галереей на стене. Понимая, что на стене непременно столкнется со стражником, Давина решила не испытывать судьбу и, остановившись на верхней ступени лестницы, запрокинула голову и сделала глубокий вдох. Воздух был насыщен влагой, что предвещало либо дождь, либо снег. И свежий воздух бодрил. Может, теперь голова ее прояснится и она поймет, как жить дальше.

Конечно, ей придется уехать. Жить под одной крышей с Джеймсом невозможно, несправедливо по отношению к ним обоим. Но как объяснить свое решение леди Айлен, не поведав о том, какие отношения связывали ее и Джеймса?

Он не считал нужным рассказать об их романе своим родителям – это было очевидно, и Давина, как бы она ни относилась к тому, что Джеймс попросил ее руки, не сообщив об этом своим родственникам, должна была уважать его решение.

Она не могла сказать леди Айлен правду, а значит, придется лгать, причем очень убедительно. Но она ведь совсем не умела лгать...

Решив, что подумает об этом утром, Давина сделала напоследок глубокий вдох и стала спускаться обратно. Достигнув подножия лестницы, она задержалась там, чтобы глаза привыкли к темноте. И вдруг услышала чьи-то шаги. Ею овладели недобрые предчувствия, и эти предчувствия ее не обманули. Присмотревшись, она узнала знакомый силуэт.

В следующее мгновение черный рыцарь шагнул к ней, и сердце ее едва не выскочило из груди.

– Господи, Давина... – пробормотал он. – А я уже подумал, что встретил призрака...

Давина вытерла о ночную рубашку вспотевшие ладони и тихо произнесла:

– Ты ужасно напугал меня, Джеймс.

От его взгляда у нее по спине пробежали мурашки. Ей хотелось бежать без оглядки, но ноги словно приросли к полу.

– А я думал, ты пошла спать, – сказал он.

Давину всю трясло, но она все же надеялась, что Джеймс в темноте этого не заметит.

– Мне захотелось подышать свежим воздухом.

– И ты решила подняться на стену в ночной рубашке?

«Если бы ты отнес меня туда на руках, мне бы не пришлось карабкаться по лестнице», – подумала Давина и неслышанно удивилась такой странной и неуместной мысли. Когда-то им нравилось подтрунивать друг над другом. Удивительно, насколько живучей оказалась эта привычка.

– Никто меня не видел. Я лишь несколько минут постояла на верхней ступеньке, вот и все.

– Должно быть, теперь в стражники берут только слепых и глухих. Хотя... Кто тебя знает? Может, ты владеешь колдовством?

Ей показалось, что глаза его насмешливо блеснули, но она не была в этом уверена.

– Я там совсем недолго пробыла, – добавила Давина, как бы оправдываясь.

– Я провожу тебя до твоей комнаты, – сказал Джеймс, протянув ей руку.

– Здесь совсем недалеко. Я отсюда вижу дверь в свою комнату, – ответила Давина и, словно не заметив его протянутой руки, попыталась проскользнуть мимо.

Джеймс опустил руку. И тут же, перегородив арочный проем, проговорил:

– Я не поверил своим глазам, когда вошел в зал и увидел тебя рядом с моим братом. И ты сидела за столом с таким видом, словно ты – хозяйка в этом замке.

– Я... – У Давины пересохло во рту. – Видишь ли, твоя мать пригласила меня провести с ней Рождество.

– Да, мне так и сказали. Только вот не похоже это на правду, – пробормотал Джеймс, глядя на нее прищурившись. – Зачем ты здесь, Давина? Что за жестокая прихоть судьбы послала тебя ко мне в дом? Неужели ты мало принесла мне страданий?

Глаза его метали гневные искры, и Давина понимала: с учетом обстоятельств, при которых они расстались, он не мог не держать на нее зла. И все же ей было больно оттого, что Джеймс ее возненавидел.

Стараясь не подавать вида, что огорчена, Давина сказала:

– Я понятия не имела, что встречу тебя здесь, Джеймс. Если бы знала, никогда бы не приехала.

Он досадливо поморщился и спросил:

– Ты собираешься замуж за моего брата? – Причем Джеймс задал этот вопрос таким тоном, что сразу же стало ясно: он ревновал ее к Малколму.

– Нет, я не могу выйти за Малколма. Я ни за кого не могу выйти, – ответила Давина со вздохом.

Джеймс вдруг взял ее за подбородок и, заглянув в глаза, спросил:

– Честное слово?

– Честное слово, – кивнула Давина.

И в тот же миг Джеймс почувствовал, что гнев оставил его. Тяжко вздохнув, он проговорил:

– Видит бог, Давина, ты все еще способна растопить мое сердце одним только взглядом.

– Джеймс, – прошептала она, протянув к нему руку, – я не хочу злить тебя, не хочу будить горькие воспоминания, но поверь мне, пожалуйста, я сказала тебе правду.

Он долго смотрел на ее руку. Потом отвел взгляд, так и не прикоснувшись к ней. Давине показалось, что сердце ее кто-то безжалостно сдавил в кулаке.

– Наши воспоминания останутся там, где им надлежит быть, – заявил он. – В далеком прошлом.

– Я тебе не враг, Джеймс.

– Так ли? – Склонив голову к плечу, он внимательно посмотрел на девушку. – У меня есть сомнения на сей счет.

Внезапно в открытый люк над лестницей ударила молния, высветившая на мгновение лицо Джеймса. И Давина увидела, что в его безупречно правильных чертах было что-то пугающее, что-то дьявольское. Она отпрянула в страхе, но еще долго против воли продолжала смотреть ему в глаза.

Слыша его голос в темноте, она могла обманывать себя верой в то, что между ними все со временем наладится, но теперь, увидев его в беспощадном ослепительно-ярком свете, она лишилась иллюзий.

Джеймс Маккена, стоявший сейчас перед ней, совсем не походил на юного рыцаря, которого она полюбила, точно так же, как и она была уже совсем не та, что пять лет назад. Сердце Джеймса ожесточилось и сделалось равнодушным к страданиям – и к чужим, и к своим. Но откуда же тогда в голосе его столько боли? Может, это она очерствела душой? При этой мысли Давине стало мучительно стыдно и за то, что причинила любимому человеку столько боли, и за отсутствие сострадания к нему.

Раздался раскат грома, а за ним – новая вспышка молнии, опять высветившая лицо Джеймса. И Давине вдруг почудилось, что эта молния попала прямо в нее – пронзила ее насквозь.

– Я уеду утром, – пообещала она, понимая, что должна сделать это, чтобы хоть отчасти

искупить свою вину.

– Ну да. Иного я и не ожидал. В конце концов, лучше всего у тебя выходит именно это.

– Ты о чем?

– Лучше всего ты умеешь убегать, – тихо ответил Джеймс.

Первой ее реакцией было возмущение, но любопытство оказалось сильнее гордости, и Давина сказала:

– Я надеялась тебе угодить. Разве ты не хочешь, чтобы я уехала?

Джеймс откашлялся и пробормотал:

– Мне нет дела до твоих перемещений. Хочешь – уезжай, не хочешь – оставайся. Разницы никакой! – с этими словами он развернулся и ушел.

Давину привел в чувство громкий кашель, донесшийся откуда-то сверху. Вот-вот сменится караул, а ей совсем не хотелось, чтобы ее увидели в ночной сорочке и с одеялом на плечах. Девушка бегом вернулась в спальню и, закрыв за собой дверь, прижалась спиной к косяку. Так она стояла, пока не успокоилась.

Осторожно забравшись под одеяло, Давина закрыла глаза. Но сон по-прежнему не шел. И тогда она стала молиться. Вначале помолилась о том, чтобы Господь ниспослал ей крепости духа и направил на верный путь, а потом попросила Бога, чтобы дал ей надежду на то, что завтрашний день будет лучше, чем день сегодняшний.

Хотя в эту ночь Джеймс почти не спал, проснулся он с первыми лучами солнца.

Немного полежав с закрытыми глазами в надежде заснуть вновь, Джеймс понял, что уснуть не удастся. Тогда он открыл глаза и осмотрелся. Стол с двумя стульями, три окна с толстыми стеклами, дорогой заморский ковер на полу и жарко натопленный камин...

Только одно место в мире могло похвастать такой роскошью, а именно – замок Маккены. Его дом.

Джеймс блаженно улыбнулся. Так хорошо ему давно не было. Как все-таки странно устроена наша голова... Пять лет назад он и подумать не мог о том, что когда-нибудь вернется сюда – слишком тяжел был гнет вины и стыда.

Джеймс пролил немало крови – и своей и чужой, – чтобы смыть свой позор. Рыцарь обязан защитить даму своего сердца, пусть даже ценой собственной жизни. Пять лет прошло с того дня, который так хорошо начинался и так плохо закончился, но, увы, груз вины не стал легче. Постепенно Джеймс свыкся с мыслью о том, что этот груз пребудет с ним всегда, где бы он ни преклонил голову на ночь. И потому, устав от битв, крови и смерти, которые так долго – слишком долго! – были его верными компаньонами, Джеймс вернулся домой. И вдруг оказался в новом, еще более страшном круге ада.

Джеймс стиснул зубы, повел плечами, чтобы расслабить затекшие мышцы, и встал с кровати. Внезапная слабость и головокружение напомнили ему о том, что он накануне переусердствовал с выпивкой.

Нетвердой походкой Джеймс прошел к двери и распахнул ее. Скрипнули кожаные петли, и от этого противного скрипа голова разболелась еще сильнее. Увидев в коридоре молоденького пажа и заметив недовольную мину паренька, Джеймс усмехнулся про себя. Как видно, мальчишке не по душе было то, что ему поручили. Он, очевидно, считал для себя унижительным прислуживать второму сыну вождя.

Джеймс провел ладонью по лицу, после чего на мгновение прижал пальцы к пульсирующим болям вискам. И вдруг рявкнул:

– Принеси мне горячей воды для умывания! И еще – кувшин эля и что-нибудь поесть!

Джеймс криво усмехнулся, заметив, как недовольство на лице паренька сменилось страхом. Мальчик со всех ног бросился выполнять поручение своего господина. Джеймс выругался сквозь зубы, глядя ему вслед. В горле у него пересохло, а живот сводило от голода. Он не хотел напугать мальчишку настолько, чтобы тому понадобилась вечность, дабы набраться мужества для возвращения.

Захлопнув дверь, Джеймс вернулся к кровати и присел. От простыней пахло розмарином и лавандой. Пуховая подушка так и манила к себе, но он устоял перед искушением рухнуть на нее головой и вновь провалиться в сон. Чтобы заставить его нарушить установленный распорядок, аромата розмарина, собранного заботливыми материнскими руками, и чистого постельного белья из лучшего льна, вышитого теми же руками, было маловато. Джеймс не собирался отменять свою ежедневную тренировку только потому, что вернулся домой.

К тому же, если он не хотел встречаться с бывшей возлюбленной, то лучшего занятия не сыскать – едва ли Давине придет в голову заглянуть на площадку, где обычно разминалась замковая стража. События вчерашнего вечера не оставили у него сомнений в том, что он должен навсегда вычеркнуть ее из своей жизни, выбросить из головы. Ему даже думать не хотелось о том, что ждало его в том случае, если у него вновь возникнут чувства к этой женщине. Он и так знал, что его ждало. Разбитые мечты и крушение иллюзий...

Но как выбросить ее из головы, если она каждый день будет появляться перед его глазами?

Дверь открылась, и в комнату вошел паж. Тощие руки мальчика посинели от натуги – поклажа весила едва ли не столько же, сколько он сам. Джеймс поднялся ему навстречу, желая помочь, но тут же передумал. Похоже, мальчишке не хватало уверенности в себе. Успешное выполнение своего долга поможет ему выковать характер.

Осторожно опуская на стол поднос с едой, паренек нервно прикусывал нижнюю губу. Затем настала очередь кувшина с элем, а потом – не слишком чистой на вид кружки. Оставалось только избавиться от опасно накренившегося таза с горячей водой, который паренек кое-как удерживал у локтевого сгиба левой руки.

– Поставь воду на стол у окна, – приказал Джеймс.

Паж вздрогнул в испуге, затем, торопливо семеня, подошел к столу и поставил таз куда было приказано. Половина воды расплескалась по дороге.

Джеймс хмуро смотрел на лужицы драгоценной горячей влаги, растекавшейся по полу. Он гордился тем, что наводил страх на врагов, но запугивать пажа, чей страх делал его неуклюжим... Это, наверное, излишне.

– Как тебя зовут? – спросил Джеймс.

– Ко... Колин, сэр. – У паренька дрожал подбородок.

– И какой же сегодня день, юный Колин?

Лицо паренька от растерянности вытянулось.

– Сегодня вторник, сэр.

– Понятно. – Джеймс машинально потирал пальцами шрам под скулой, вспоминая холодок от лезвия ножа, прижатого к горлу. И еще он помнил, как в изумлении расширились глаза врага, когда он воткнул ему нож под ребро и провернул его в ране. – Так вот, по вторникам я не ем пажей на завтрак. Ясно?

– Да, сэр.

– Я оставляю это удовольствие на пятницу. Советую об этом помнить, – добавил Джеймс.

Но улыбка, на которую он рассчитывал, так и не появилась на лице Колина; казалось даже, что он еще больше струхнул. Сжалившись над мальчишкой, Джеймс отпустил его взмахом руки.

– Я могу идти? – с надеждой в голосе спросил Колин.

Джеймс молча кивнул, и парень тотчас же выбежал из комнаты. Впрочем, Джеймс успел заметить, как вспыхнули благодарностью глаза мальчишки.

Джеймс тяжело вздохнул. Опять это проклятое чувство вины! Оно стало для него настолько привычным, что он уже не представлял свою жизнь без нее. Парень был благодарен ему за то, что он позволил ему сбежать. Что он, людоед? Или прокаженный? Сначала Давина, а теперь Колин. Кто следующий?

Джеймс ополоснулся до пояса уже порядком остывшей водой, после чего в той же воде вымыл кружку. Аппетит пропал, но он все же поел овсяных лепешек и сыра, запив все это элем.

Одевался Джеймс не спеша. Ему не хотелось спускаться в главный зал, когда там люди. Он был не в настроении ни с кем болтать, а особенно со своими родственниками.

Убирая меч в ножны, Джеймс в очередной раз спросил себя, не допустил ли он ошибку, покинув Святую землю.

Жизнь крестоносца полна опасностей, но зато она проста и понятна. Ты тренируешь тело, ты сражаешься, ты промываешь раны, хоронишь мертвых, ешь, спишь, просыпаешься – и все повторяется в том же порядке.

За прошедшие годы Джеймс свyksя с таким «размеренным» существованием в окружении таких же, как и он, отщепенцев, находившихся вдали от родины, вдали от тех, кого они когда-то любили. Он привык к суровым условиям и научился не замечать ни телесных страданий, ни

душевных.

Уже во дворе Джеймс осмотрелся. Солнце все никак не могло пробиться сквозь серые тучи. А где-то вдали тонули в тумане вершины зубчатых скал. Вчера вечером, когда Джеймс подъезжал к дому, любуясь величественным пейзажем, он думал о том, что никогда не видел ничего прекраснее родных гор. «Даже воздух тут пахнет по-другому», – думал Джеймс, вдыхая терпкий и влажный аромат сосен. Воздух этот бодрил и поднимал настроение – пусть даже холодная сырость пробирала до костей. Господи, как же ему всего этого не хватало!

В этот утренний час повсюду в замковом дворе шла какая-то работа. Женщины с тяжелыми корзинами, наполненными только что постиранным бельем, торопились развесить его пораньше, чтобы оно успело высохнуть за день. А из дверей кухни исходил аппетитный запах свежего хлеба, смешивавшийся с куда менее аппетитными запахами, исходившими из конюшни и хлева.

На площадке уже собралось немало воинов, но звона мечей слышно не было; вместо того чтобы упражняться, воины были заняты разговорами. С появлением Джеймса разговоры стихли, и люди из замковой стражи занялись наконец делом.

Джеймс отыскал взглядом Малколма. Тот бился на мечах с пареньком, у которого едва начала пробиваться щетина. И тут вдруг Джеймс понял, что поможет ему обрести душевное равновесие.

Внезапно Малколм обернулся и, широко улыбнувшись, произнес:

– О, вижу, ты наконец вылез из теплой постели, братец. А мы думали, ты весь день проваляешься.

– Весь день валяться мне не по силам, а вот все утро – в самый раз, – проворчал Джеймс.

– А я думал, крестоносцы ни на час с мечом не расстаются, – насмешливо заметил старший брат.

– Так и есть. Жизнь у крестоносцев трудная – не то что у тех, кто живет в шотландских горах. – Джеймс наблюдал за братом, гадая, насколько быстро сможет его разозлить. – Ты, я вижу, все еще любишь сражаться с мальчишками, у которых молоко на губах не обсохло. Легко продемонстрировать ловкость и силу, когда соперник – неопытный юнец.

Джеймсу удалось добиться желаемого.

– Я умею и люблю обучать молодых, – сквозь зубы процедил Малколм. – Не хочешь ли и ты показать, на что способен?

– Это можно, – с деланным безразличием ответил Джеймс. – Но только в том случае, если ты найдешь мне достойного противника.

– Сэр Малколм лучше всех владеет мечом, – заявил один из молодых воинов, и все остальные дружно закивали в знак согласия.

– Что ж, я готов сразиться с тобой, брат, – сказал Малколм без тени улыбки.

– Вашей матери это не понравится. – Маккена-старший тотчас же подошел к ним и встал между сыновьями.

Джеймс поднял глаза к небу, чтобы определить время по солнцу, потом спросил:

– Разве мать сейчас не на службе? Или она изменила своим привычкам и перестала ходить в церковь?

– В это время она всегда посещает мессу, – ответил отец, едва заметно усмехнувшись.

– Тогда нам стоит поторопиться, – заявил Джеймс.

Вокруг братьев тотчас собрались зрители, приветствуя участников поединка хлопками и ободрительными возгласами. Джеймс слышал, что некоторые из них начали делать ставки, но нисколько не удивился тому, что на него решились поставить лишь очень немногие (в клане Маккены было не принято ставить против наследника вождя). Поэтому, надевая шлем, Джеймс

мысленно пообещал этим немногим, что им не придется жалеть о своих ставках. Пусть все увидят, что и он – достойный сын своего отца.

Малколм с боевым кличем вытащил меч из ножен, и Джеймс усмехнулся, решив использовать элемент неожиданности, чтобы сразу получить преимущество. Вместо того чтобы тратить силы на крик, он атаковал молча, и клинок его со свистом рассек воздух. Стремительный выпад – и Малколм согнулся пополам от боли; Джеймс тупой стороной меча ударил его под дых.

Едва держась на ногах, Малколм взревел и сделал широкий замах, целясь в брата, но Джеймс вовремя пригнулся, и все же клинок просвистел так близко от его лица, что он почувствовал дыхание смерти. Чуть помедлив, Джеймс сделал ложный выпад влево перед тем, как провести стремительную атаку справа. Однако Малколм был готов – блокировал удар, подставив меч. Сталь звонко ударилась о сталь. Потом – еще раз. И еще...

А толпа ликовала. Было очевидно, что каждый из соперников обладал ловкостью и силой, да и в мастерстве ни один из них не уступал другому. Джеймс чувствовал, как по спине его струился пот. Малколм был выше ростом, что давало ему преимущество, но Джеймс знал, что он проворнее брата.

С губ Малколма срывались ругательства, когда он раз за разом, вступая в ближний бой, терпел неудачу. А Джеймсом уже овладел тот особый, ни с чем не сравнимый азарт, что знаком лишь тому, кто не раз смотрел смерти в лицо. Он постоянно теснил брата, и, хотя тот отражал его атаки, Джеймс видел, что силы Малколма на исходе.

Джеймс занес меч снизу для очередного удара, но Малколм вдруг схватил меч брата за острие и резко оттолкнул его. Джеймс хоть и упирался пятками в землю, устоять на ногах не смог. Все поплыло у него перед глазами, но он вовремя пришел в себя и, увидев разящий клинок Малколма, успел подставить свой. Малколм чуть не выбил меч из его руки: удар оказался куда мощнее, чем ожидал Джеймс. Боль, пронзив руку и плечо, пробрала его до самых ступней. Прижав подбородок к груди, Джеймс перекатился на бок и, сгруппировавшись, вскочил на ноги. Нагнувшись и вобрав голову в плечи, он изо всех сил ударил Малколма кулаком в живот.

– Отлично! – одобрительно воскликнул лэрд Маккена.

Малколм же согнулся пополам. Затем, пошатываясь и едва держась на ногах, поднял голову. Глядя на младшего брата с невольным восхищением, он проговорил:

– Ты гораздо лучше владеешь мечом, чем мне помнилось, братишка.

Джеймс криво усмехнулся: он вмиг разгадал не слишком уж мудреную попытку брата отвлечь его внимание. Но его, Джеймса, не так-то просто сбить с толку. Как и лишить воли к победе.

Собираясь с силами, Джеймс стал обходить соперника слева в надежде сбить с ног следующим ударом. Но едва он занес меч, как раздался громкий крик матери:

– Почему Джеймс и Малколм дерутся?!

– Мальчики решили немного развлечься, – с добродушной улыбкой ответил жене лэрд Маккена.

– Хорошее развлечение – рубить друг друга, проворчала леди Айлен.

– Они не рубятся, а упражняются, – успокоил ее муж.

– Но Малколм в крови!

– Просто царапина. Ничего страшного.

– И царапина может загноиться! – заявила Айлен, топнув ногой. – К тому же на них нет доспехов, одни лишь шлемы.

– Так это же не битва, а обычный тренировочный бой.

– Не имеет значения. Прекрати это безобразие! Немедленно!

– Я не сумасшедший. Они изрубят в фарш любого, кто сейчас станет между ними, – резонно возразил жене лэрд Маккена.

Айлен с отчаянным стоном вцепилась в руку мужа.

– Брайан, останови их сейчас же!

Маккена поднял руки над головой и во всю мощь своего голоса заорал:

– Малколм, Джеймс, довольно! Вы оба уже доказали свое мастерство и бесстрашие!

Прекратите поединок!

Малколм обернулся на голос отца, и Джеймс, воспользовавшись заминкой, повалил соперника на землю. Сцепившись, братья покатались по земле. Джеймс обхватил соперника ногами, но Малколм вырвался, и Джеймс утратил преимущество.

– Брайан, прекрати это! – завизжала Айлен.

– Я все сделал, как ты просила, и они бросили мечи, – ответил лэрд.

В этот момент Малколм уложил Джеймса на лопатки, но тот, ни секунды не раздумывая, выхватил у него из-за пояса нож и приставил его к горлу старшего брата.

Малколм вздрогнул – и замер. Унизительно для воина быть сраженным своим же оружием. Клинок тускло блеснул, когда Малколм попытался отобрать у брата нож. Но Джеймс предугадал маневр брата, и попытка Малколма закончилась ничем.

– Все, ничья! – прокричала Айлен.

«Ничья? Но ведь каждому ясно, что победил я», – подумал Джеймс. Прищурившись, он внимательно посмотрел на брата. На лице Малколма отразилось удивление и такое же, как у Джеймса, недовольство вердиктом матери. Было ясно, что Малколм не желал прекращать схватку. У него еще оставался боевой запал – на час боя с избытком хватит.

Джеймс быстро взвесил свои шансы. Сейчас преимущество было на его стороне, но все могло измениться в любую минуту. Ведь брат находился в отличной форме, превосходно владел всеми приемами боя и, что весьма важно, был ужасно зол. Учитывая все это, не имело смысла продолжать схватку. Поэтому Джеймс отбросил в сторону нож и, примирительно поднимая руки, проговорил:

– Ты сражаешься с мастерством и честью, брат. Но я последние пять лет сражался, чтобы выжить, и делал это каждый день. Когда ставкой в играх с мечом становится твоя жизнь, очень быстро учишься многим хитростям.

– Ты взял коварство в союзники, но истинный сын гор в любой схватке помнит о чести, – пробурчал в ответ Малколм.

Он с хмурым видом поднялся на ноги, после чего протянул руку младшему брату. После недолгого колебания Джеймс пожал протянутую руку.

– Нет, парни, истинный горец сражается, чтобы победить! – сказал подошедший к сыновьям Маккена. Положив левую руку на плечо Малколма, а правой обняв за плечи Джеймса, он добавил: – Вы оба – моя гордость. Оба, ясно?

– Но они прекратили борьбу раньше, чем определился победитель, – возмутился кто-то из толпы.

– Была ничья, – упорно стояла на своем леди Айлен.

– Нет, Малколм проиграл брату по всем статьям! Джеймс победил! – зычным басом прокричал один из воинов.

– Да ты, видно, проспал схватку! – крикнул кто-то в ответ. – Ясно как день: Малколм – победитель!

Леди Айлен заставила спорщиков замолчать одним своим суровым взглядом. Джеймс, утирая пот со лба, в изумлении наблюдал эту сцену. Так кто же все-таки был у них главой клана? Брайан Маккена или Айлен?

Маккена повернулся лицом к жене и поднял мясистую ладонь. Джеймс взволновался не на шутку, но опасения его оказались напрасными. Отец нежно погладил жену по щеке. И это безыскусное проявление любви и нежности потрясло Джеймса сильнее, чем давешний удар мечом, поскольку напомнило ему о том, о чем он сам когда-то так мечтал... и почти обрел.

Обрел – и потерял навеки.

Джеймс стиснул зубы, отчаянно сражаясь с душевной болью. За пять лет, проведенных в непрестанных боях, он усвоил главный закон жизни: никто не должен видеть твою слабость – будь то слабость тела или слабость духа.

Закон, он везде закон – и на чужбине, и дома.

Азарт, что владел им во время состязания с братом, уже пропал, а неприятный осадок остался. Джеймс не находил себе места и, чтобы не болтаться неприкаянным по двору, решил взять коня и прокатиться с ветерком по округе. Может, и прогонит свежий ветер из головы дурные мысли.

Но до конюшни он так и не дошел.

– Джеймс! – окликнул его отец. – Иди в мои покои и жди меня там. Нам надо кое-что обсудить.

Джеймс с детства был приучен к тому, что с родителями не спорят. Приказы старших у них в семье исполнялись беспрекословно. И все же нежелание отца считаться с его, Джеймса, планами, вызывало досаду. В конце концов, он ведь уже давно не мальчик... И меньше всего ему сейчас хотелось что-либо обсуждать. Джеймс уже набрался духу высказать все это отцу в лицо, но, встретившись взглядом с родителем, передумал. Маккена был далеко не в лучшем расположении духа.

Тяжело вздохнув, Джеймс развернулся и пошел туда, куда приказал вождь. Если ты не в силах изменить обстоятельства, прими их такими, какие они есть, и найди повод для радости. Джеймс старался придерживаться этого принципа и обиды на отца не держал. Проходя через главный зал, он подмигнул служанке, взял с подноса кружку с элем и с наслаждением хлебнул холодного янтарного напитка. На галерею же поднимался уже в приподнятом настроении.

Джеймс постучал в дверь, ведущую в покои лэрда Маккены, и, не дождавшись ответа, распахнул ее. Затем прошел к окну и стал ждать отца. Каково же было его удивление, когда следом за ним в комнату вошел не отец, а старший брат. Малколм, остановившись возле двери, угрюмо уставился на Джеймса.

– Отец приказал мне прийти, – словно оправдываясь, произнес Джеймс, давая брату понять, что он здесь не по своей воле.

Малколм пожал плечами, как будто ему это было безразлично. Но Джеймс-то видел, как ходили у брата желваки на скулах.

Если Джеймс и собирался что-то добавить к уже сказанному, то сделать этого он не успел, потому что дверь распахнулась, и вошли родители. При виде матери он замер в удивлении, но тут же сообразил, что в ее появлении не было ничего необычного: леди Айлен обладала почти теми же полномочиями, что и ее муж, вождь клана и хозяин земель. А в том, что касалось дел домашних, семейных, леди Айлен имела власть побольше мужней.

Понятное дело, без нее ни одно решение, касающееся судьбы их сыновей, Брайан Маккена не принимал.

Джеймс поставил кружку на стол и предложил матери сесть. Айлен ласково похлопала сына по плечу и с царственным величием уселась в кресло с высокой спинкой. «Вылитая королева на троне», – подумал Джеймс. Разве что сидеть Айлен было удобнее, чем царственным особам, – на сиденье ее «трона» имелась мягкая пуховая подушка. И только сейчас Джеймс заметил седину в золотисто-каштановой копне материнских волос. Он невольно вздохнул, и

сердце его болезненно сжалось. Сыновья мужают, а матери стареют... Такова печальная правда жизни.

Лэрд Маккена, устремив взгляд на младшего сына, грозно прищурился.

– Твоя мать места себе не находила от горя, когда ты пропал. Ты виноват перед ней, Джеймс. И передо мной тоже.

– Я послал вам весточку, – сказал Джеймс, понимая, как неубедительно звучит его оправдание.

– Ты написал, что откликнулся на призыв Джеймса Дугласа и отправился в Крестовый поход вместе с ним. Что побудило тебя так поступить?

Джеймсу сделалось не по себе. Он так долго откладывал возвращение на родину отчасти из-за того, что предвидел неизбежность допроса с пристрастием. Но Джеймс уже заготовил ответы. Лгать он не собирался, но и всей правды открывать не станет.

– Думаю, вам известно, что сэр Дуглас был убит в захваченной маврами Гренаде. Мы нашли на поле боя его тело, а также ковчег с забальзамированным сердцем Брюса. Сэр Уильям Кейт привез сердце Брюса назад, в Шотландию.

– Однако ты не вернулся с Кейтом. Почему? – Взгляд отца был суров.

– Да, не вернулся. Многие из нас решили остаться в тех краях, и мы продолжили сражаться за веру.

– Ни о каких ваших великих победах мы вестей не получали, – вставил свое слово Малколм.

– Увы, мы так и не исполнили свою миссию. До сердца Святой земли нам добраться не удалось. А как хотелось бы оставить свой след в храме Гроба Господня и постоять на том самом месте, где Христос воскрес из мертвых.

Айлен вздохнула и торопливо перекрестилась.

– А я даже не подозревал, что в тебе столько религиозного пыла, – сухо заметил Малколм.

– Каждый из нас по-своему служит Господу, – скромно ответил Джеймс.

– Расскажи нам о том, что ты видел там, за морями, и как тебе жилось, – попросила мать.

Джеймс насупился. Он понимал, что придется им о чем-то рассказывать, и потому терпеливо отвечал на вопросы, избегая пугающих подробностей. Но матери ни к чему знать о том, как он едва не лишился головы во время осады крепости Теба, когда поскользнулся на залитой кровью земле. Или о том, как он один убил шестерых и ранил еще пятерых в неравной схватке с маврами.

– Довольно обо мне, – сказал Джеймс, исчерпав запас историй, пригодных для ушей матери. – Лучше вы расскажите мне о том, что нового произошло в клане Маккены.

– Пока ты сражался с неверными, мы тут тоже не сидели сложа руки, – произнес Малколм.

– В округе беспокойно? – поинтересовался Джеймс.

– А когда тут было спокойно? – пожав плечами, проворчал отец. – Кое-кому из вождей не сидится в своих замках. Норовят присвоить себе то, что приглянулось. Без сильного короля на троне остановить их некому, и они наглеют. Вот почему сейчас очень важно найти надежных союзников.

– Ну, тогда и впрямь у нас все по-старому, – заметил Джеймс. – Вчерашние друзья становятся врагами – и наоборот.

– Мы, горцы, всегда должны быть начеку, – проворчал Малколм.

– Сегодня во время завтрака, – Айлен пристально посмотрела на старшего сына, – я услышала кое-что... Это правда, что на пути из замка Армстронга домой вам пришлось отбиваться от вооруженного отряда? Почему ты мне ничего об этом не рассказал?

Малколм улыбнулся в ответ, и эта улыбка, к немалому удивлению Джеймса, подействовала на мать как раз так, как Малколму было нужно. Гнев Айлен тут же испарился.

– Мне и рассказать-то нечего. Мы разбили негодяев наголову, отделившись несколькими царапинами. Ни леди Давина, ни ее компаньонка не пострадали.

– Еще одна легкая победа славного воинства Маккены, – не без иронии заметил Джеймс; его очень задело то, что старший брат преуспел там, где он, Джеймс, не справился. В отличие от него, Малколм сумел защитить Давину и тем самым добился ее расположения.

– Воины Маккены известны своей силой и храбростью, но не все наши враги настолько благоразумны, чтобы обходить стороной любого, кто носит наши цвета. И тогда приходится подтверждать репутацию делом, – словно и не заметив сарказма брата, пояснил Малколм.

– Возможно, разбойники рассчитывали на богатую добычу. Потом увидели, что просчитались, но отступить было уже поздно, – в задумчивости проговорил Брайан Маккена.

– Тогда не лучше ли сначала выяснить, с кем имеешь дело? – возразил Малколм. – Нет, то был не просто обычный набег. Во-первых, одежда без каких-либо клановых отличий. Зачем обычным грабителям так маскироваться? Во-вторых, они сражались как хорошо обученные воины, а не шайка грабителей. К тому же разбойники предпочитают грабить одиноких путников, и они не станут нападать на вооруженный отряд, если только не соблазнятся очень уж богатой добычей. А у нас ни одной подводы не было. Выходит, их интересовало что-то иное...

– Что-то – или кто-то? – Айлен пристально взглянула на старшего сына.

Джеймса настолько ошеломило предположение матери, что он забыл о своем решении оставаться безучастным.

– Ты думаешь, их интересовала Давина? – спросил он.

Айлен пожала плечами, потом тихо сказала:

– Но ведь Давина – наследница.

– Наследница крохотного клочка земли и ничем не примечательного маленького замка, – уточнил Джеймс.

– А ты его видел? – спросил Малколм.

– Нет. Но Давина много рассказывала о доме своего детства. Отец ее был вторым сыном вождя. Земля же принадлежала ее матери и после смерти обоих родителей перешла к Давине. Почва там каменистая, пригодная разве что для выпаса овец. Не могу поверить, что кто-то станет рисковать жизнью ради такой ничтожной добычи.

– Возможно, для кого-то и такая земля представляет ценность, – предположил Малколм.

– Самый простой способ завладеть землей – это похитить наследницу и жениться на ней, – сухо заметила Айлен.

– Самый простой способ для труса, – заметил Малколм.

Джеймс не мог не согласиться с братом и даже кивнул, сам того не заметив.

Лэрд Маккена в задумчивости почесал бороду, потом пробормотал:

– Тогда у девушки проблемы не кончатся, пока она не выйдет замуж. Сейчас для нее лучшая защита – это сильный муж. Хороший парень из нашего рода, владеющий мечом и верный короне, – идеальная пара для нее. – Брайан замолчал и обвел взглядом сыновей. – Кто-нибудь из вас, парни, готов взять ее в жены и защитить?

Джеймс ничего не имел против шуток, но на этот раз чувство меры явно изменило его родителю. Раздосадованный, он уже собрался сказать отцу, что негоже смеяться над гостьей своего дома, но, встретившись с лэрдом взглядом, с ужасом осознал, что отец не шутил, предлагая выдать Давину замуж. И не за кого-нибудь, а за одного из своих сыновей. И прямо сейчас, не откладывая, он желал заручиться согласием одного из них. Или сразу обоих?

Отец буравил Джеймса взглядом, и тот сделал непроницаемое лицо, хотя скрежет его зубов, наверное, слышали все присутствующие.

Наверное, надо было промолчать, но молчать Джеймс не мог.

– Отец, если ты прав, если на нее и впрямь идет охота, то не лучше ли вернуть ее туда, откуда она приехала? Сделав ее одной из нас, тыпустишь в дом беду. Кто тебе дороже, отец, твои люди или девица из чужого рода?

– Может, и так. – Лэрд Маккена пристально смотрел на младшего сына. – А может, и по-другому. Если на Давину идет охота... значит, она обладает чем-то по-настоящему ценным, ведь верно? И тогда вот что получается: взяв ее к себе, мы приобретем то ценное, на что идет охота. Выходит, она принесет и мужу своему, и всему нашему клану пользу, а не вред.

Джеймс промолчал. У него было предостаточно времени, чтобы, уже в который раз разложив все по полочкам, прийти к выводу: та пятилетней давности стычка, что положила конец их с Давиной отношениям и заставила его покинуть родину, не была случайной. Но, увы, он так и не смог понять, кому все это было нужно и зачем.

– Наши горы в последние годы стали убежищем для разбойников всех мастей. Добычи уже не хватает на всех желающих. Вот они от отчаяния и нападают на всех подряд, – проворчал Джеймс – сам-то он в это не верил.

– Любой здешний разбойник знает, что нападать на воинов Маккены себе дороже, – хвастливо заявил Малколм.

Джеймс хмыкнул и пробормотал:

– Но у нас нет никаких доказательств того, что им была нужна леди Давина.

– Доказательств нет. Зато у меня есть чутье. И мое чутье говорит мне, что им была нужна именно она, – сказал Малколм.

– Мое чутье говорит о том же самом, – вставил отец.

На это Джеймсу нечего было возразить. Маккена-старший и впрямь обладал поразительной интуицией, и она за много лет ни разу его не обманула. Даже и не счесть, сколько раз его легендарное чутье спасало от беды весь клан.

– И все же мы не вправе выбирать для девушки мужа, – сказал Джеймс, решив зайти с другой стороны. – Пусть ее родня решает, за кого ее выдать. Это их прямая обязанность.

– Да, верно... – протянул лэрд Маккена с хитрым прищуром. В глазах его плясали огоньки – верный знак того, что у него уже созрел какой-то план. – Найти мужа для взрослой племянницы – их прямая обязанность. Долг, я сказал бы. Которым они пренебрегают, тем самым подвергая девушку опасности.

– Ей бы ничего не угрожало, если бы она оставалась там, где ей надлежит быть, – пробурчал Джеймс. – А ее место – за крепкими стенами замка Армстронга.

– Мы приходимся Армстронгам дальними родственниками по матери моего отца, – сказала Айлен. – Ее сестра вышла замуж за одного из Армстронгов. Значит, на правах родственников мы можем решить судьбу Давины. А если Армстронгам это не понравится, то мы им напомним о нашем родстве.

– Ты говоришь о сестре своей бабушки, которая вышла за Армстронга... лет семьдесят тому назад? – спросил Джеймс. Он помассировал виски – голова нещадно гудела. – Тогда у нас в нагорье все друг другу родня. И знаете... Теперь я хочу задать всем вам вопрос: что она вообще здесь делает?

– Я пригласила ее отпраздновать с нами Рождество, – ответила мать. – Я уже давно хотела с ней встретиться. Мы начали регулярно переписываться несколько лет назад, и каждая из нас искала утешения в этой дружбе. Хотя Давина никогда прямо не говорила об этом в своих письмах, меня не покидало ощущение, что она вот уже не один год живет пленницей в замке своих родственников. И это стало еще одним поводом для того, чтобы пригласить ее сюда. Я захотела убедиться в том, что ощущения меня не обманывают.

– И как, убедились? – не в силах сдержать раздражения, поинтересовался Джеймс.

Мать ненадолго задумалась. Пожав плечами, проговорила:

– Она ведь только вчера приехала... У меня пока не было возможности это выяснить.

– Должен сказать, что ее тетя и дядя действительно вели себя очень странно, когда она сообщила им о своем намерении поехать к нам, – заметил Малколм. – Но они не стали ее удерживать.

– Возможно, они решили сделать так: она выезжает из замка, а они затем перехватывают ее в лесу, – предположил Брайан Маккена. – Не исключено, что те люди, которые на вас напали, действовали по приказу ее родственников.

– Что-то слишком уж все это сложно... – проворчал Джеймс. – К чему им такие сложности, если они могли просто не отпускать ее? Она и так была в их власти.

– Все это очень странно, но дело тут нечисто, – заявила Айлен. – И ваш отец не зря волнуется за девушку. Я не вижу иного способа обеспечить ее безопасность, кроме как найти для нее мужа, способного ее защитить.

– Еще раз говорю: это не наше дело, – стоял на своем Джеймс, рассчитывая на поддержку старшего брата. Не может быть, чтобы Малколма устраивал этот безумный план.

Но Малколм молчал, и тогда Джеймс, пристально посмотрев на него, подумал: «Ах, так вот оно что... Оказывается, Малколм – лицо заинтересованное...» Дело принимало неожиданный оборот.

И тут Малколм проговорил:

– Я согласен с отцом. Полагаю, что лучшее решение – выдать девушку замуж за одного из нас. – Сказав это, он вопросительно взглянул на мать.

Не удержавшись, Джеймс на одном дыхании выпалил:

– Черт вас дери, вы не можете заставить ее выйти замуж!

– Да разве ее заставляют?! – изображая возмущение, воскликнул Маккена. Все это время отец не сводил с Джеймса цепкого взгляда, словно в чем-то его подозревал. – Ваша мать не даст соврать: в моем доме женщин никто не насилует.

– Пусть со мной многие не согласятся, но мне не нравится обычай выдавать девушку замуж против ее воли, – пояснила Айлен. – Я этого не допустила бы. Давина сама сделает выбор.

– А нам выбирать позволено – или как? – пробурчал Джеймс.

– И у вас будет право выбора, – ответил отец. – Вам решать, считаете ли вы леди Давину подходящей для себя невестой. А если она не подойдет ни одному из вас, то мы без труда найдем в нашем клане парня, достойного выпавшей ему чести.

– По правде говоря, я уже и сам подумывал о том, чтобы взять ее в жены, – словно невзначай сообщил Малколм. – Давина немного необычная, это верно. Но зато она из славного рода и хороша собой. Да и Лилее она понравилась.

– Но нравится ли ей Лилей? – со смехом спросил лэрд Маккена, и Айлен тоже засмеялась.

Джеймс сделал глубокий вдох и молча направился к выходу. У двери остановился и, обернувшись, уставился на старшего брата. Увы, он так ничего и не понял по его лицу. Шутил ли Малколм? Или всерьез хотел жениться на Давине? Но если всерьез... Джеймс мог лишь догадываться о том, каким это стало бы для него ударом. Он думал, что раны давно затянулись. А оказалось, что они открыты и кровоточат. Он знал, что выстрадала Давина. И знал, почему она пять лет назад не захотела выйти за него замуж. И решила, что вообще никогда ни за кого не выйдет.

Но ведь это было давно, очень давно... Что, если теперь она сможет похоронить прошлое и захочет стать женой и матерью? Женой Малколма? Джеймс окинул брата тяжелым взглядом. Что ж, Малколм – наследник, и он сможет предложить ей куда больше, чем младший брат.

Но даже если забыть о материальной стороне вопроса... Интересно, кого женщины любили больше – Малколма или его, Джеймса? Наверное, все-таки Малколма, даже без учета его наследства. Женщины всегда превозносили не только его силу и красоту, но еще и несравненное обаяние и недюжинный ум. Куда уж ему, Джеймсу, тягаться с тем, у кого масса достоинств – и ни одного недостатка...

А может, и Давина считала Малколма эталоном мужества и красоты? Сама мысль об этом была невыносима. Джеймс чувствовал, как в душе его закипали гнев и обида. Обида на Давину. Обида на Малколма. Обида на мать и отца. Обида на судьбу, не оставившую ему ничего, кроме горечи несбывшихся надежд.

Но кого же он должен винить в том, что удача всегда оказывалась на стороне Малколма? Фортуны или себя самого?

– Ну как, братишка, сразимся за благосклонность прекрасной Давины? – любезно улыбаясь, проговорил Малколм. Только вот глаза его не улыбались – в них Джеймс прочел железную решимость. И он прекрасно знал: старший брат ни перед чем не остановится, чтобы добиться желаемого. Малколм никогда не любил проигрывать, и ставка не имела для него значения. Зато имел значение принцип.

– Нет, я в такие игры не играю, – с деланным безразличием ответил Джеймс, пряча за спину крепко сжатые кулаки. – Хочешь добиться ее благосклонности – попробайся. Получится – она твоя. Я не стану тебе мешать. – Но он точно знал: если старший брат женится на Давине, ему, Джеймсу от такого удара никогда не оправиться. Вот только Малколму знать об этом необязательно.

– Лэрд Маккена желает вас видеть немедленно, – дoloжила горничная, заглянув в комнату Давины. – Пойдемте со мной. Мне велено отвести вас к хозяину, в его личные покои.

Давина не на шутку испугалась. Она уговаривала себя не тревожиться понапрасну, но мысли приходили в голову всякие... Зачем такая срочность? Ведь они будут сидеть за одним столом во время вечерней трапезы... Разве нельзя было дождаться ужина? И если лэрд Маккена желал поговорить с ней без посторонних, то чем это вызвано? О чем им вообще говорить? Может, Джеймс рассказал отцу о том, что она была обесчещена, и теперь ее попросят уехать?

– Что-то не так? – спросила Давина у горничной.

– Не знаю, – пожав плечами, ответила девушка. – Это дело хозяйское, не мое.

Однако безразличие горничной было наигранным – Давина видела, что девушка сгорала от любопытства. Жизнь за крепкими стенами замка скучна и предсказуема, особенно зимой, и потому любая малость, способная скрасить однообразное существование, ценилась на вес золота. Можно было сильно подняться в глазах окружающих, если удастся раздобыть новую тему для пересудов. Поэтому Давина не сомневалась: ее провожатая будет подслушивать за дверью, будет с жадностью ловить каждое слово. Ну а пока им обоим оставалось только гадать: «Что же

задумал лэрд Маккена?»

Давина шла следом за горничной, обдумывая возможные варианты, и даже не заметила, как оказалась на галерее – перед дверью, ведущей в покои Маккены. Служанка с сочувствием посмотрела на нее и почтительно отошла в сторону. Давина вытерла влажные ладони о юбку и помотала головой, отгоняя дурные мысли. Затем робко постучала.

Раскатистый бас пригласил ее войти. Девушка отворила тяжелую дубовую дверь, ступила за порог – и замерла в изумлении. Оказалось, что лэрд был в комнате не один; Малколм стоял у узкого длинного окна, а Джеймс – у противоположной стены.

Увидев Давину, Малколм приветливо улыбнулся. Джеймс же поморщился. В комнате было душно... и пахло чем-то тревожным, словно перед грозой. Не удостоив приветствием ни одного из братьев, Давина вышла на середину комнаты и, став перед хозяином дома, сделала глубокий реверанс, затем скромно потупилась.

Маккена предложил ей сесть, и Давина присела на край стула рядом с креслом, на котором уже восседала леди Айлен. Жена лэрда, желая приободрить свою гостью, похлопала ее по руке.

Если леди Айлен и помогла Давине немного расслабиться, то очень скоро тревога вернулась и даже усилилась. Заметив, что взгляды всех присутствовавших обращены на нее, Давина похолодела. Недобрые предчувствия, похоже, ее не обманули.

– Мы обсуждали подробности того неприятного инцидента, что случился в лесу, на выезде из владений Армстронга. Я говорю о вооруженном нападении, – проговорил лэрд Маккена. – И я хочу знать, что вы по этому поводу думаете.

Давина в растерянности облизала губы. Ее мнением интересовались крайне редко, но вот сейчас...

Откашлявшись, девушка пробормотала:

– Напали внезапно, из засады. Судя по тому, что дорогу перегородили поваленные деревья, нападавшие готовились заранее. Сэр Малколм и его люди сражались храбро, и только благодаря их беспримерному мужеству мы с моей компаньонкой остались невредимы. Наше имущество также удалось отстоять – разбойники ничего не украли. Я очень благодарна сэру Малколму и всем тем, кто нас сопровождал. И я благодарю Бога за то, что ни один воин не был серьезно ранен.

– Складно говоришь, девочка, – одобрительно кивнул Маккена. – Хорошо, что все благополучно закончилось. Но нам надо понять, почему на вас напали.

– Разбойники нападают, чтобы что-то украсть, верно?

– Чаще всего так и происходит, – сказал Маккена, не сводя с девушки пристального взгляда. – Но мы считаем, что сокровищем, которое они стремились украсть, являетесь вы сами.

– Я?... Не может быть! Зачем я им?... – пробормотала Давина.

– Кому-то приглянулось ваше наследство, а самый простой способ его присвоить – сделать вас своей женой. Вас пытались похитить. Другого объяснения тому, что случилось в лесу, у меня нет, – пояснил Маккена.

– Что-то тут не сходится... – пробормотала Давина. – Тому, кто захотел бы взять меня в жены, достаточно было бы попросить моей руки у дяди. – «И дядя ответил бы категорическим отказом. По моей просьбе», – мысленно добавила она.

Лэрд Маккена склонил голову к плечу и, внимательно глядя на девушку, проговорил:

– Предположим, этот человек так и поступил. Но ваш дядя ему отказал. А ведь мы все знаем, что горцы не любят, когда им отказывают...

– Да, действительно, невест часто похищают, – заметил Малколм, деликатно кашлянув. – И я даже слышал, что многие наши девушки считают этот обычай очень романтичным.

– Чушь! – возмутилась леди Айлен и шлепнула сына по руке. – Ни одна женщина не видит

ничего романтического в том, чтобы ее брали силой.

На скулах Малколма вспыхнули красные пятна.

– Я не говорил, что согласен с этим мнением. Я просто сказал, что так бывает.

Давина не понаслышке знала о том, что чувствует женщина, пережившая насилие. Но, судя по всему, она напрасно боялась, что Джеймс открыл ее тайну отцу. Если бы она рассказала об этом прямо сейчас, они перестали бы терзать ее вопросами. Но Давина никогда бы не посмела этого сделать, и потому ей оставалось одно – молчать и не подавать вида, что она страдала.

– Никто не просил у дяди моей руки. Он бы мне рассказал.

Маккена нахмурился и покачал головой.

– А вот я в этом не уверен. Может, кто и просил вашей руки у лэрда Армстронга, но получил отказ. И ваш дядя не счел нужным ставить вас в известность. Такое могло быть? И несостоявшийся жених, получив отказ, мог попытаться добиться своего иным путем.

Давина уже не знала, что и думать. Доводы лэрда Маккена казались вполне убедительными. Но какой глупец захотел бы взять ее в жены? В клане Армстронга и соседних кланах все считали ее затворницей и думали, что она «не в себе». Нет, такая жена никому не нужна.

Опустив глаза, Давина проговорила:

– Никто не стал бы ради меня рисковать жизнью. Я этого не стою.

– Скромность делает вам честь, – с улыбкой сказал Маккена. – Но вы ведь не станете отрицать, что нуждаетесь в защите? – Приняв ее молчание за знак согласия, лэрд решил наконец раскрыть перед ней карты: – Итак, Давина Армстронг, я нашел решение, которое точно придется вам по душе. Что вы скажите насчет свадьбы на Рождество?

– Чьей... свадьбы?... – пролепетала девушка.

Маккена же смотрел на нее со снисходительной улыбкой – как на ребенка, который так долго выпрашивал игрушку, что, получив ее наконец, не верит своему счастью.

– Вашей свадьбы, конечно. Любой из моих сыновей мог бы стать вашим мужем. Выбор за вами.

Давина вскочила со стула; ей вдруг стало трудно дышать.

– Брайан, что ты натворил?! – воскликнула Айлен. – Посмотри, до чего ты довел девочку! Она сейчас лишится чувств!

– Ничего, оправится, – отмахнулся Маккена. – Все девицы живут с одной мечтой – поскорее выйти замуж. А тут перед ней сразу два жениха, один лучше другого. Немудрено растеряться. Я ведь понимаю: нервы и все такое... – уже обращаясь к Давине, продолжал лэрд. – Знаешь, я теперь к тебе на «ты» – как к будущей родственнице. Так вот, ты сейчас ничего не говори, но будет у тебя свободная минутка, подумай над моим предложением. Оно тебе точно придется по душе.

Давина не знала, что на это ответить. Но даже если бы у нее нашлись слова, она не смогла бы их произнести из-за спазма в горле. Как сможет она исполнять супружеский долг, если не выносит не то что мужских прикосновений, а даже близкого соседства?! Хотя, если уж быть до конца честной... После того, как она уехала из замка Армстронга, приступы панического страха стали происходить значительно реже и, возможно, в скором времени могут и совсем прекратиться. Да, состояние ее заметно улучшилось, но не настолько, чтобы считать себя готовой к браку.

Стараясь успокоиться, Давина сделала несколько глубоких вдохов. Наконец проговорила:

– Я тронута вашей заботой. Честное слово, милорд. Однако я не собираюсь выходить замуж.

Лэрд взглянул на нее с удивлением.

– Вообще не собираешься? Никогда?

Давина решительно кивнула.

– Да, я никогда не выйду замуж.

– Но почему?... – в растерянности пробормотал лэрд.

Взгляд Давины невольно устремился к Джеймсу. Она не знала, говорил ли он о ней со своими родственниками. А если говорил – то что именно он им сказал? Однако лицо Джеймса оставалось непроницаемым.

С трудом подбирая слова, девушка ответила:

– Я не могу назвать вам причины, по которым решила не выходить замуж, но к вам, милорд, они не имеют никакого отношения.

Услышав себя, Давина испугалась, что оскорбила хозяина дома, от которого не видела ничего, кроме добра, но Маккена, похоже, нисколько на нее не обиделся. Улыбнувшись, лэрд проговорил:

– Я знал, девочка, что не такая уж ты скромница, какой хочешь казаться. Все в тебе есть – и огонь, и дерзость. Хорошо, что я все своими глазами увидел.

Давина невольно улыбнулась в ответ.

– Не знаю, как у меня получилось, но мне приятно, что я вам угодила.

– А мне будет приятно, если ты согласишься выйти за одного из моих сыновей.

– Я не разделяю вашего мнения и не считаю, что меня пытался похитить неудачливый жених, – заявила Давина. Помолчав, сказала: – Но если предположить, что вы правы... Стоило ли спасать меня от одного мужчины, чтобы отдать другому?

– Мы же не отдаем тебя неизвестно кому, – с укором возразила Айлен. – Таких парней, как мои сыновья, не так-то легко найти. К тому же у тебя есть право выбора.

Маккена тут же кивнул и добавил:

– Малколм и Джеймс будут ухаживать за тобой. Все будет как положено, так что на сей счет не беспокойся.

Джеймс громко откашлялся и заявил:

– Я уже сказал, что не собираюсь мешать брату добиваться руки леди Давины, и потому отказываюсь от чести ухаживать за ней на правах кандидата в мужья. Надеюсь, мое решение придется ей по душе, поскольку выбирать ей станет намного легче.

Давину настолько обескуражили и огорчили слова Джеймса, что она сначала вскрикнула – словно от боли – и только потом спохватилась. Чтобы никто не догадался о том, как расстроило ее заявление Джеймса, она поспешно проговорила:

– Мой дядя не даст своего благословения на этот брак.

– Он не упустит возможности породниться с кланом Маккены, – возразил лэрд. – Тем более когда узнает, что все расходы на свадьбу берет на себя клан жениха.

Давина чувствовала, что ее вот-вот охватит паника. Маккена вел себя как голодный пес, который ни за что не хочет расставаться с костью. Она взглянула на Айлен в поисках поддержки, но та, похоже, была на стороне мужа. Малколм же любезно улыбался, а что касается Джеймса... В глазах его проблескивало что-то едва уловимое, что-то такое, о чем Давина сейчас никак не могла судить.

– Я не могу выйти замуж без благословения дяди, – заявила она.

– Твоего дядю я беру на себя. Мы с ним поладим, когда придет время, – стоял на своем Маккена. – Ты лишь должна принять решение.

– А если я откажусь? – осмелилась спросить Давина.

Ни один мускул не дрогнул на лице лэрда, но Давина почувствовала, что едва не перегнула палку.

– У нас в клане почти шестьдесят неженатых мужчин брачного возраста. И любой из них сочтет за честь взять вас в жены. Если вам не по нраву мои сыновья, выберите себе другого

мужа. Но еще до того, как будут сняты рождественские гирлянды, вы станете женщиной клана Маккены.

Разбойник проклинал ледяной ветер, задувавший под его дырявый много раз латанный шерстяной плащ. Несмотря на немалое количество заплат и еще большее число дыр, этот плащ был самым дорогим одеянием разбойника. Он снял его с трупа зарезанного рыцаря. Разбойнику предстояло доложить заказчику об очередной неудаче, и предстоящая встреча не сулила ничего приятного – а тут еще приходилось ждать, дрожа на ветру.

Услышав шорох за спиной, разбойник оглянулся и увидел знакомую фигуру в капюшоне, снова появившуюся словно из ниоткуда. Он невольно вздрогнул – эта зловещая фигура всегда внушала ему суеверный страх.

– Где леди Давина?

– У нас ее нет, – пробормотал разбойник, повесив голову.

– Почему? – Капюшон плаща отбрасывал тень на лицо заказчика.

От злобного шепота призрака в плаще по спине разбойника пробежали мурашки. Кто знает, на что способны колдуны?

– Там было слишком много опытных воинов, – прохрипел в ответ разбойник.

В ответ – тишина. Но было заметно, как гневно подрагивал капюшон плаща.

– Некоторые из моих людей пострадали, двое – серьезно, – добавил разбойник.

Перед его лицом промелькнула рука в перчатке.

– Мне-то какое дело? Ты ведь пообещал, что добудешь Давину, верно? Но ты не сдержал своего слова.

Разбойник судорожно сглотнул.

– Вы не сказали мне, что Маккена вышлет за ней целый эскорт, а командиром поставит собственного наследника.

– А ты не сказал мне, что ты – шут и бездельник! Ты взял мои деньги и заявил, что справишься без труда, потому что один стоишь десятерых.

Разбойник тяжело вздохнул. Если заказчик желал его обидеть, то у него это получилось. К тому же почти все им сказанное было правдой.

– Силы были неравны, – проворчал разбойник.

– Надо было лучше готовиться.

– Я бы лучше подготовился, будь у меня больше монет. Ведь вы заплатили мне только десятую часть того, что обещали!

– И больше я не дам тебе ни гроша до тех пор, пока работа не будет выполнена согласно договору.

Разбойник снова вздохнул, вспомнив о том, что ему надо было кормить двух своих детей, да еще троих деток овдовевшей сестры. А честную работу найти нелегко. К тому же честным трудом много не заработаешь. А ведь ему надо кормить обе семьи... Так что ничего не поделаешь, придется терпеть оскорбления. Но можно попытаться выпросить еще немного денег.

– Выкрасть леди Давину будет непросто, – заявил разбойник. – В замке Маккены – очень крепкие стены. Это не замок, а неприступная крепость.

– Пустоголовый хвостун! Довольно с меня твоей болтовни. Пожалуй, придется мне для этой работы найти кого-нибудь поумнее тебя.

– Нет, погодите! – воскликнул разбойник. – Я не сказал, что мы не сможем этого сделать. Просто нам будет довольно трудно...

– Трудно для тебя? – перебил «призрак» в капюшоне.

– Нет-нет, не слишком трудно. Но мне понадобятся еще люди. Поэтому денег нужно

побольше...

Обтянутая перчаткой рука сжалась в кулак перед носом разбойника.

– Больше денег, говоришь?

Страх сковал разбойника по рукам и ногам, но нужда заставила его сказать:

– Не всякий согласится выступить против Маккены, и словами никого не убедить. Только золотом.

– Ты сам виноват в том, что Давина сейчас в замке Маккены. Зачем же мне платить за твои ошибки?

– Но мы ведь с вами оба знаем, – прищурившись, произнес разбойник, – что живой ее никто бы не взял. Может, вы и думаете, что сможете найти кого-то лучше меня, но никто другой не согласится выкрасть ее из замка Маккены и привезти к вам живой.

«Призрак» в плаще промолчал. А потом вдруг послышался тихий перезвон монет, и разбойник вздохнул с облегчением, увидев перед собой кожаный мешочек. Он протянул руку за деньгами и громко выругался, когда заказчик спрятал мешочек за спиной.

– Это твой последний шанс. Упустишь его – и никогда больше меня не увидишь, ясно?

Разбойник облизал губы и пробормотал:

– Я хочу получить вдвое больше того, что просил, если доставлю ее вам живой.

– И не мечтай!

– Но риск ведь очень велик. Так что моя цена более чем справедлива.

Заказчик хотел возразить, но тут же, передумав, протянул разбойнику мешочек с монетами и проговорил:

– Хорошо, ты получишь вдвое больше обещанного, если выкрадешь Давину из замка и отвезешь ее на землю Армстронгов.

Разбойник поспешно схватил мешочек, но он оказался куда легче, чем ему хотелось бы. Конечно, его приятели будут недовольны, но лучше что-то, чем ничего.

Немного помедлив, разбойник решил продолжить торг.

– Но вы ведь понимаете, что люди Маккены будут биться насмерть, чтобы спасти леди, – проговорил он.

– По-моему, мы уже обо всем договорились, – последовал ответ.

– А если леди будет ранена, вы все равно мне заплатите?

– Да, если она будет ранена, я все равно заплачу тебе, – едва заметно кивнув, ответил заказчик. А потом вдруг добавил: – Если же она умрет, получишь в два раза больше.

О, какой неожиданный поворот! А ведь убить леди Давину будет, конечно, куда проще, чем взять живой. Правда, убивать ее разбойнику не хотелось, но что поделаешь? Придется делать то, за что заплатят больше.

Разбойник в задумчивости смотрел вслед удалявшейся фигуре в плаще. Он всегда знал, что у них, богатых господ, слишком много форса и слишком мало разума. Но всю правду о них он узнал только сейчас. Выходит, они лишь притворялись чуткими, а на самом деле они безжалостны и жестоки. И хладнокровия им не занимать. Что же касается подлости, то ее в женщинах куда больше, чем в мужчинах.

– Я знала, что застаю тебя здесь, – сказала леди Айлен. – Но я боялась, что ты уже пакуешь вещи. Значит, ты бежать не надумала?...

– Я никогда не посмела бы уехать, не поговорив с вами, – вполне искренне ответила Давина. Леди Айлен вихрем ворвалась в комнату Давины, но никакой необходимости спешить не было. Давина вовсе не планировала побег – просто сидела и ждала вразумления, но, увы, так и не дождалась божественного вмешательства в свои земные дела.

Леди Айлен присела рядом с гостьей и, ласково похлопав ее по колену, проговорила: – Пусть мы увидели друг друга только вчера, но за время нашей переписки я, как мне кажется, хорошо тебя узнала. Надеюсь, ты можешь то же самое сказать обо мне.

Давина вздрогнула, словно от пощечины.

– Я действительно думала, что знаю, какая вы. До сегодняшнего утра...

Леди Айлен со вздохом кивнула.

– Да, понимаю... Трудно вернуть утраченное доверие. Но я тебя не предавала, Давина.

– Тогда почему вы промолчали, когда лэрд Маккена сказал, что выдаст меня за мужчину из вашего клана?

Леди Айлен внимательно осмотрела комнату. Лишь убедившись, что никто не прячется где-нибудь в углу, она решилась продолжить разговор:

– Брайан Маккена – хороший человек, у него много прекрасных качеств. Но он упрям. Очень упрям. Я достаточно долго живу с ним, чтобы понимать: когда он принял решение, переубедить его бессмысленно. Поверь, я не знаю, зачем ему понадобилось выдавать тебя за нашего сына, но я вижу, что он от своего решения не отступит.

Понимая всю безнадежность своего положения, Давина со вздохом пробормотала:

– Но я не могу...

– Дитя мое, я тебя ни к чему не принуждаю, но я точно знаю: тебе не найти во всем Шотландском нагорье мужа лучше, чем мой сын, будь то Малколм или Джеймс. – Айлен с пристальным интересом посмотрела на девушку, потом вновь заговорила: – Поверь, Маккена – мудрый воин, и ни разу не было так, чтобы он просчитался. Если он считает, что ты в опасности, значит, так и есть. Потому он и настаивает, чтобы ты обзавелась мужем.

– Я не ставлю под вопрос искренность лэрда Маккены, но в данном случае он ошибается, и я боюсь, мне очень дорого обойдется его ошибка. – Давина судорожно вздохнула и добавила: – Я никак не могу выйти замуж. Не могу – и все.

– Ты это уже говорила.

– И буду повторять до тех пор, пока меня не услышат!

– Мне кажется странным твое упорство. Ведь женщина рождена для замужества, особенно женщина благородного происхождения. Если бы ты хотела посвятить себя Богу, то должна была бы жить в монастыре. Одной из причин твоего приезда сюда было стремление избавиться от меланхолии, насколько мне помнится из твоего письма. Но меланхолия не может быть причиной отказа от брака. – Леди Айлен вопросительно взглянула на собеседницу. – А может, у тебя уже есть муж?

– Нет, конечно, нет! – в волнении воскликнула Давина. Она не знала, как убедить леди Айлен в том, что ее отказ от брака – не прихоть и не каприз. – Но у меня есть причины. Серьезные причины.

Леди Айлен деликатно покашляла и спросила:

– Ты мне о них расскажешь?

Давина открыла рот, но леди Айлен, вскинув руку, предупредила:

– Только не говори мне, что лэрд Армстронг должен одобрить твой выбор.

Давина почувствовала, как краска стыда заливает щеки. Она вся сжалась под пристальным взглядом собеседницы. Уставившись в пол, девушка тихонько вздохнула. Наконец, решившись, подняла на леди Айлен глаза и пробормотала:

– Невеста должна быть чистой. Я боюсь, что могу оказаться... не девственницей.

– Что значит «могу оказаться»? Ты точно не знаешь?

Давина понимала, что слова ее звучат по меньшей мере странно. Леди Айлен вполне могла подумать, что имеет дело с полоумной.

– Видите ли, я... – Давина нервно теребила подол платья. Собравшись с духом, выпалила: – Я не уверена. Несколько лет назад я пережила жестокое нападение. Возможно, меня взяли силой, но я не помню... Когда угроза жизни миновала, повитуха, осмотрев меня, сказала, что не всегда можно сказать, девственница ли девушка или нет. И это как раз мой случай.

Леди Айлен посмотрела на нее с сочувствием.

– Мне жаль, что с тобой приключилась такая беда. Представляю, сколько тебе пришлось выстрадать. Но если ты выйдешь за шотландца старше шестнадцати лет, то едва ли и он окажется девственником.

Давина грустно усмехнулась.

– Но мы-то с вами знаем, что жених и невеста – совсем не одно и то же. Невеста должна быть невинной...

– Что ж, может, так и есть, – сказала леди Айлен. – Да только не все женщины выходят замуж девственницами, и большинство женихов об этом не догадываются. Есть способы, чтобы... завуалировать правду.

К своему стыду, Давина, которая тоже знала об этих «хитростях», не исключала для себя возможности прибегнуть к одной из них. Впрочем, едва ли у нее хватило бы духу довести задумку до конца, даже если бы ей и представилась возможность выйти замуж.

– Я не могла бы начать совместную жизнь с мужем со лжи, – проговорила она почти шепотом.

– Значит, ты не стала бы пачкать простыни куриной кровью? – Леди Айлен не сводила с нее глаз.

– Нет! Мне бы пришлось сказать ему всю правду до того, как будут произнесены брачные клятвы.

– Даже если после этого он с полным правом сможет от тебя отказаться?

– Да, – решительно кивнув, ответила Давина.

– Что ж, пожалуй, ты права, – заметила леди Айлен. – Ведь если парень после этого уйдет, то зачем тебе такой нужен, верно?

«Ах, если бы все было так просто...» – со вздохом подумала Давина. – Есть и иные причины, – сказала она, потупившись.

– Да, понимаю... – кивнула леди Айлен.

– Но я не могу о них говорить, – добавила Давина.

– Тогда я больше не стану вытягивать из тебя твои тайны.

– Спасибо вам, леди Айлен.

– Я думала, ты будешь называть меня просто Айлен, – с легким укором сказала хозяйка дома.

– Спасибо... Айлен, – в смущении пробормотала девушка. – Я так рада, что вы меня понимаете и поддерживаете.

– Я действительно тебя понимаю, но ты должна мне довериться. Видишь ли, раз уж

Маккена хочет, чтобы Малколм и Джеймс за тобой ухаживали, не стоит ему перечить, а не то он сильно попортит нам всем жизнь. – В глазах жены лэрда блеснули озорные огоньки. – Ты сделаешь вид, что подчинилась его воле, и дашь моим сыновьям шанс завоевать твою благосклонность. Только так можно угодить Маккене.

– Но это нечестно, – возразила Давина. – Ведь я же не собираюсь...

– Нет-нет, ты не станешь выходить замуж, – перебила леди Айлен. – Я знаю, ты не поступишь против своей воли, как бы громко Маккена ни орал. Что бы ты ни думала, глядя на него, поверь: мой муж – на самом деле человек очень разумный. И он всегда прислушивается к моим советам.

– А вы дадите ему нужный совет?

– Да я могу тебе в этом хоть сейчас поклясться на Святой Библии! Так как же, договорились?...

Давина медлила с ответом. Она поверила в искренность леди Айлен, однако... «Что ж, раз нет иного выхода, то придется потерпеть ради покоя в доме», – подумала девушка.

– Я чувствую себя так, словно намеренно обманываю вашего мужа, и от этого мне не по себе, – проговорила она со вздохом.

– Не вижу ничего бесчестного в том, чтобы позволить за собой поухаживать, пусть даже ты и настроена против брака, – гнула свое Айлен. – И кто знает, может, ты еще передумаешь. Разные люди вступают в брак по разным причинам: кто-то ради того, чтобы породниться с нужными людьми, кто-то ради богатства, кто-то просто потому, что время пришло, и лишь немногие счастливчики женятся и выходят замуж по любви. Но в конечном итоге брак будет таким, каким его сделают те двое, что вступили в него.

– А что бы вы сказали о своем браке? – спросила Давина.

Айлен загадочно улыбнулась.

– Я считала Брайана красивым, пылким и очень самодовольным. Но я видела нежность в его глазах всякий раз, когда он смотрел на меня, и я знала, что если он женится на мне, то будет страстным, преданным и верным. И я решила рискнуть.

– Вы были в него влюблены?

– Сердце мое билось чаще, когда он оказывался рядом, и сладко замирало, когда он на меня смотрел. Но по-настоящему я полюбила его лишь тогда, когда он отправился на войну вместе с Брюсом через несколько месяцев после нашей свадьбы. Выезжая за ворота замка, он увез с собой мое сердце.

– Некоторые пары начинают жить в любви, но потом теряют ее, другие же находят любовь, живя вместе, и берегут ее как сокровище. Для кого-то любовь – это пылкая страсть, для кого-то – надежность и уют. Для кого-то любовь в браке важна, для кого-то нет. Есть и такие, кого любовь обошла стороной, и они чувствуют себя ущербными, а другим, наоборот, без любви жить только проще. У тебя есть причины, чтобы не выходить замуж, но я призываю тебя на время забыть о них и честно спросить себя, чего бы ты хотела от брака.

– Я бы хотела, чтобы меня оставили в покое, – сказала, нахмурившись, Давина.

Айлен рассмеялась.

– Да, упрямства тебе не занимать! Но я прошу лишь об одном – торопись, подумай хорошенько. Может, не так уж плохо стать моей невесткой, а?

Давина молча улыбнулась. Было ясно, что Айлен не станет принуждать свою гостью к браку, но использует все свое влияние, чтобы заставить ее передумать. Кроме того, Давина понимала: раз уж она приняла предложенные леди Айлен условия, то ей следовало быть предельно осмотрительной.

– Давина, не хотите сыграть в шахматы?

Девушка оторвала взгляд от рукоделия и посмотрела на Малколма. От его улыбки слепило в глазах.

– Я очень плохо играю. Боюсь, вам будет скучно.

– Скромность делает вам честь, – вновь озарив ее улыбкой, произнес Малколм. Пододвинув к себе низкий столик, он принялся расставлять фигуры. – Сдается мне, вы зададите мне жару. Придется мне за вами погоняться.

– Как вы сказали?

– Погоняться по доске, я хочу сказать, – уточнил Малколм.

Давина кивнула. Во рту у нее пересохло. Все утро она провела у себя в комнате, но потом решила погреться у камина в главном зале, куда и перенесла свое рукоделие. Когда она устроилась у огня, в зале было тихо и спокойно, и Давина рассчитывала на то, что сможет наслаждаться покоем до тех пор, пока не начнутся приготовления к ужину.

Увы, напрасно.

Сама мысль о том, что Малколм будет за ней ухаживать, приводила ее в трепет, но раз уж она дала леди Айлен слово, то придется его держать. Давина неохотно отложила рукоделие и сосредоточилась на шахматах. Искусно вырезанные фигуры поражали обилием мелких деталей. Их было приятно брать в руки, и при иных обстоятельствах она получила бы немалое удовольствие от игры такими фигурами.

Они начали игру в тишине. Давина не солгала, сказав, что неважно играет, но Малколм активно помогал ей – то выразительно хмыкнет, то вопросительно приподнимет бровь, – и девушка, следуя его «подсказкам», быстро вникала в суть.

– Я и забыла, как сильно эта игра напоминает войну, – заметила она, когда Малколм «съел» ее слона. – Вы, рыцарь, имеете явное преимущество.

– И еще это борьба стратегий и умов, что дает нам равные шансы на победу.

Ах, как он хорош! Compliments, касающиеся ее внешности, были хоть и приятны, но вполне ожидаемы, поэтому едва ли могли обмануть, другое дело лестные слова о ее умственных способностях... Они были настолько приятны, что Давина едва не поверила в их искренность!

Они одновременно потянулись за ее ферзем, и пальцы Малколма скользнули по ее ладони. При этом он улыбнулся, и на щеках его появились ямочки. Давина поспешно опустила глаза и мысленно воскликнула: «Ему не удастся меня очаровать!»

– Леди Давина, вы все еще здесь! – радостно воскликнула Лилея с противоположного конца зала. И со всех ног бросилась к их столику.

А следом за ней мчался огромный пес – ростом в холке с девочку. Давина испугалась, что пес сойдет с ног, но он оказался очень воспитанным и беспрекословно подчинился приказу своей маленькой хозяйки, когда та велела ему сидеть.

– Познакомьтесь, это Принц, – сказала Лилея. – Принц – моя собака.

Услышав свое имя, пес немедленно завилял хвостом, подметая им каменный пол. Принца покрывала густая шерсть всех оттенков белого и серого, а глаза у него были карие и очень выразительные.

– Необычайно красивое животное, – с улыбкой произнесла Давина. – Здравствуйте, Принц.

Давина протянула псу руку, и тот обнюхал ее пальцы, затем опустил голову, чтобы обнюхать юбку. Наверное, Принцу понравилось и то, и другое. Во всяком случае, пес тотчас же уселся у ног Давины, положив голову ей на колени.

Девочка засмеялась, и смех ее рассыпался звонкими колокольчиками.

– Вы ему понравились! – в восторге воскликнула она.

– Он вообще-то не слишком ласков с незнакомцами, но к вам он сразу привязался. Я всегда говорил, что Принц – необычайно умный пес, – с улыбкой заметил Малколм.

– Просто от моих пальцев пахнет мясом, что я ела на обед, – возразила Давина, хотя втайне обрадовалась проявлению собачьих чувств. По крайней мере в искренности чувств Принца она могла не сомневаться. Собаки, в отличие от людей, не способны на вероломство.

Давина почесала пса за ухом, и Принц заурчал, снова виляя хвостом.

– А у вас есть собака? – спросила Лилея.

– Нет, собственного пса вроде Принца у меня нет, – ответила девушка. – В замке Армстронга охотничьи собаки живут на псарне, хотя в сильные холода их пускают греться в главный зал. Но они знают свое место – не выходят из своего угла и ни к кому не пристают.

Лилея наморщила носик.

– Как же вы там живете?! Я бы все глаза выплакала, если бы Принц не мог спать со мной на кровати.

– Неужели этот зверь спит с тобой? Какая у тебя, должно быть, большая кровать! – со смехом сказала Давина.

– Бабушка говорит, что от Принца плохо пахнет, вот папа и купает его в ванне. Но он не любит купаться и пытается убежать.

Давина улыбнулась, представив, как вымокший Малколм гоняется за псом.

– Кто не любит купаться – Принц или папа? – спросила она, снова улыбнувшись.

– Оба! – вмешался Малколм. – Знаете, моя мать едва не упала в обморок, впервые обнаружив Принца в кровати Лилеи. Но Лилея считает, что пес ее охраняет, и потому мне пришлось уговорить матушку оставить все как есть.

– Похоже, Лилея много чего позволяют, – заметила Давина.

– Моя дочь – маленькая бестия, и она ужасно избалована. Разумеется, по моей вине, – радостно добавил Малколм.

– Принц – вылитый Гвинефорт. Ну, вы ведь знаете... это пес, которого признали святым, – сказала Лилея и крепко обняла своего любимца.

– Я слышала сказание о Гвинефорте, – сказала Давина. – Гвинефорт был благородным псом, и он спас ребенка хозяев, убив змею, которая пыталась укусить спящего в колыбели младенца.

– Верно, – кивнул Малколм. – Но няня, оставившая ребенка одного, в ужасе завизжала, когда вернулась. Она увидела окровавленную морду пса и решила, что тот убил ребенка. Прибежавшая на крик мать ребенка увидела то же самое, что и няня, и подумала то же самое, что и няня. И начала визжать.

Когда пришел хозяин дома, он также решил, что пес убил ребенка. И потому вытащил меч и зарубил Гвинефорта. Только подойдя к колыбели и увидев ребенка живого и здорового, он осознал свою трагическую ошибку. Когда же нашел разодранную в клочья змею, то понял, что Гвинефорт спас его ребенка от смерти.

– А Гвинефорт отправился прямо в рай, – уверенно заявила Лилея.

– Конечно, моя сладкая, – подтвердил Малколм.

– Я рада за него, – сказала Лилея и вновь крепко обняла своего любимца.

Давина погладила пса и сложила руки на коленях. Лишившись ласки, Принц настойчиво ткнулся холодным мокрым носом в ее руку, требуя новой порции внимания. Давина улыбнулась и почесала пса за ухом.

– Если вы будете идти у него на поводу, боюсь, Принц тогда от вас не отстанет, – предупредил девушку Малколм.

– Принц – единственный представитель сильного пола в этом замке, чье внимание мне никогда не надоеет, – сказала Давина.

Малколм выразительно покашлял, и Давина, смутившись, поняла, что проявила бестактность. Но брать свои слова обратно она не собиралась. Чем раньше Малколм поймет, что

ухаживает за ней бессмысленно, тем будет лучше для всех.

– Не спешите давать мне отставку, – тихо произнес Малколм. – Дайте мне шанс, Давина, и, как знать, может, ваше сердце оттаит.

Как не расчувствоваться от таких слов! Но Давина не хотела никого вводить в заблуждение, поэтому так же тихо проговорила:

– Мне сейчас хорошо, очень хорошо, и все – благодаря вам. Но я хочу быть честной перед вами и потому должна вам сказать, что никогда не стану вашей женой. Я не стану выходить замуж ни за вас, ни за кого-то другого – пусть даже ваш отец требует этого от меня.

Это ее заявление было встречено совсем не так, как она представляла. На лице Малколма не было ни гнева, ни мрачного смирения. Он ухмылялся с видом знающего себе цену повесы, потерявшего счет своим победам.

– Буду с вами столь же честен, Давина. Препятствий на моем пути встречалось немало, и мне всегда удавалось преодолевать их без труда. Вы бросили мне вызов, и я с удовольствием его принимаю. Чем труднее достается победа, тем она приятнее.

– В какую игру вы играете? – спросила Лилея, забравшись к отцу на колени. – Можно и мне с вами поиграть?

– Да, моя сладкая. Ты будешь играть на моей стороне. – Малколм понизил голос до шепота, но при этом говорил все же достаточно громкого, чтобы его могла слышать Давина. – Да, ты будешь на моей стороне, и мы вместе одолеем леди Давину.

Она промолчала. Он был необычайно мил и обаятелен, так что сердиться на него у нее просто не хватало духу. Даже хмуриться было нелегко. Давина на мгновение отвела глаза. Почувствовав, что на нее смотрят, она повернула голову, думая, что увидит одобрительно улыбающуюся Айлен, но увидела стоявшего неподалеку Джеймса.

Когда же их взгляды встретились, он нахмурился и отвернулся. И ей пришлось заставить себя вернуться к игре. Она и не думала, что ее так ранит безразличие Джеймса.

Джеймс не хотел на нее смотреть, но глаза, казалось, сами ее искали. Он наблюдал за ней – и злился. Как легко и непринужденно она вела себя с Малколмом! Словно ей и впрямь нравилось играть с ним в шахматы. Джеймс понимал, что с ним творится неладное, потому и злился на себя. И не только на себя. По лицу Малколма нетрудно было догадаться о его намерениях – он пускал в ход все свое очарование, чтобы произвести впечатление на Давину. И она не была равнодушна к его чарам! Вероятность того, что Давина станет женой его старшего брата, росла на глазах, и это тревожило Джеймса куда сильнее, чем хотелось бы.

Тут Давина в очередной раз улыбнулась Малколму, и Джеймс невольно сжал кулаки. Ох, как ему сейчас хотелось подойти к брату и сбить его с ног ударом в челюсть.

Джеймс гнал прочь мысли о Давине, но из этого ничего не получалось – мысли о ней крепко засели у него в голове. Да и как забыть о ней, если из-за необъяснимой прихоти отца ему пришлось стать невольным свидетелем ухаживаний своего старшего брата. А что, если Малколму все же удастся ее соблазнить?

Джеймс знал, как бы он поступил, если бы на Святую землю все еще уходили корабли с крестоносцами. Там он по крайней мере знал, зачем просыпался каждое утро. У воина, как известно, хватает забот, и ему некогда казнить себя за былые ошибки.

К тому же за эти пять лет он приобрел множество полезных навыков и изучил все секреты воинского мастерства. Наверное, он мог бы вполне прилично зарабатывать, сражаясь на рыцарских турнирах. Но даже если он изберет для себя эту стезю, то все равно придется ждать до весны. Зимой турниры не проводят, и жить сейчас ему придется здесь, в замке. Значит, остается лишь терпеть, стиснув зубы, да молиться о том, чтобы Давина вернулась домой сразу

после праздников.

– Она сильно изменилась? – спросила у Джеймса мать.

Он болезненно поморщился. Проклятие, что с ним творится?! Погруженный в мысли о Давине, он даже не услышал, как к нему подошла мать.

Не смея посмотреть матери в глаза, Джеймс с деланным безразличием спросил:

– Ты говоришь о леди Давине?

Леди Айлен с улыбкой кивнула.

– Да, конечно. О ком же еще? В свое время ты жил у Армстронгов несколько месяцев. Вы не могли не видеться постоянно.

Взгляд Джеймса подернулся дымкой, когда он попытался представить Давину такой, какой она была пять с лишним лет назад. Как он любил ту бойкую девушку! И ведь счастье было так близко! За что же его столь жестоко обманула судьба? Нет в жизни справедливости – хоть возмущайся, хоть смирись.

– Джоан, дочь лэрда Армстронга, – вот та была настоящей красавицей. К тому же она знала себе цену и умела подчеркнуть свою красоту. Все смотрели с восхищением на нее, я тоже. А Давину я почти не помню, – добавил Джеймс, пожимая плечами.

Он не любил лгать. И ему было особенно стыдно лгать матери, которая никогда не обделяла его любовью и вниманием.

Леди Айлен окинула сына пристальным взглядом.

– А где ты был, когда напали на Давину?

Джеймс вздрогнул и замер на несколько мгновений. Потом посмотрел прямо в лицо матери и тихо спросил:

– Что тебе известно о том дне?

– Ничего. Я лишь знаю, что она подверглась насилию и случившееся с ней в тот день отчасти объясняет ее нежелание выходить замуж.

Джеймс судорожно сглотнул. Он всегда боялся этого момента, но знал, что его не избежать.

– Это случилось из-за меня, – проговорил Джеймс хриплым шепотом. – Я должен был спасти ее.

Он услышал, как его мать тихо вздохнула.

– Из-за этого ты и покинул Шотландию?

– Да.

Леди Айлен помолчала немного.

– Я всегда знала, что ты не просто так уехал. Но почему ты вначале не повидался с нами?

– Я вас опозорил. Я не мог. Мне было стыдно перед вами.

– Но тебе нечего стыдиться, мой мальчик. Что бы ты ни сделал, мы можем понять тебя и простить.

Джеймс видел, как просветлело лицо матери. А сейчас в глазах ее была любовь. Он вдруг снова чувствовал себя мальчишкой, провинившимся мальчишкой, обласканным всепрощающей материнской любовью.

Леди Айлен смотрела на сына долго и пристально. Наконец спросила:

– А что сейчас?

– Я научился с этим жить, – признался Джеймс, надеясь, что мать удовлетворится его ответом и прекратит допрос.

– Если ты не хочешь об этом говорить, я не буду настаивать, хотя мне и понятно, что ты сказал далеко не все. Ты пытаешься скрыть правду, но я вижу, как ты смотришь на Давину.

Джеймс переминался с ноги на ногу, не зная, куда деваться от смущения.

– Ты все это себе придумала, мама.

– Так ли? Ох, поверь мне, мой мальчик, я-то все вижу... Вижу, что временами ты смотришь на нее так, словно она твоя последняя надежда на счастье. Ведь так, Джеймс?

Он сделал глубокий вдох. Отважившись наконец взглянуть матери в глаза, Джеймс понял, что она знала правду. И лгать ей было бы глупо.

– Было время, когда я действительно так думал, – признался он. – Но это время прошло.

– Так что же произошло между вами? – спросила Айлен.

– Что было, того не вернешь. Что разбито, того не склеить, – глухо пробормотал Джеймс.

В глазах матери появился блеск – казалось, в голове у нее зрел какой-то хитроумный план.

– Но что мешает тебе построить мост через пропасть, что вас разделила? – спросила она.

– Слишком поздно.

– Нет, не поздно, – заявила Айлен. – Ничего не поздно изменить, пока не произнесены брачные клятвы. Или ты хочешь, чтобы она вышла за Малколма?

– Она не выйдет за него.

– Откуда такая уверенность? Твой брат знает подход к женщинам, и, судя по всему, он поставил перед собой цель сразить ее своим очарованием.

Джеймс поймал себя на том, что гневно раздувает ноздри.

– Она не выйдет за него, – повторил он, сжимая кулаки.

– И все же... Если Давина выйдет за твоего брата, я хочу быть уверенной в том, что у нее не осталось к тебе никаких чувств. Как и у тебя к ней.

– Я не буду за ней ухаживать, мама. – Удивительно, но он сказал это почти спокойно.

Леди Айлен вздохнула, потом вновь заговорила:

– Ты так же упрям, как твой отец. Я не требую от тебя ничего такого, что причиняло бы тебе боль. Но я не позволю тебе прятаться от нее. Впрочем... Довольно о чувствах. Давай поговорим о деле. Скоро праздник, и мы уже начали развешивать рождественские гирлянды. Но, как всегда, нам не хватило тех веток, что собрали дети слуг. Так вот, я хочу, чтобы ты отправился в лес за еловыми ветками, плющом и омелой. И возьми с собой Давину.

Джеймс хотел наотрез отказаться, но тут вдруг подумал: «А ведь не помешает лишний раз убедиться в том, что Давина не выйдет за Малколма».

Коротко кивнув, Джеймс произнес:

– Что ж, если тебе это доставит удовольствие, то я сделаю это.

– Немедленно перестань ныть, иначе сама будешь искать дорогу до замка, – сказал Джеймс своей строптивой племяннице, сопроводив угрозу взглядом, от которого и бывалым воинам становилось не по себе.

– Не надо так, Джеймс! – воскликнула Давина, вступившись за девочку.

– Ты хочешь сказать, что ее визг не действует тебе на нервы?

– Может, этот звук и не очень приятен, но ведь ты должен понять, что малышка напугана, – заметила Давина.

– У меня пальчик болит, – жалобно протянула Лилея, демонстрируя Джеймсу уколотый палец.

– Вот видишь, она не только напугана, но еще и поранилась, – сказала Давина.

«Да в своем ли они уме? – думал Джеймс. – Поранилась? Чем? Хвойной иглой? А если бы она настоящей иглой укололась, то мы бы, верно, оглохли от ее визга!»

– Мы ее оба предупреждали не раз, чтобы не трогала остролист, – пробурчал Джеймс. – Сама виновата, что укололась.

Давина строго смотрела на девочку, но голос ее был мягким и ласковым, когда она тихо сказала:

– Милая, не надо трогать колючие ветки. Ты поняла?

Джеймс видел, как Лилея надула губы. Все она прекрасно слышала, и все она поняла – вот только не желала подчиняться!

Джеймс уже не раз пожалел о том, что согласился взять Давину с собой в лес. Он и сам не вполне понимал, какие чувства испытывал к Давине, одно лишь знал точно: она заставляла его страдать. Когда Давина предложила взять с собой на прогулку Лилею, он был только за – рассчитывал, что девочка создаст между ними нечто вроде защитного барьера, сгладит остроту боли, которую неизменно вызывало у него присутствие Давины. Увы, ему и в голову не могло прийти, что Лилея не сгладит ситуацию, а, напротив, обострит ее.

– Уже темнеет, – сказал Джеймс. – Мы отъехали от замка гораздо дальше, чем я собирался. Пора возвращаться.

– Но я хочу собрать еще плюща... – заныла Лилея. – Ой, там что-то есть! – вдруг радостно воскликнула девочка и помчалась по скользким камням к скале, покрытой какой-то зеленой растительностью.

– Лилея, вернись на тропинку! Опасно бегать по камням, упадешь! – закричала Давина, бросившись следом за девочкой, но та сделала вид, что не слышала, и убегала все дальше.

– Черт бы ее побрал! Она что, мох от плюща отличить не может? – проворчал Джеймс.

С неба посыпалась ледяная крупа, и он стал торопливо заталкивать найденные ветки в седельную сумку. Покончив с этим, Джеймс погладил по шее уставшего жеребца, затем взглянул на Давину, пытавшуюся догнать несносную девчонку. Сам он не собирался участвовать в этой игре в догонялки. В конце концов, это не он придумал взять с собой маленькую бестию. Пусть теперь сама отвечает за последствия своих решений.

Джеймс в очередной раз посмотрел на небо, сыпавшее крупным градом.

– Что они там застряли? – пробурчал он себе под нос.

И тут вдруг раздался отчаянный визг Лилеи:

– Помогите! Я падаю!

Джеймс нахмурился, скрестив руки на груди. Он нисколько не сомневался в том, что его племянница просто играла, приглашая их с Давиной погоняться за ней.

– Джеймс, пожалуйста, скорее сюда! – крикнула Давина.

Тяжко вздохнув, Джеймс неспешно пошел на крик. Ему надоели эти детские шалости. Надоело потакать капризам несносной девчонки. Он устал, замерз, и больше всего ему сейчас хотелось поскорее вернуться домой, сесть у огня и выпить кружку горячего пряного вина.

Он увидел Давину, как только поднялся на гребень скалистого холма. Что ж, теперь стало понятно, почему Лилея внезапно пропала из виду.

– Осторожно, – предупредила его Давина, но он и сам чувствовал, как скользят подошвы по обледеневшим камням.

Джеймс едва не скатился к расщелине между камнями. Осмотревшись, спросил:

– Где же девочка?

Глаза Давины расширились от ужаса, и она прошептала:

– Я не могу ее найти. Я слышала ее крик, но теперь она молчит.

– Лилея, немедленно покажись! – теряя терпение, заорал Джеймс.

Ответом ему был жалобный стон. И доносился он... откуда-то снизу. Джеймс с Давиной обменялись взглядами.

– Ты слышала? – спросил он.

– Да, конечно. Но как она успела убежать так далеко?

Джеймс почесал в затылке.

– Ты меня спрашиваешь? Похоже, она притягивает к себе неприятности, словно варенье – мух.

– Да, верно. Она жить не может без приключений, – сказала Давина, стараясь не думать о худшем.

– Ее избаловали, вот и все.

– Лилея, где ты?! – прокричала Давина.

В ответ – тишина.

А потом вдруг раздался жалобный голосок:

– Я здесь, внизу!

И тут же послышался плач.

Джеймс осторожно наклонился, упершись пятками в землю, и заглянул в расщелину.

– Лилея, ты здесь?! – крикнул он.

– Помогите мне, дядя Джеймс. Пожалуйста!..

Услышав страх в голосе ребенка, Джеймс вполголоса выругался.

– Ты ударилась? – спросил он.

Девочка снова заплакала.

– Я хочу отсюда выбраться, – проговорила она, то и дело всхлипывая.

– Должно быть, она поскользнулась, когда бежала, и провалилась в расщелину, – сказала Давина. – Господи, она ведь могла погибнуть!

– Помолчи! – прикрикнул на девушку Джеймс. – Девчонка и так напугана, а ты еще тут причитаешь!

– Прошу прощения, – пробормотала Давина. И тут же добавила: – Но она не сильно пострадала, если может с нами говорить.

– Да еще и реветь, – проворчал Джеймс и тут же устыдился своих слов. Надо быть милосерднее! Девочка плачет, потому что напугана, а испугаться есть чему. Ее жизнь в опасности. Она чудом осталась жива при падении, но удастся ли вытащить ее оттуда живой?...

Джеймс опустил на четвереньки, а потом и вовсе лег на живот, чтобы заглянуть в расщелину. Когда же он увидел Лилею, то едва не вскрикнул. Малышка стояла на узком выступе на глубине десяти футов, не меньше. Как только она шею себе не свернула?

Но еще больше беспокоило то, что на другой стороне расщелины был еще один карниз. Ведь если Лилея, выбираясь из каменной ловушки, споткнется об этот выступ, то неизвестно, на какую глубину она может упасть.

– На уровне ее головы есть карниз в несколько футов шириной, – сказала Давина. – Что, если мы попросим ее вскарабкаться на него? Тогда можно было бы до нее дотянуться и поднять наверх.

Джеймс с удивлением повернул голову. Оказалось, что Давина уже лежала рядом с ним и тоже смотрела вниз. Когда же девушка повернула голову в его сторону, они едва не соприкоснулись носами.

Сердце Джеймса сделало кульбит и забилось все быстрее; он тотчас же вспомнил о том, как они когда-то лежали на поляне, слившись в страстных объятиях.

Удивительно! Ей удавалось будоражить его кровь, хотя оба они, казалось бы, были заняты совсем другим... Ведь сейчас уж точно не время для эротических фантазий. Сейчас следовало думать о том, как вызволить девочку.

– Слишком опасно, – пробормотал Джеймс. – Она может поскользнуться, и тогда серьезной травмы не избежать. Да и едва ли она сможет так высоко подтянуться, – добавил он, осторожно присев на край расщелины и свесив ноги в пропасть.

– Ты там не поместишься, – со вздохом произнесла Давина.

Джеймс подозревал, что Давина права, но все же начал медленно опускаться в расщелину. И где-то на уровне груди застрял. Отверстие оказалось слишком узким.

Выругавшись сквозь зубы, Джеймс вылез из расщелины.

– Подожди! Я вижу твои ноги! – закричала Лилея. – Дядя Джеймс, вернитесь, не оставляйте меня тут одну! Здесь темно и холодно. Я буду хорошо себя вести, честное слово!

Джеймс тяжело вздохнул. Жалобные всхлипывания девочки разрывали ему сердце. Давина же нервно расхаживала вокруг расщелины.

– У меня нет с собой веревки, но нам, наверное, стоит сплести что-то похожее из собранного плюща, – предложил Джеймс.

Давина остановилась и ненадолго задумалась.

– Боюсь, плющ не выдержит ее веса, – сказала она. – Лилея маленькая, но тяжелая. Я знаю. Я ее поднимала. – Судорожно сглотнув, девушка добавила: – Пожалуй, я смогу туда спуститься, а ты мне поможешь.

Давина сняла плащ и тут же ощутила пронизывающий холод. Однако Джеймс знал: трясло ее не только от холода, но и от страха. Еще до того, как случилось непоправимое, Давина поделилась с ним своим секретом: она с детства боялась темноты и замкнутых пространств.

– Давина, не надо...

– Иного выхода нет, Джеймс, и ты об этом знаешь. Я приподниму ее и посажу к себе на плечи. Если она встанет во весь рост и поднимет вверх руки, ты сможешь ее вытащить.

– А как ты собираешься выбирать?

Давина еще раз судорожно сглотнула.

– Я попытаюсь вскарабкаться на тот карниз, что повыше, и ты меня вытащишь.

Джеймс нахмурился и проворчал:

– Ты умеешь карабкаться по отвесным скалам? Когда же ты научилась?

Давина отвернулась и, не глядя на него, пробормотала:

– Не беспокойся, я сумею...

– Мне твой план не нравится, – заявил Джеймс. – Если что-то пойдет не так, в ловушке окажитесь вы обе – и что тогда мне с вами делать?

Давина вздохнула и тихо ответила:

– Да, я неуклюжая и неловкая. Но скоро станет совсем темно, а ехать в замок за помощью в одиночестве я не смогу. И ты тоже не можешь уехать, оставив нас обоих тут. А дожидаться, когда нас найдут, мы тоже не можем, потому что замерзнем насмерть. Выходит, надо действовать прямо сейчас. Согласен?

Джеймс промолчал. Храбрость Давины впечатляла. Кроме того, она была права. Хотя они и не так уж далеко отъехали от замка, рассчитывать на быструю помощь не приходилось. Надо было как-то самим себя спасать.

Давина подошла к краю обрыва и, обернувшись, спросила:

– Ты спустишь меня к ней?

Джеймс заглянул в расщелину, оценивая расстояние до карниза, на котором стояла Лилея.

– Я смогу опустить тебя лишь на высоту твоего роста. Дальше тебе придется спускаться самой. Думаешь, у тебя получится?

Губы Давины побелели от страха.

– Получится, если я нащупаю опору, – прошептала она. – А если нет – тебе придется меня отпустить, и я спрыгну на дно.

Черт! Этот план никуда не годился. Но, увы, ничего лучшего он предложить не мог.

– Сними перчатки, – велел Джеймс. – Голыми руками держаться удобнее.

Давина выполнила его указание. Видно было, что девушка сама не своя от страха, но она и не пыталась скрывать это. И она смотрела на него так доверчиво... Да, она доверила ему свою жизнь.

И Джеймс вдруг почувствовал, что его скованное льдом сердце начало понемногу оттаивать.

– Стой спокойно, Лилея! Не шевелись! – прокричала Давина. – Я иду к тебе на помощь!

Джеймс крепко держал девушку за руки, когда она, сев на камень на краю расщелины, осторожно соскользнула вниз.

– Попытайся найти опору для ног, – сказал он как можно спокойнее.

Давина нервно покусывала нижнюю губу, пытаясь нащупать ногами карниз. И Джеймс понимал, что у нее ничего не выходило.

– До дна далеко? – спросила она.

– Не знаю, – проворчал он. – Но ниже я не смогу тебя опустить.

– Не волнуйся, я справлюсь, – сказала Давина. И вдруг, не предупредив его, разжала пальцы.

– Черт возьми! – заорал Джеймс.

В следующее мгновение он услышал треск рвущейся ткани, а затем – глухой стук. Все... Давина упала на дно расщелины...

– Я жива, – донесся снизу ее голос. – Сейчас отдышусь и отправлюсь спасать Лилею.

Джеймс вздохнул с облегчением. И, тихо выругавшись, стал ждать развития событий.

Добраться до карниза, на котором стояла Лилея, оказалось легче, чем думала Давина. Прислонившись к каменной стене, она присела перед испуганной девочкой и взяла ее на руки. Затем, с Лилеей на руках, она осторожно выпрямилась, спиной прижимаясь к каменной стене, чтобы не потерять опору. После чего, отдышавшись, крикнула:

– Я держу Лилею!

Джеймс, насколько мог, опустил руки вниз. Был момент, когда он дотронулся до кончиков пальцев Лилеи, но для того, чтобы они могли схватиться за руки, не хватало нескольких дюймов.

– Я возьму ее за ноги и подниму над головой, – послышался вдруг голос Давины.

– Подожди! Делай это на счет «три!»

Из горла Давины вырвался крик, когда на счет «три» она приподняла девочку над головой. И в тот же миг Джеймс крепко ухватил Лилею за запястья, а через мгновение она уже была рядом с ним.

Но малышка не издавала ни звука. Бледная, с круглыми от страха глазами, она молча смотрела на него, и губы ее дрожали. Джеймс не на шутку испугался. Решив, что у девочки болевой шок, он быстро ощупал ее плечи, руки и ноги, но не нашел никаких повреждений. Да и на лице Лилей не было ни царапины.

– Теперь мне надо помочь Давине. Стой и не шевелись, Лилея, – сказал он девочке.

Та молча кивнула. Зрачки ее были огромными.

– Вот и хорошо, – пробормотал Джеймс. Он видел, что Лилея сейчас не до шалостей, поэтому мог сосредоточиться на главной задаче.

– Давина, тебе надо вскарабкаться метра на два, чтобы я смог до тебя дотянуться, – сказал он, глянув вниз.

– Я знаю, – ответила девушка, потирая руки.

Потом она шагнула к краю расщелины и провела пальцами по камню. Джеймс увидел, как она улыбнулась, обнаружив выступы, за которые можно было зацепиться.

Крякнув по-мужски, что было очень странно для столь изящной девицы, Давина подтянулась, цепляясь пальцами за уступы. Затаив дыхание, Джеймс наблюдал, как она медленно взбиралась вверх. Он дожидался того момента, когда сможет до нее дотянуться. Ждать ему пришлось целую вечность, так как Давина действовала очень осмотрительно и тщательно выбирала места, на которые можно было поставить ногу.

Наконец ее руки оказались в пределах досягаемости, и Джеймс подтянул ее повыше, затем обхватил поперек талии. Давина взвизгнула, прильнула к нему и замотала в воздухе ногами. В следующее мгновение Джеймс извлек ее из расщелины и осторожно поставил на землю. И только после этого оба вздохнули с облегчением.

Он чувствовал на щеке ее теплое дыхание, а ладони девушки согревали его грудь. Тело его предательски остро отреагировало на ее близость, а запах ее волос кружил голову. Джеймс посмотрел на губы Давины. Ему ужасно хотелось прижаться губами к ее губам – хотелось сделать то, о чем он мечтал все эти годы.

Внезапно глаза ее вспыхнули, и Джеймс понял, что она прочла его мысли. Он молча смотрел на нее, ожидая ее реакции. Вот сейчас она отвернется от него или, что еще хуже, в ужасе оттолкнет его... Но нет, выражение ее лица оставалось прежним – она смотрела на него со смесью нежности и любопытства. Сердце Джеймса гулко забило, и он приблизил губы к ее губам, хотя был почти уверен, что она отшатнется. Но Давина не шевельнулась.

И вдруг он услышал жалобный и тихий детский плач. Джеймс с трудом оторвал взгляд от Давины и посмотрел на девочку. Лилея стояла на том же месте, где он ее оставил. Губы ее подрагивали, и слезы текли по грязным щекам малышки, оставляя блестящие полосы.

– Лилея, ты держалась замечательно, девочка. – Джеймс, как мог, пытался успокоить племянницу. – Не плачь, милая, теперь все будет хорошо. Я тобой горжусь, Лилея.

Джеймс развел в стороны руки, и малышка бросилась в его объятия. Джеймс поглаживал ее по вздрагивавшим плечам, а она всхлипывала, уткнувшись лицом ему в живот.

Джеймс и сам не знал, что побудило его поцеловать девочку в макушку. Но после этого она еще крепче прижалась к нему. И, как ни странно, в душе его воцарились мир и покой; он вдруг почувствовал себя в ладу с самим собой и немало подивился такому приятному и почти забытому ощущению.

– Папа будет на меня злиться, – шмыгнув носом, сказала Лилея.

– Боюсь, ты права, девочка, – ответил Джеймс.

– Мне не нравится, когда папа кричит.

– В этом и впрямь мало приятного, – согласился Джеймс.

– Он будет очень громко кричать.

– Да уж...

– Будет кричать до тех пор, пока у него лицо не покраснеет, – снова всхлипнув, добавила Лилея.

– Еще как покраснеет.

– Я не хочу, чтобы он кричал.

– А вот если бы ты слушалась нас с Давиной, то твоему папе незачем было бы кричать, – сказал Джеймс, пытаясь смягчить суровую правду своих слов еще более ласковым поглаживанием.

– Я обещаю, что всегда буду слушаться тебя, дядя Джеймс, – с торжественной серьезностью заявила Лилея. – И Давину – тоже. И папу. И бабушку с дедушкой. Я всех буду слушаться. Честное слово.

– Вот и славно, – произнес Джеймс с улыбкой.

Тихо, вздохнув, Лилея разжала объятия. Джеймсу же было так жалко племянницу, что он все продолжал гладить ее по волосам, пока вдруг не заметил лукавый блеск в ее глазах. И она как-то очень загадочно улыбалась...

– Если я не скажу папе о том, что провалилась в дырку между камнями, он не будет на меня кричать, – сказала девочка. – Обещай мне, что ничего ему не скажешь. Обещаешь, дядя Джеймс?

Ах, лиса! Джеймс едва сдерживал смех. А он-то думал, что этот случай послужит ей уроком. Думал, она запомнит, что бывает, когда не слушаются старших. Надеялся, что этот опыт непременно пригодится ей в жизни, может стать, спасет ей жизнь.

Джеймс сделал строгое лицо, но Лилея улыбалась все смелее. Эта шалунья знала силу своего обаяния. Как тут устоишь? А может, то, что ей пришлось пережить, уже и так стало для нее достаточным наказанием?

– Дядя, пожалуйста, пообещай мне, что ничего не скажешь папе! – Запрокинув голову, малышка заглядывала ему в глаза.

Тут Джеймс не выдержал и рассмеялся. И вдруг осознал, что ему по-настоящему весело – впервые с тех пор, как он вернулся домой. И все благодаря племяннице.

– Рано или поздно почти все тайное становится явным, моя милая. Но я даю тебе честное слово, что от меня твой папа о нашем приключении не узнает никогда.

Давина же замерла в немом изумлении; ведь она наконец-то услышала веселый смех Джеймса – его настоящий смех. Ах, эти сладостные звуки с низкими вибрирующими нотками, по-мужски грубоватые и так созвучные воспоминаниям о далеких светлых днях юности – о тех днях, когда она грезилась об их общем с Джеймсом счастливом будущем. Этот чудесный смех, словно живительный родник, наполнял ее волей к жизни, очищал душу, утолял печаль.

Давина улыбнулась и, печально вздохнув, напомнила себе, что мечты сбываются только в сказках, а жизнь устроена совсем по другим законам.

Но пока звучал этот смех, ей хотелось верить, что не все у них потеряно, что судьба еще может дать им второй шанс.

– Что-то не так? – спросил Джеймс, внимательно посмотрев на нее. – У тебя какое-то очень странное выражение...

Давина с улыбкой покачала головой и опустила глаза. Ей так хотелось прикоснуться к нему, заглянуть ему в душу и увидеть его прежние доброту и нежность.

– Твой смех странно на меня подействовал. Мне было приятно слушать, как ты смеешься.

Джеймс пожал плечами, что-то пробормотал себе под нос и вдруг густо покраснел.

«Что это с ним? Неужели смутился?» – подумала Давина. Ее это сильно позабавило. Он ведь так гордился тем, что превратился в сурового воина, которого ничем не проймешь. Значит, ничто человеческое ему не чуждо и в нем все еще живет тот прежний юноша... И стоило ей об

этом подумать, как сердце забилося часто-часто.

Где-то вдалеке послышался собачий лай, и Лилея замерла, прислушиваясь.

– Может, это Принц? – спросила она, с надеждой глядя на взрослых.

– Нас могут сейчас искать? – спросила Давина, обращаясь к Джеймсу.

Он отрицательно покачал головой.

– Нет, едва ли. Я сообщил, куда именно мы поедem, и мы сейчас не так уж далеко от замка.

Искать нас с собаками нужды нет. – Джеймс с недобрым прищуром посмотрел вдаль – туда, откуда донесся лай. – Поехали. Нельзя терять ни минуты. Я не хочу встречаться с теми, кому служат эти псы.

По спине Давины пробежал холодок: казалось бы, что могло им угрожать на земле Маккены, да еще совсем рядом с замком? Но она знала: Джеймс не стал бы пугать их без причины.

Он помог девушке забраться в седло, усадил на своего жеребца Лилею и, приказав девочке сидеть смирно, запрыгнул в седло позади племянницы. Лилея заерзала в седле, устраниваясь поудобнее. Прижавшись спиной к теплой груди дяди, малышка весело засмеялась, словно уже забыла о только что пережитом страхе.

Наблюдая, как уютно устраивалась Лилея в объятиях дяди, Давина поймала себя на том, что испытывала к ней зависть. К немалому своему удивлению, она вдруг обнаружила, что тело ее прекрасно «помнило» объятия Джеймса. Более того, она поняла, что эти чудесные ощущения, жившие в ее воспоминаниях, вовсе не пугали ее и не вызывали отторжения, напротив, она ужасно по ним соскучилась!

Давина украдкой взглянула на Джеймса. Первое, что бросалось в глаза при взгляде на него, – это его сила и мужество. Но присутствие сидевшей впереди него маленькой девочки, которую он так бережно обнимал, вносило некоторые поправки в его образ – сглаживало резкие углы и делало Джеймса более мягким, даже отчасти нежным. И ей ужасно захотелось подъехать к нему поближе, взять его за руку... и почувствовать эту нежность.

Жгучий жар прилил к щекам Давины. Стыдясь своих глупых желаний, она невольно вздохнула. Ведь ясно же, что она не вправе ни на что рассчитывать – ей нечего было ждать от Джеймса. Ох, кажется, она перестала отличать мечту от реальности. А ведь отрываться от земли, как известно, очень опасно, потому что потом очень больно падать...

Тут Джеймс взглянул на нее и, взмахнув рукой, предложил проехать вперед. Давина почувствовала нервное напряжение, но тут же заставила себя расслабиться. Не следовало опасаться того, что он прочел ее глупые мысли.

Проехав немного вперед, Давина, казалось, чувствовала взгляд Джеймса, и от этого успокаивало: она знала, что он защитит ее.

Вскоре впереди показалась высокая серая стена замка Маккены. Стражники у ворот узнали их еще издали, и через несколько минут со скрежетом поднялась тяжелая решетка. Едва они въехали во двор, как навстречу им вышел Малколм. И по его виду было件нятно, что он ждал их уже давно и терпение его на исходе.

– Почему так долго? – спросил он, снимая дочь с коня. – Мать начала волноваться...

– Я вполне способен защитить Лилею, – пробурчал в ответ Джеймс. – Можно было и не искать нас с собаками.

– Какие еще собаки? Я никого за вами не посылал, хотя и отправился бы на поиски, если бы вы не вернулись в течение часа.

Братья молча переглянулись. Ни один из них не сказал ни слова, но Давина догадалась, что означал этот обмен взглядами. Было件сно: теперь не стоило выезжать за ворота замка даже в ближайший лес. При этой мысли девушка невольно поежилась.

– Папа, я хочу есть, – заявила девочка.

– Не удивительно, что ты проголодалась. И устала, наверное. Нельзя так долго бродить по лесу зимой!

– Да, у меня сегодня был очень трудный день, – с серьезнейшим видом сказала малышка.

Отец погладил ее по волосам и с улыбкой проговорил:

– Не беспокойся, доченька. Кухарка не пожалеет для тебя медовый пряник – из тех, что сегодня пекли к Рождеству.

Лилея взвизгнула в восторге, и Малколм, снова улыбнувшись, обнял дочь, а та обхватила отца руками. Наблюдая эту трогательную сцену, Давина в очередной раз подивилась той нежности, с которой Малколм относился к дочери. Как правило, отцы куда внимательнее к сыновьями, а дочери для них – почти обуза.

– Маленькая разбойница... – пробормотал Джеймс, помогая девушке слезть с лошади. – Вертит своим отцом как захочет.

– Такая не пропадет, – заметила Давина, глядя вслед Лилее, шедшей рядом с отцом по двору. – И все же боюсь, ей достанется от Малколма, когда тот узнает, в какой переплет угодила сегодня его дочь.

– Я дал слово, что ничего не скажу, но надеюсь убедить Лилею в том, что надо самой все рассказать.

– Что-то мне не верится в успех твоего замысла, – с усмешкой проговорила Давина. Насколько она могла судить, Малколм просто не мог сурово наказать дочь, так что за девочку в любом случае можно было не беспокоиться. К счастью, сегодня все закончилось хорошо, но в следующий раз... Для своего же блага девочка должна была усвоить, что непослушание приводит к печальным последствиям. – Да, ты дал ей слово, – сказала Давина, смахнув грязь с плаща. – Но я-то никаких обещаний никому не давала.

Джеймс дождался, когда накроют столы, и лишь после этого вошел в главный зал. До Рождества оставалось еще два дня, но все здесь уже украсили зелеными ветками, и настроение у людей было приподнятое – в зале стоял гул от множества голосов.

Джеймс попытался расслабиться и проникнуться предпраздничной атмосферой. В конце концов, ведь ради этого он и вернулся домой... Вернулся ради того, чтобы жить среди тех, кому безоглядно доверяешь. Чтобы радоваться вместе с ними и вместе грустить. Чтобы получать удовольствие от простых и всем понятных вещей – таких, как, например, вкусная еда, которой с избытком хватает на всех, или удобная кровать, застеленная чистым пахучим бельем. Но главное – общение с родственниками и друзьями. Видит бог, в жизни крестоносца именно этого не хватало больше всего.

Джеймс обвел взглядом зал и невольно улыбнулся. Рождество – особое время. Время обновления и время надежд. И потому следовало наслаждаться моментом, а не кусать локти, заново переживая горькие разочарования прошлого.

За столами сидели улыбающиеся мужчины и женщины. В зале было тепло, а еда на столах была теплая, приготовленная с заботой. Дети же, мальчишки и девчонки, подвязывали еловые ветки к ножкам столов. Превращая это занятие в увлекательную игру, они со смехом гонялись друг за другом. Джеймс заметил среди них и своего пажа Колина, который сегодня был на удивление улыбчив.

Сегодня главный зал отапливали сразу три больших камина, и возле каждого из них аккуратной стопкой лежали дрова. Самые толстые поленья, конечно, приберегут до кануна Рождества – вот тогда здесь станет по-настоящему жарко, потому что этого требовал обычай. Чем теплее будет в эту ночь в главном зале замка, тем больше надежды на то, что вся зима пройдет в тепле и достатке.

Давина уже сидела за столом, и Джеймс мог наблюдать за ней издали, незаметно для нее. Она сидела там же, где и вчера, – за высоким столом рядом с его матерью. И казалось, что Давина чем-то озабочена; беседуя же с леди Айлен, она в основном слушала, что говорила его мать, и молча кивала.

К ужину Давина переоделась в наряд, который, наверное, считался более модным. Платье из темно-синего бархата с круглым воротом, отороченным серебристой вышивкой, казалось довольно скромным и одновременно вызывающим, ибо привлекало внимание к ее женственным округлостям.

Да поможет ему Бог, но она была неотразима. Сможет ли он и дальше притворяться безучастным? И если он пойдет на сближение, то что получит в ответ? Очередную пощечину собственной гордости? А может, все же стоит рискнуть?

По правде говоря, Джеймс знал и более красивых женщин. Например, северных красавиц с волосами цвета выбеленного льна, а также изящных, как бронзовые статуэтки, девушек Востока. Но в Давине было что-то особенное – то, что брало его за душу и не хотело отпускать.

В этот момент она сделала глоток вина и кончиком языка облизала губы, блестящие в свете факелов. И сейчас, глядя на них, Джеймс заново переживал все то, что чувствовал недавно в лесу, когда едва ее не поцеловал. Переступив с ноги на ногу, он тяжело вдохнул и сокрушенно покачал головой.

Через несколько минут, наконец-то успокоившись, он подошел к возвышению и, усаживаясь рядом с братом, спросил:

– А где Лилея?

– В кровати, – ответил Малколм. – Думаю, она переутомилась, собирая плющ в лесу.

– Да, занятный получился поход в лес, – сказал Джеймс, прикрыв ладонью рот, чтобы спрятать ухмылку. – Она тебе ничего не рассказывала?

– Нет. Едва до кровати смогла добраться, бедняжка. Думаю, она мне все расскажет завтра.

– Нисколько не сомневаюсь, – сказал Джеймс и вопросительно посмотрел на Давину. Та покачала головой, давая понять, что Малколм пока ничего не знает.

Вначале Джеймсу не понравилось намерение Давины рассказать Малколму о происшествии в лесу. Но чем больше он об этом думал, тем отчетливее понимал, что Давина права. Малколм, конечно, и так знает, что его дочь – ужасная шалунья, но брату следует знать, до каких пределов непослушания способна дойти его дочь. Потому что вооружен тот, кто осведомлен.

Нет, он не стал бы останавливать Давину – пусть рассказывает. Но он попросил бы ее подождать день или два. Они оказали бы Лилее услугу, если бы убедили ее в том, что надо самой все рассказать отцу. Может, тогда у нее появилось бы представление об ответственности за свои поступки.

– Лично я нисколько не удивлюсь, если вдруг узнаю, что Лилея уснула стоя, – сказал Маккена-старший. – Джеймс привез столько веток, что хватило бы еще на пять праздников. Представляю, сколько пришлось прошагать бедняжке!

– Хвоя и плющ – этого добра везде хватает. Другое дело – моя добыча. Угадайте, что это? – Малколм выдержал паузу и обвел всех торжествующим взглядом. – Ни за что не догадаетесь. Я нашел омелу!

Кэтрин, сестра Малколма и Джеймса, только что вернувшаяся из паломнической поездки, громко хмыкнула в нарушение всех приличий.

– Тоже мне, удивил! – насмешливо воскликнула она. – Рождество без омелы для Малколма – не Рождество.

– Кто в его годы не любит целоваться с женщинами, – одобрительно кивнув старшему сыну, заметил лэрд Маккена. – Молодец, Малколм. Все парни – да и девушки – тебе спасибо скажут.

Джеймс мысленно выругался: он точно знал, кого Малколм вознамерился поцеловать под омелой.

– А церковь омелу не одобряет, верно? – спросила Давина.

Леди Айлен пожала плечами.

– Наш пастор не велит украшать омелой церковный алтарь, и я не стану с ним спорить. Но Маккена считает, что мы должны чтить традиции предков, и я не могу с ним не согласиться. Так что в церковь мы омелу не понесем, но почему бы не украсить ею наш главный зал.

– А разве это не опасно? – нахмурившись, спросила Давина. – Я слышала, что омела ядовита.

– Да, ядовита. Конечно, ягоды омелы не убивают, но живот от них болит так, что и впрямь хочется на тот свет отправиться, – сказал Джеймс. – Когда мне было шесть лет, я проглотил одну ягоду.

– Мы с ним поспорили. Я тогда сказал, что он ни за что не решится съесть ягоду, – со смехом сообщил Малколм.

Джеймс же не разделял веселья брата; он до сих пор помнил, как у него крутило в животе.

– Это было подло, – процедил он сквозь зубы.

– Я не думал, что ты действительно съешь ягоду, – сказал Малколм, и теперь он уже не смеялся.

– Это тебя не оправдывает, – вынесла вердикт леди Айлен. – Я полночи провела у постели твоего брата. Думала, он не выкарабкается. Омела смертельно ядовита. Говорят, леди Сазерленд избавилась от мужа, напоив его элем, в который добавила отвар из листьев омелы. А в ягодах

того яда еще больше, чем в листьях.

– Я тогда пролежала всю ночь без сна. Лежала, накрывшись одеялом с головой, и плакала – думала, что Джеймс умрет, – вспомнила Кэтрин.

– Малколм не желал ему зла, – вступился за старшего сына Маккена. – Он тоже плакал, безутешно. Плакал до тех пор, пока Джеймс не пошел на поправку.

Джеймс, услышавший об этом впервые, с удивлением посмотрел на брата. Тот в смущении закашлялся и, опустив голову, пробормотал:

– Я не верил, что такое невинное с виду растение может убить человека.

– Да ты сам был еще ребенком, – покачив головой, сказал Маккена; он явно сочувствовал старшему сыну. – К счастью, Джеймс выздоровел, и все прошло для него без последствий.

Глаза Малколма лукаво блеснули.

– Если не считать того, что он с тех пор боится даже подходить к омеле.

Кэтрин захихикала. Джеймс хмуро взглянул на брата, но глотать наживку не стал.

– Предлагаю забыть этот неприятный случай из вашего детства и вспомнить легенду, повествующую об этом растении, – предложил лэрд Маккена.

– А есть такая легенда? Никогда о ней не слышала, – призналась Давина. – Наверное, она объясняет обычай целоваться под омелой.

– Да у нас в Шотландии на любой вопрос можно ответить, рассказав легенду. Благо их сочиняют все кому не лень, – проворчал Джеймс.

Леди Айлен, словно не замечая, что Джеймс не в духе, с улыбкой повернулась к Давине.

– Вот, девочка, слушай... Жила-была Фригга, богиня любви и красоты, и она сделала так, что любой смертный, проходящий под омелой, получал от нее в подарок поцелуй, который защищал счастливца от всяких бед.

– Как мило... – заметила Давина. – Должно быть, Фригга была очень доброй богиней. А ведь, если верить всем тем легендам, что я слышала, почти все наши прежние боги и богини были мелочными, мстительными и подлыми.

– Но у Фригги к омеле было особое отношение, и это многое объясняет, – пояснил Малколм. – Силой омелы был спасен сын Фригги по имени Болдер.

– Спасен? – переспросила Давина. – Но как именно?

– Легенда гласит, что Болдеру, богу летнего солнца, приснился сон, в котором он увидел себя мертвым. Болдер рассказал матери о своем страшном сне, и Фригга не на шутку встревожилась. Она знала, что богам просто так ничего не снится. И конечно, как всякая мать, она очень боялась потерять сына. Причем смерть Болдера принесла бы много горя не только ей одной. Если бы Болдер умер, вместе с ним умерло бы все живое на земле.

– Болдер был ее вторым сыном, верно? – спросил Джеймс, потянувшись за кувшином с вином. – И его убил Хадор, старший брат.

– Который был слепым, – напомнила Айлен. – Убил, потому не знал, что делает.

– Очень удобно... – криво усмехнувшись, заметил Джеймс.

– Тихо, Джеймс! – Лэрд Маккена вскинул руку. – Дай матери закончить рассказ.

Джеймс что-то проворчал себе под нос, но подчинился.

– Пытаясь уберечь Болдера от ужасной судьбы, предсказанной ему во сне, Фригга обратилась с мольбой пощадить ее сына к каждой из стихий, к каждому из животных и растений земли. – Айлен увлеклась собственным рассказом, и глаза ее заблестели. – И все согласились оставить Болдера в покое, но Локи, бог зла, нашел одно растение, о котором Фригга забыла, и этим растением была омела.

– Что-то мне подсказывает, что эта история добром не кончится, – пробормотала Давина.

Айлен между тем продолжала:

– Богам-мужчинам порой становилось скучно, и поэтому они любили играть в разные глупые игры с оружием. Как-то раз один из богов предложил проверить Болдера на прочность, и они по очереди стали пускать в юношу стрелы. Но стрелы отлетали от него, не причиняя ему вреда. Увидев это, боги очень удивились. И они нашли бы себе иное развлечение, если бы не Локи – тот протянул Хадару, слепому брату Болдера, стрелу, наконечник которой был смочен ядом омелы. Обманом Локи заставил Хадара пустить в брата стрелу, и яд омелы убил несчастного Болдера.

– Бедняга Болдер, убитый собственным братом... – пробормотал Джеймс.

– Обманутым братом, – с нажимом на первом слове уточнил Малколм.

Айлен, демонстративно не замечая перебранки между сыновьями, продолжила рассказ:

– На три дня земля погрузилась во мрак. С неба непрерывно лился дождь. Все живые существа и все стихии пытались вернуть Болдера к жизни, но безуспешно. Оживить его смогла лишь сила материнской любви, разжалобившая омелу. Легенда гласит, что слезы, которые пролила Фригга за те ужасные три дня, падали на растение, меняя цвет ягод с красного на белый.

– А при чем тут поцелуй? – Давина нахмурилась.

Леди Айлен улыбнулась и пояснила:

– Когда сын Фригги ожил, счастливая мать повелела, чтобы омелу никто и никогда больше не использовал как орудие убийства. С тех пор омела стала символом любви, под которым в знак благодарности Фригге, спасшей мир от гибели, все должны целоваться на Рождество.

– Мне нравятся истории со счастливым концом, – с улыбкой сказала Давина.

– Они и впрямь лучшие, – согласилась Айлен.

– А теперь довольно с нас легенд! – заявил Маккена. – Теперь нам нужна музыка. Пусть кто-нибудь приведет старого Росса.

Вскоре старик Росс уже стоял на подмостках. В руках он держал ребенка, старинную скрипку. Следом за ним на подмостки поднялись еще двое музыкантов – один с барабаном, другой с флейтой. И они заиграли что-то веселое и быстрое, а все сидевшие в зале принялись хлопать в такт и отбивать ногами ритм.

Джеймс не удивился, когда его родители первыми вышли танцевать. Мать двигалась плавно и ловко, а что до отца... Можно было сказать, что некоторые свои недостатки он возмещал избытком энтузиазма.

Другие пары тоже пустились в пляс. И вдруг Малколм поднялся из-за стола и подошел к Давине. Взяв ее за руку, он помог ей встать, и девушка, скромно потупившись, вышла с ним на середину зала, где уже танцевали многие пары. Причем Малколм смотрел на Давину как голодающий на кусок хлеба.

Кровь Джеймса словно вскипела – его охватила ревность. И ему вдруг вспомнился их самый первый разговор с Давиной. Она была такой застенчивой и робкой, такой юной и невинной... И уже после той короткой встречи он почему-то уверовал в то, что им предстоит идти по жизни вместе.

А трубадуры тем временем пели о любви, которая разит внезапно – зачастую тогда, когда ни о чем не подозревающий парень впервые обращает свой взгляд на девушку. Джеймс не верил в существование воспетой поэтами любви с первого взгляда – не верил до тех пор, пока не встретил Давину и не влюбился в нее. Влюбился он в нее сразу же, но, для того чтобы чувство его созрело, понадобилось время. А когда он узнал ее и полюбил... О, тогда у него уже не оставалось сомнений в том, что он сделал правильный выбор. Казалось, их свела сама судьба. То есть так он тогда думал.

Но сейчас он знал: эта его безоглядная вера – не что иное как глупость. Ведь только

неисправимой глупостью можно объяснить то обстоятельство, что он до сих пор все помнил так, словно это происходило вчера. Умом Джеймс все понимал, но ничего не мог с собой поделать. Наблюдая, как брат флиртовал с его бывшей невестой, он невольно сжимал кулаки, переполняясь яростью. «Давина моя!» – мысленно восклицал Джеймс.

А Малколм что-то говорил ей, почти касаясь губами ее уха, и Давина краснела и улыбалась. И вот уже они оба весело смеются. Похожий на осиное гнездо куст омелы свисает с балки в шаге от них. Как бы случайно Малколм забирает вправо, ломая строй танца... Черт побери! Похоже, Малколм все-таки добьется своего. Упорства старшему братцу не занимать. Джеймс буравил Малколма взглядом, но тот об этом даже не догадывался, настойчиво продвигался к цели – к поцелую с Давиной.

И тут произошло то, чего Джеймс больше всего боялся. Казалось, какая-то неведомая сила подняла его с места и потащила на середину зала...

Хотя Джеймс уже успел изрядно выпить, шел он очень уверенно. Приблизившись к старшему брату, он хлопнул его по спине. Малколм вздрогнул от неожиданности, и Джеймс, воспользовавшись его секундным замешательством, протянул Давине руку.

– Пойдем танцевать, – буркнул он.

– Дождись своей очереди, братишка, – отталкивая Джеймса, произнес Малколм. Взяв Давину за руку, он завел девушку к себе за спину – так, чтобы Джеймсу было до нее не дотянуться.

Но Джеймс не сдавался:

– Один танец закончился, и начался другой. Поэтому теперь – моя очередь.

– Крестоносцы любят танцевать? – с шутовской гримасой осведомился Малколм. – А я и не знал.

– Ты много чего не знаешь, – процедил Джеймс сквозь зубы, сделав шаг в сторону, он хозяйски положил ладонь на плечо девушки.

Улыбка сползла с лица Малколма. Расправив плечи и выпятив грудь, он шагнул к младшему брату. Джеймс же с удовлетворением отметил: старший брат по-прежнему был выше его ростом, но разница теперь была незначительной. К тому же авторитет Малколма больше не давил на него – он чувствовал себя ровней старшему брату.

Братья хмуро уставились друг на друга. И ни один из них не желал уступать. Джеймс увидел, как Малколм сжимал и разжимал кулаки, и он даже чуть подался вперед словно приглашая Малколма ударить первым.

Но Малколм не желал глотать наживку. И отпускать от себя Давину тоже не желал.

И вдруг Джеймс заметил, как болезненно поморщилась Давина. Он протянул ей руку, но она попятилась, и в глазах ее был страх – ей явно сделалось не по себе.

Джеймсу же было горько сознавать, что Давина бежала не от Малколма, а от него – спряталась за широкой спиной его старшего брата. И тот тут же взял ее под руку, словно поставил жирную точку в их споре.

– Найди себе для танцев другую девушку, – сказал Малколм младшему брату. – Если ты вежливо попросишь, непременно найдется та, что не откажет тебе.

– Я не хочу другую девушку, – закипая от гнева, заявил Джеймс. – Мне нужна Давина.

– И мне – тоже, – тихо произнес Малколм, но в голосе его прозвучала угроза.

Давина вскрикнула, но Джеймс проигнорировал ее возглас; он не сводил глаз с брата. Итак, война объявлена. Когда же начнется бой?

– Вижу, придется поучить тебя скромности завтра утром на плацу, – сквозь зубы процедил Джеймс.

На лице Малколма не дрогнул ни один мускул, но Джеймс видел, как напряжен его брат.

– Зачем ждать до завтра? Кулаки ничем не хуже мечей. А победитель получит право танцевать с Давиной всю ночь.

Девушка в страхе поежилась, когда по залу прокатился дружный вздох всех тех, кто услышал слова Малколма. Великое противостояние сыновей лэрда заставило его подданных забыть о танцах. Но ей-то самой меньше всего нравилась роль пресловутого яблока раздора. Медленно, бочком, с горящим от стыда лицом, она отошла подальше и смешалась с толпой.

К счастью, ее ухода ни один из братьев не заметил. Для них было куда важнее доказать друг другу свое превосходство. Будь неладна эта мужская гордость! И какой же они придумали себе приз? Смех, да и только! Ладно бы она действительно была необыкновенной красавицей, а так... Впрочем, дело не в ней. Она для них лишь предлог, чтобы свести друг с другом счеты. Не будь ее, они придумали бы иной повод для того, чтобы помериться силами. И ведь, по большому счету, она не нужна ни тому, ни другому. Оба они достойные рыцари, и жены таким нужны им под стать. Выпустив пар и беспристрастно оценив доставшийся приз, любой из них будет горько разочарован, ибо любить ее не за что.

– У меня в доме – никаких драк! – прикрикнула на сыновей Айлен, став между ними.

Послышались одобрительные женские возгласы, которые почти тотчас же заглушил дружный хор негодующих мужских голосов.

А леди Айлен подала знак музыкантам, и те снова заиграли бодрую мелодию.

Убедившись в том, что хозяйка замка способна держать своих своенравных сыновей в узде, Давина, лавируя между столами, начала пробираться к выходу. Выйдя за дверь, она то ли от волнения, то ли от невнимательности свернула не туда. И опомнилась лишь в тот момент, когда поняла, что никогда в этой части замка не была.

Остановившись, она осмотрелась. Господи, что это с ней?... Голова нещадно гудела, но Давина знала, как бороться с такой болью. Помассировав переносицу и сделав несколько глубоких вдохов, она почувствовала, что боль почти отпустила.

Успокоившись, Давина обдумала свою ситуацию и решила: если она не хочет окончательно заблудиться, придется вернуться к выходу из зала той же дорогой, какой она сюда пришла. Только бы не встретиться при этом ни с Малколмом, ни с Джеймсом!

Но не успела она сделать и десяти шагов, как увидела шагавшего ей навстречу Джеймса. Девушка остановилась и снова осмотрелась. Но спрятаться было некуда да и незачем. Ведь Джеймс уже стоял рядом с ней.

– Отчего мне кажется, что ты меня избегаешь? – спросил он, крепко взяв ее за руку.

– Ты ошибаешься, Джеймс, – пробормотала Давина. – Я просто устала. И у меня ужасно болит голова. – Ей даже не пришлось лгать – голова действительно вновь разболелась.

– Почему ты сбежала из зала?

Давина тяжело вздохнула.

– Ты умный человек, Джеймс. Неужели не можешь догадаться сам?

Джеймс нахмурился и проворчал:

– Я не стану просить прощения за стремление защитить тебя.

– Едва ли мне что-нибудь угрожало во время танца с Малколмом.

– У меня иное мнение.

Давина покачала головой и уже собралась пройти мимо, но Джеймс снова схватил ее за руку и не отпускал.

– У нас осталось незавершенное дело, – заявил он.

– Джеймс, я не собираюсь возвращаться в зал, чтобы танцевать с тобой, – проговорила Давина, не скрывая своего раздражения.

– Я сейчас не о танцах.

Озадаченная его словами, девушка нахмурилась, а Джеймс добавил:

– Ты собиралась поцеловать меня сегодня в лесу, но Лилея помешала нам.

У Давины перехватило дыхание.

– Ты прав, мы могли тогда поцеловаться, но момент был упущен.

– Рождество – особое время. Мы должны обменяться дружескими поцелуями в знак того, что не держим друг на друга зла.

– Джеймс, о чем ты?

– О дружеском поцелуе, – повторил он.

– Но здесь нет омелы, – слабым голосом прошептала Давина.

Джеймс окинул ее насмешливым взглядом.

– Нам омела ни к чему, – заявил он, вплотную приблизившись к ней.

Глядя в его глаза, Давина понимала, что ей с ним не совладать. Не совладать ей и с собой, со своими страхами. Она в тревоге ожидала приближения мучительного приступа.

– Не бойся, я ничего плохого тебе не сделаю, – прошептал Джеймс. – Я всего лишь хочу поцеловать тебя.

Его низкий и хриплый от страсти голос напомнил Давине о ее ощущениях в лесу, когда она была в его объятиях и ждала поцелуя. Тогда она тоже была взволнована, но то волнение было радостным и светлым, а сейчас... В этом мрачном пустынном коридоре ею овладел необъяснимый, но от этого не менее жуткий страх.

Давина изо всех сил боролась с подступающей паникой; она чувствовала, как кровь прилила к груди и как гулко забилось сердце. И казалось, она задыхается. Тихо всхлипнув, Давина отвернулась, но это нисколько не смутило Джеймса, и он стал целовать ее в шею и за ушком.

Давина замерла, прислушиваясь к своим ощущениям. Потом вздрогнула и, схватив Джеймса за плечо, прошептала:

– Не надо... Я не могу.

Джеймс опустил голову, прижавшись щекой к ее виску.

– Я прошу лишь о поцелуе, Давина. Об одном поцелуе.

Она облизала губы и вдруг почувствовала, что страх куда-то уходит. Целая вечность прошла с тех пор, как она в последний раз целовалась с мужчиной. И этим мужчиной был он, Джеймс. Она сильно изменилась с тех пор, и он – тоже. И все же...

Какой ей будет вред от одного невинного поцелуя? Всего один поцелуй – и все.

Давина прикрыла глаза и запрокинула голову. Джеймс крепко обнял ее, привлек к себе, и она замерла в напряженном ожидании. И тут губы его коснулись ее губ, и их прикосновение было сладостным, легким и неуверенным, словно он боялся, что она в любой момент отстранится.

Давина не ожидала от него такой трепетной нежности, она ведь видела перед собой очерстевшего сердцем воина. Но сейчас ее целовал кроткий и ласковый юноша, который каким-то чудом уживался в одном теле с новым, возмужавшим Джеймсом.

И в какой-то момент она вдруг почувствовала, как и тело ее, и душа начали заполняться чудесным теплом, и это тепло, казалось, околдовывало ее; близость – и физическая, и духовная – не обернулась для нее кошмаром. Напротив, вместо безотчетного панического страха она испытывала восторг. И чувствовала себя свободной.

Переполненная эмоциями, Давина прижала ладони к его груди и теперь уже сама искала губами его губы. Она почувствовала, как Джеймс замер на мгновение – очевидно, не ожидал этого, – но затем, забыв о нежности, он стал целовать ее по-настоящему, теряя от страсти голову.

Давина всхлипывала от счастья, ощущая, как просыпается ее плоть и оживает чувственность после долгого летаргического сна. Обвивая руками шею Джеймса, она

почувствовала жар его тела даже сквозь толстый бархат платья. И теперь уже она старалась прижаться к нему как можно крепче, словно пыталась наверстать все то, что упустила, находясь в долгом плену страха. В эти мгновения ей казалось, что она словно заново родилась.

А Джеймс, похоже, чувствовал, что с ней происходило. Он нежно прижимал ее к себе, обнимая за талию, и в море ощущений, нахлынувших на нее, легко было утонуть, забыться, всецело отдаться на волю страсти.

Наконец Джеймс прервал поцелуй, но по-прежнему держал ее в кольце своих рук. И оба тяжело дышали. Прошла секунда, другая... А затем он нежно провел ладонью по ее щеке.

Давина смотрела в его глаза, и голова ее шла кругом. Казалось, он лишь силой своего взгляда был способен приковать ее к себе, и она чувствовала радостную готовность подчиниться ему. В горле у нее запершило, она так и не смогла найти слова, чтобы выразить свои чувства.

Тут он взял ее за руку и поцеловал синюю жилку у нее на запястье. И сердце Давины тут же забилось быстрее. Она никак не могла отвести глаза от его глаз, но потом вдруг...

Внезапно в душе ее порвалась какая-то струна. И она, вздрогнув, высвободила руку. Переизбыток переживаний оставил странное – скорее неприятное – послевкусие... И теперь Давина уже недоумевала: как же могла она так бесстыдно броситься ему на шею? Еще одно мгновение – и все зашло бы необратимо далеко.

– Спокойной ночи, Джеймс, – прошептала она.

Не дав ему опомниться, Давина прошмыгнула мимо него и бросилась бежать, приподняв юбки. Она слышала, как Джеймс окликнул ее, но не оглянулась.

Хотя ей очень хотелось оглянуться.

– Как дела? – слышался знакомый голос.

Давина выпрямилась и обернулась. Джеймс стоял в нескольких ярдах от нее, у входа в теплицу, где она собирала побеги розмарина. Все утро Давина сознательно избегала его, и до сего момента ей это удавалось.

– Прекрасно, – ответила девушка, пожав плечами. Джеймс держался вполне непринужденно, и ее это раздражало. Ведь она-то почти всю ночь не спала, думая о своих ощущениях во время вчерашнего поцелуя. Увы, ей так и не удалось понять, что же все это означало...

– А как ты поживаешь? – задала она встречный вопрос.

– Так же, как и ты.

Джеймс переступил через грядку с пряными травами и направился к ней. Давина попятилась и оступилась. Он поддержал ее, и она тихо вскрикнула – то ли от неожиданности, то ли от неприятных ощущений, вызванных его прикосновением.

Джеймс тотчас отпустил ее, и Давина поспешила отступить от него на несколько шагов.

– Я сожалею о том, что напугал тебя вчера, – нахмурившись, сказал Джеймс.

– Ты вовсе не напугал меня, – призналась Давина, отводя глаза. – Я сама себя напугала.

– Не понимаю... – Он вопросительно взглянул на нее.

Она подняла на него взгляд – и тут же пожалела об этом. В глазах его была надрывавшая сердце тоска.

– Вчера со мной случилось временное помешательство, – сказала Давина. – Больше такого не повторится.

Джеймс помрачнел.

– Это еще почему?

– Потому что порядочной девушке не подобает так себя вести, – ответила Давина. Она уже приготовилась к вспышке гнева со стороны Джеймса, однако ничего подобного не произошло.

– Но тебе же понравились мои поцелуи, – сказал он.

– Да, – кивнула Давина, тихонько вздохнув. – На какое-то мгновение я снова стала той юной влюбленной девочкой. – Она покачала головой и, глядя ему прямо в глаза, добавила: – Но этот миг прошел.

– Ты не можешь простить меня, – с горечью в голосе пробормотал Джеймс.

– За поцелуи?

– Нет, за прошлое. – Он отвернулся, но Давина успела увидеть муку в его глазах. – Я не смог тебя защитить, не смог уберечь тебя.

– Их было шестеро, а ты был один. Лишь благодаря твоей храбрости и ловкости мы оба остались живы.

– Я опозорил и обесчестил и себя, и свой клан.

– Из-за этого ты и покинул Шотландию?

– Я должен был искупить свою вину. – Джеймс сделался мрачнее тучи. – И потому я вступил в ряды крестоносцев.

– И как, помогло это тебе?

– На время – да.

Давина снова отвела глаза и тихо проговорила:

– О, как бы я хотела избавить тебя от чувства вины, для которого нет никаких оснований.

– Мне сильно полегчало от твоих слов.

Ей показалось, что она услышала сарказм в его голосе. Взглянув на него, Давина убедилась в том, что не ошиблась.

– Тот день, Джеймс, ни для тебя, ни для меня не прошел без последствий.

– Я заметил, что ты боишься мужчин, однако в присутствии Малколма от твоего страха и следа не остается. Удивительно, как это у тебя так получается...

– Оказавшись вдали от дома, я волей-неволей должна была посмотреть в лицо своим страхам. И пусть медленно, но мне удастся их преодолевать. Малколм всегда был со мной терпелив и добр. Рядом с ним мне... уютно.

– А рядом со мной?

– С тобой мне гораздо спокойнее, чем с ним.

Джеймс ухмыльнулся, и Давина с удивлением осознала, что ее ответ был ему приятен.

– Тебе надо было перчатки надеть, – заметил Джеймс, словно невзначай коснувшись ее руки. – Пальцы у тебя как лед.

– Я вышла ненадолго. Я делаю саше для твоей матери и хотела добавить немного пряных трав. Она очень добра ко мне, и мне хочется сделать ей приятное.

Джеймс зажал ее ладонь между своими ладонями и стал растирать, согревая. Ощущение было очень приятное, но все изменилось, когда он начал поглаживать ее пальцы. Чувственная дрожь прокатилась по ее телу, и Давина, тихо вскрикнув, выдернула руку.

Джеймс взглянул на нее с удивлением и, тяжело вздохнув, проговорил:

– Приятно знать, что память меня не обманывает.

Эти его загадочные слова заставили Давину задуматься. В напряженном молчании она долго вглядывалась в его лицо, ничего не видя вокруг. И вдруг в ужасе вскрикнула, почувствовав, как что-то небольшое и покрытое шерстью пробежало по ее ноге. Девушка покачнулась – и упала в объятия Джеймса, который успел ее подхватить лишь благодаря отменной реакции.

– Кажется, по моему ботинку только что пробежала крыса, – задыхаясь, пробормотала Давина.

– Крыса? – Джеймс осмотрелся. – Я ее не видел.

Давина поморщилась и, передернув плечами, пробурчала:

– Терпеть не могу крыс...

Но Давину смущало не только присутствие этих отвратительных животных. Близость Джеймса влияла на нее как-то странно и необъяснимо – вызвала смятение чувств и путаницу в мыслях. Она продолжала твердо верить в то, что для их же с Джеймсом блага должна всячески избегать его, но в то же время ей действительно нравилось с ним целоваться. Нравилось гораздо сильнее, чем хотелось бы.

Давина осторожно высвободилась из его объятий.

– Мне надо возвращаться, – сказала она, словно оправдываясь.

А Джеймс тут же заявил:

– Мы с Малколмом будем сегодня биться на плацу. Победитель получит право первым танцевать с тобой завтра на рождественском балу. Ты придешь смотреть?

Давина уставилась на него в недоумении. Она никак не могла взять в толк, как так вышло, что Джеймс и Малколм – самые желанные женихи во всем Нагорье – боролись за ее внимание. Что за странная причуда судьбы?

– Мне совсем не хочется смотреть, как вы деретесь. Вы не могли бы хоть на несколько дней забыть о соперничестве?

– Мы же братья, а братья всегда соревнуются друг с другом.

– Но я чувствую себя виноватой в ваших бессмысленных ссорах. Бессмысленных, потому что ни один из вас не вызывает во мне никаких чувств.

Джеймс усмехнулся.

– Ты говоришь одно, а твои поцелуи – совсем другое.

Давина хотела возмутиться и даже уже раскрыла рот, но вдруг негромко рассмеялась. А следом за ней рассмеялся и Джеймс. После чего у нее сразу же полегчало на душе. Ведь если они могли вместе смеяться... Значит, все не так уж плохо.

Но Давина понимала, что не стоило предавать этому факту слишком большого значения.

Прикрыв ладонью пламя свечи, чтобы не задуло ветром, Давина шла следом за Малколмом и Лилеей. Сколько же людей принимало участие в этом шествии! Уже наступила ночь, и светящиеся огоньки, густо усыпавшие все пространство двора, казались живыми, волшебными...

– Мы как будто в сказке! – воскликнула Лилея.

– Это точно, – согласился Джеймс. Он протиснулся сквозь толпу и пошел с ней рядом. – Мы все держим свечи, освещая путь Святому семейству, чтобы ничего плохого не случилось с ними в ночь перед Рождеством.

– А где моя свеча? – спросила Лилея.

– На, возьми мою, – предложила Давина. Она задула свечу и протянула ее девочке.

Лилея поморщилась, глядя на тонкий дымок от угасшего пламени, но требовать, чтобы свечу снова зажгли, не стала – лишь прижала ее, еще теплую, к груди и тихо спросила:

– Когда здесь появится младенец Христос?

– Он приходит в полночь, – ответила девочке Кэтрин. – Хотя мы на самом деле его не увидим.

Лилея надула губы и пробурчала:

– Почему это?

– Он приходит в символическом смысле, – пояснил Джеймс.

Лилея вздохнула. Из того, что сказал дядя, она поняла лишь одно: никакого младенца не будет. Снова вздохнув, девочка заявила:

– Но я хочу увидеть младенца. И хочу поддержать его на руках.

– Ты еще слишком маленькая, чтобы держать на руках младенцев, – с улыбкой сказал ей Малколм.

– Папа, ну пожалуйста!.. – заныла малышка, и губы ее задрожали.

– Что это?! – громко воскликнул Джеймс. – Никак снег пошел? Я, кажется, поймал снежинку.

– Снег?! – оживилась Лилея. – Я очень люблю снег!

Джеймс взял девочку на руки.

– Тогда давай смотреть на небо. Может, еще одна снежинка упадет.

Уловка сработала. Лилея забыла о младенце и, запрокинув голову, уставилась в небо, ожидая обещанного снега. Давина же с удивлением смотрела на Джеймса; она увидела его с совершенно неожиданной стороны. Оказывается, он умел быть терпеливым. Похоже, девочка оказывала на него благотворное влияние. С ней он становился мягче и добрее.

Люди медленно шли к церкви, держа перед собой свечи. Небольшая церквушка не могла вместить всех желающих, и потому отец Доминик отслужил мессу перед храмом, у самодельного алтаря. Несмотря на холодный ветер, всем было тепло, потому что люди стояли, тесно прижавшись друг к другу.

Давина стояла вместе с ближайшими родственниками лэрда ближе всех к алтарю. Она шевелила губами, беззвучно повторяя молитвы, которые знала наизусть. Лилея уснула на руках у Джеймса еще до того, как закончилась служба, но, перед тем как заснуть, пробормотала, что хочет поддержать на руках младенца Иисуса. Джеймс передал девочку на руки отцу, чтобы тот

отнес ее в кровать.

Принц, верный пес, затрусил следом за Малколмом, несущим дочь на руках, и Давина была рада и за пса, и за девочку, чей покой охранял такой верный и бдительный друг.

Хотя этой ночью замок уснул позже обычного, с рассветом все уже были на ногах, что неудивительно – легко просыпаться с сознанием того, что тебя ждет праздник!

Не успели закончиться все пирожки с требухой, как пришло время сказок. Мужчины, женщины и даже некоторые подростки по очереди садились в большое кресло у жарко натопленного камина и потчевали своих родичей старинными преданиями. Конечно, рассказчика то и дело перебивали, поправляли, беззлобно над ним подтрунивали, предлагая свою версию всем знакомой истории. И все это сопровождалось шутками и смехом.

Эля и вина не жалели: когда же сказки стали надоедать, на смену им пришли песни. За толстыми стенами замка бушевала непогода. Ветер гнал по небу тяжелые тучи, а издали доносились зловещие громовые раскаты, предвестники холодного дождя – вовсе не волшебного снега. Но все это было там, снаружи, а здесь весело потрескивали поленья в огромных очагах, и благотворное тепло разливалось по замку – и от огня, и от людских улыбок.

Лилея устроилась на коленях у Давины, чуть подбрасывавшей ее в такт музыке. Занятие это отнимало немало сил, но зато дарило бездну радости и веселья обоим участницам игры, так что усталости не чувствовала ни та, ни другая.

В какой-то момент вдруг выяснилось, что из всех членов семьи вождя клана в зале осталась одна Лилея. И Давина догадалась, что взрослые пошли за подарками.

– Иди сюда, малышка. Твой дедушка принес поросят, – позвал дочь вернувшийся Малколм. Он забрал девочку у Давины и, любезно улыбаясь, спросил: – Вы поможете нам раздавать подарки?

– Раздавать поросят? – в недоумении переспросила Давина. – Вы дарите друг другу живых свиней на Рождество?

Малколм расхохотался, и смущенная Давина следом за ним направилась к столу, заваленному всякой полезной всячиной – от рулонов шерсти до фляг с элем. И еще там было много глиняных фигурок свиней с прорезями на головах.

– Вот и поросята, – сказал Малколм, указав на глиняные фигурки.

Давина с интересом наблюдала, как люди выстраивались в очередь. Сюда приходили целыми семьями, и каждый получал свой подарок. Женщинам доставались рулоны шерсти, мужчинам – эль, а самые младшие получали по глиняному поросенку. Получив подарки, семьи собирались кучками и уходили в сторону.

И вдруг, как по команде, глиняных поросят стали бросать на каменный пол. А вместе с черепками на пол посыпались спрятанные в поросятах монеты.

– По твоему лицу я вижу, что Армстронгам этот милый рождественский обычай незнаком, – заметила Айлен.

– Я действительно многое вижу здесь впервые, – призналась Давина. – Мой дядя на Рождество собирает арендную плату, а подарков никто никому не дарит, – добавила девушка, дивясь тому, как сильно отличались здешние празднования Рождества от тех, что она видела дома.

У Армстронгов никаких увеселений на Рождество не было. И только в канун Нового года накрывались столы и люди пировали, пели песни и танцевали всю ночь. Окончание пира знаменовалось традиционным благословением людей и животных, давшим защиту от темных сил.

Но было ясно, что канун Нового года отмечали и здесь – Давина поняла это, заметив, что не все собранные можжевельные ветки были использованы для украшения зала, а остатки не

выбросили и не сожгли, а заботливо сложили в дальнем углу, прикрыв льняной тканью. Но какие же запасы продуктов надо иметь, чтобы позволить себе столько пировать?

А между тем столы заполнялись блюдами с жареными гусями, олениной и рыбой, а также луком, горохом, бобами, пирожками и кувшинами с пряным вином, элем и виски.

Несмотря на то что завтрак был не так давно, все ели с завидным аппетитом. Вновь заиграла музыка, и вновь начались танцы.

– Славные люди здесь живут, – сказала, подсев к Давине, ее компаньонка. – Они работают на совесть, но и веселятся от души.

– Трудно не заметить их жизнелюбия, – согласилась Давина.

В этот момент к ним подошел высокий широкоплечий мужчина с седыми висками. Неуклюже поклонившись, он сказал:

– Вы не окажете мне честь: не согласитесь ли со мной потанцевать?

Давина растерялась, решив, что приглашают ее. Но она осознала свою ошибку, заметив, как зарделась румянцем ее компаньонка.

Колин не стала ломаться. С улыбкой поднявшись, она взяла кавалера под руку и пошла танцевать.

Через минуту-другую к Давине подошел Малколм.

– Потанцуем? – с галантным поклоном предложил он.

Давина не успела ничего ответить, как рядом оказался и Джеймс.

– Я вышел победителем в нашем поединке, и мне обещали, что Давина будет танцевать со мной, – заявил он.

– Нет, у нас была ничья, – покачав головой, возразил Малколм.

– Я победил, – стоял на своем Джеймс.

– Ничья, – повторил Малколм.

Давина невольно вздохнула. Опять?... О нет, только не это!

А Джеймс был непреклонен. Надеялся добиться ее расположения? Или просто ухватился за еще одну возможность обойти брата? Давина не знала, что думать.

К счастью, ее выручила Айлен.

– Джеймс, пойдем потанцуем, – сказала она. – Твой отец говорит, что слишком устал.

– Не надо было так много есть, – проворчал Джеймс. Впрочем, выбора у него не было – пришлось танцевать с матерью.

А Давина и Малколм тотчас же встали в круг вместе с другими парами. Давина пыталась наблюдать за Джеймсом, но наблюдать за ним она могла лишь украдкой; к тому же она не очень хорошо знала фигуры этого старинного шотландского танца, так что ей то и дело приходилось смотреть себе под ноги.

За мгновение до того как закончился танец, Малколм неожиданно потащил ее за полог гобелена, что свисал с потолочных балок. Давина так растерялась, что даже не пыталась сопротивляться. Когда же они оказались в крохотном алькове, в котором едва смогли уместиться, она все же высвободила руку и осмотрелась. Из узкого стрельчатого окна лился серебристый свет, придававший всей обстановке какую-то особую романтическую таинственность. Идеальное место для любовных утех. Или для предложения руки и сердца.

И только Давина собралась возмутиться, как к ним под полог нырнула Лилея. Громко хихикая, она вручила отцу букет, после чего тут же исчезла.

– Мне не хотелось вручать вам свой скромный подарок при всех, – сказал Малколм, протянув ей букет. – Вот, держите.

Давина вмиг забыла о том, что злилась.

Изящные белые цветы с соцветиями в форме капель, зеленовато-серебристыми стебельками

и широкими листьями были перевязаны широкой белой атласной лентой.

– Живые цветы зимой. У меня нет слов.

– Вам они нравятся?

– Да, очень. Они такие изящные, такие красивые...

– Их называют подснежниками. Встречаются они редко, но если знать места, то найти их можно. К счастью, последние дни были довольно солнечные, и они смогли распуститься.

Давина поднесла цветы к лицу. Аромат был едва уловимый, но приятный. Чуть сладковатый и нежный, напоминавший о весне, предвестниками которой и являлись эти цветы. Давина подняла глаза на Малколма, но сразу забыла все те слова благодарности, что собиралась ему сказать. Взгляд его, казалось, обжигал желанием, и ей вдруг захотелось только одного – побыстрее укрыться у себя в комнате.

– Ох, что же я стою? Надо сейчас же поставить цветы в воду... – затараторила Давина. – Знаете, я тоже приготовила для вас подарок. Это вышивка. Она совсем маленькая, но...

– Давина, выслушайте меня. – Малколм поднес ее руку к губам, потом тихо спросил: – Скажите, вы согласны стать моей женой?

– Право же, вы зря считаете себя обязанным делать мне предложение! Я не думаю, что ваш отец говорил серьезно, предлагая выдать меня замуж за одного из мужчин вашего клана, – сказала Давина, пытаясь высвободить руку.

– Маккена если что-то говорит, то только всерьез. – Продолжая удерживать ее руку, Малколм подступил к ней почти вплотную. – И поверьте, Давина, это будет лучший для вас выбор. Кроме того... Ведь вы, конечно, осознаете, что очень мне нравитесь. Но эта симпатия вполне может привести и к более глубокому чувству.

Давина окинула его взглядом. Ошеломленная внезапным открытием, она подумала о том, что вполне могла бы ответить ему согласием, будь ее сердце свободно. Она вдруг поняла, что мужчины уже почти не внушали ей страха. Хотел Малколм того или нет, но он помог ей справиться с некоторыми из ее страхов, помог ей выбраться из тюрьмы, в которую она сама себя загнала. И за это она всю жизнь будет ему благодарна.

– Из меня не получилась бы хорошая жена, – пробормотала Давина.

– Мать Лилеи была хорошей женой, вернее – правильной. И она решила, что ее единственное в жизни предназначение – угождать мне. Она отчитывалась передо мной за все свои траты и всегда, прежде чем что-нибудь сделать, заручалась моим согласием. Если же меня не было рядом, она с большой неохотой делала свой выбор, всегда основывая его на собственном представлении о том, что сделал бы я на ее месте.

– Да она была просто святая!

– Многие с вами согласятся, – кивнул Малколм. – Многие, но не я. Конечно, я относился к ней с почтением и уважением. И терпел, как мог. Но грустная правда состоит в том, что она была больше ребенком, чем женой. И у нее никогда не было никакого собственного мнения.

Давина наконец высвободила руку и торопливо перекрестилась.

– О мертвых нельзя говорить плохо, – пробормотала она.

Малколм вздохнул и провел ладонью по волосам. Вид у него сейчас был глуповато-растерянный.

– Я не хотел проявлять неуважение к покойной жене. Просто хотел быть с вами честным.

– Откровенность за откровенность, Малколм. Честное слово, я буду вам ужасной женой.

– Я хочу иметь жену, у которой есть собственное мнение. И хочу, чтобы она, не стесняясь, высказывала его. А вы, Давина, как раз такая. Вы могли бы составить счастье всей моей жизни.

– Нет, Малколм, не могла бы.

– Лилея вас обожает. Она рассказала мне, как упала в расщелину между камнями, когда вы

были в лесу. И рассказала, как вы ее спасли.

– Это не так, – сказала Давина, покраснев. – Только благодаря Джеймсу мы обе остались целы. Но я рада, что Лилея рассказала вам об этом. Она знала, что поступила дурно, убежав от нас, и боялась наказания за свой проступок.

– Что ж, я должен признаться, что кричал на нее очень громко. – Малколм помолчал и добавил: – И я точно знаю, что девочке, растущей без матери, нужна такая мачеха, как вы.

Давине было искренне жаль малышку Лилею, хотя она и росла в любви и достатке и была избалована донельзя. Честно признаться, Давина искренне к ней привязалась. Малколм предлагал ей то, о чем женщина в ее возрасте могла только мечтать, – предлагал хорошую, крепкую семью. Да, это было заманчивое предложение, ничего не скажешь. Но только Малколм был не тем мужчиной, которого она любила.

– Как вам не стыдно использовать собственную дочку как наживку, – полушутя сказала Давина.

– Вы, наверное, единственная женщина, которая считает Лилею «наживкой». – Малколм блеснул белозубой улыбкой. – И в этом еще одна причина моей убежденности в том, что вы та самая, на которой я должен жениться.

– Я польщена. Вы делаете мне честь своим предложением, но я вынуждена его отклонить.

– Почему?

– Из-за Джеймса.

Давина едва слышно прошептала его имя, но Малколм все равно услышал.

– Вы уже приняли его предложение? – процедил он сквозь зубы. – Но Джеймс ведь не хочет на вас жениться. Он сам мне об этом говорил. И не только мне.

– Я не получала от него предложения руки и сердца, – сказала Давина, посчитав, что не погрешила против истины. Малколм ничего не знал о том, что было между ней и Джеймсом в прошлом.

– Мой брат заявил, что не станет за вами ухаживать, – проворчал Малколм. – Но стоит мне к вам приблизиться – он тут как тут. Скажите мне правду, он нравится вам больше, чем я?

– У нас с Джеймсом есть прошлое. – Давина судорожно сглотнула. – Романтическое прошлое.

Малколм натянулся как струна.

– И прежние чувства вспыхнули вновь?

– Не совсем так. Но это прошлое никуда не денется. И оно всегда будет стоять между вами и мной.

Тень легла на лицо Малколма.

– Мой брат тысячу раз дурак, если не осознает, какое сокровище идет ему в руки.

– Мы оба дураки – и ваш брат, и я, – прошептала Давина. Она была благодарна Малколму за то, что он не стал допытываться, что на самом деле было между ней и Джеймсом.

– Я мог бы поговорить с Джеймсом от вашего имени, – сказал он после долгого молчания. – Только, боюсь, он не станет меня слушать. И потому я буду говорить с вами, Давина. Не разбрасывайтесь тем, что так трудно обрести и удержать.

– То, о чем вы говорите, уже потеряно, – с трудом пробормотала Давина; в горле стоял ком, мешавший говорить.

– Если бы было так, как вы утверждаете, вы приняли бы мое предложение, – возразил Малколм. Обернувшись, он отодвинул край шпалеры и добавил: – Вот-вот снова заиграет музыка. Могу я пригласить вас на следующий танец?

– Простите, но мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя, – ответила Давина.

Малколм молча кивнул, и Давина вздохнула с облегчением. Когда же он ушел, на смену

радости пришло чувство вины. Прижимая к сердцу букет, Давина думала о том, как все запуталось в ее жизни. Наверное, пришла пора исправлять свои ошибки.

От размышлений о превратностях судьбы ее отвлекли чьи-то шаги. Давина подумала, что это Малколм вернулся, но в следующее мгновение она оказалась лицом к лицу со своей компаньонкой. И Колин, судя по выражению ее лица, осуждала Давину.

– Сэр Малколм мрачнее тучи. Он сделал вам предложение, и вы ему отказали, верно?

– Верно, – со вздохом призналась Давина. – И тебе ли, Колин, не знать, почему я так поступила.

– Я знаю, миледи, вы поехали сюда для того, чтобы вернуть себе жизнь, которую потеряли. И до сих пор у вас все неплохо получалось. Вот только... Чтобы начать жизнь сначала, надо забыть о прошлом. И вы должны это сделать. Вместе с Джеймсом.

Давина со вздохом опустила глаза и прошептала:

– Да, я знаю.

Она решилась поехать сюда, в замок Маккены, от отчаяния. Ей надо было найти в себе силы жить дальше, и чудесным образом эти силы нашлись. Но то, в чем она нуждалась больше всего, ей мог дать только Джеймс. И именно поэтому она должна была знать наверняка, что способна на близость с мужчиной.

Давина спускалась по ступеням, одной рукой держась за стену, другая же рука так сильно дрожала, что пламя зажатой в кулаке свечи металось из стороны в сторону, отбрасывая на стены и жуткие скачущие тени.

«Святые угодники, что я делаю?» – спрашивала себя Давина. Она специально ждала, когда все в замке уснут, и лишь после этого предприняла столь отчаянную вылазку. Сейчас ей ужасно хотелось бегом вернуться в свою комнату и запереть на засов дверь, но она, пусть и замедляя с каждой минутой шаг, все же шла к своей цели.

После долгих раздумий о своей будущей жизни Давина пришла к выводу, что должна раз и навсегда понять, сможет ли она жить в браке или нет. И в результате решила остаться у Джеймса на ночь, разделив с ним ложе. Если она выдержит это испытание, то тогда уже сможет строить планы на будущее. А если нет... Значит, ей одна дорога – в монастырь. Впрочем, одно дело составить план, совсем другое – претворить его в жизнь.

Давина потянула за ворот рубашки. Ей было душно, она задышалась. Возможно, кто-то назвал бы этот ее шаг безумным, но она пошла на него от отчаяния.

Добравшись наконец до спальни Джеймса, Давина уже не чувствовала собственного тела. Она не решалась ни постучать, ни войти без стука – все силы уходили на внутреннюю борьбу. На борьбу с желанием развернуться и уйти. Наконец, набравшись храбрости, она широко распахнула дверь и сказала:

– Джеймс, я должна с тобой поговорить.

В ответ – тишина.

– Джеймс!.. – позвала девушка.

Давина впиалась взглядом в бархатный балдахин, за которым невозможно было разглядеть Джеймса. Если, конечно, он действительно сейчас лежал там. Давина решилась подойти поближе. Не может быть, чтобы он ее не слышал! Неужели он так крепко спал? Впрочем, Джеймс немало выпил за праздничным столом, а значит, сон его крепок.

Осторожно ступая, Давина подошла к кровати. Если Джеймс пьян, то почему спит так тихо? Ни храпа, ни сопения. Совсем никаких звуков...

Давина приподняла балдахин и провела рукой по одеялу. Никого. Она со вздохом опустила балдахин. Отступив на шаг от кровати, невесело рассмеялась. Все ее страхи, все ее планы и

раздумья оказались пустой тратой времени и сил. Джеймса не было в комнате.

Давина подошла к стене, прислонилась к ней спиной и опустилась на корточки. Со злости она даже ударилась о стену головой.

Может, судьба дает ей знак, показывает, что она поторопилась со своими далекоидущими планами?

Но где же он в такое время? Может, спит сейчас с какой-нибудь развязной девицей? От этой мысли у Давины перехватило дыхание. Неужели она ревнует? Ох, если так, то плохи ее дела...

Возможно, пришло время пересмотреть свой план. Если она уйдет сейчас, то никто никогда не узнает о ее глупости. Но тогда она так ничего для себя и не выяснит.

Давина расправила плечи. Отступать поздно. Как решила, так и надо поступать. А там будь что будет.

Снова приблизившись к кровати, Давина уселась и стала ждать хозяина комнаты.

Злой и усталый, Джеймс вошел в свою спальню и с удивлением обнаружил, что она освещена. На столе догорала свеча. Непозволительная расточительность! Но кому из слуг могло прийти в голову оставить горящую свечу в пустой комнате? Хотя чему удивляться? По возвращении домой все здесь казалось ему непонятным и странным.

Сначала Джеймсу хотелось отыскать своего пажа и хорошенько отчитать за промашку. Но будить паренька было жалко. Да и лень. Ничего, утром мальчишка свое получит.

Джеймс зевнул, потянулся – и замер. Он почувствовал, что в комнате кто-то находился – прятался за балдахином.

Джеймс выхватил из-за пояса нож и, крадучись, стал подбираться к кровати.

Внезапно скрипнула доска у подножия кровати. И тонкая девичья рука отодвинула край балдахина.

– Давина?! Как ты меня напугала! – Джеймс бросил нож на стол.

В ужасе глядя на клинок, девушка пробормотала:

– Должна признаться, я не ожидала такого приема.

– Я думал, меня хотят убить, – оправдываясь, ответил Джеймс. И тут же, прищурившись, спросил: – Зачем ты пришла?

– Разве не ясно, чего хочет женщина, которая тайком пробирается в комнату мужчины среди ночи? – хриплым от волнения голосом проговорила Давина.

Джеймс отшатнулся – словно от удара. В первую очередь на это заявление Давины отреагировал его детородный орган, причем реакция этого органа была бурной и стремительной; и лишь после этого заработали и мозги. Давина пришла к нему в одной белой ночной рубашке, но рубашка эта была скромная, девичья, с глухим воротом и длинными рукавами. Волосы же ее были аккуратно заплетены в косу и...

Внезапно Джеймс заметил выбившийся из косы завиток у виска. А по-девичьи тонкая белая шея, которой он совсем недавно касался губами, так и притягивала взгляд... Но Джеймс стоически терпел, не поддаваясь искушению.

– Ты пила вино? – поинтересовался он. Потому что только во хмелю ей могло прийти в голову явиться к нему среди ночи. Иного объяснения ее поступку он не находил.

– Один бокал. Для храбрости, – честно призналась Давина. – Но я не пьяна. Я знаю, что делаю.

– Тогда... Не сочти за труд, объясни мне, что именно ты делаешь. Потому что я совершенно ничего не понимаю.

– Я хочу разделить с тобой постель этой ночью, Джеймс.

Он выразительно хмыкнул и покачал головой.

– Боюсь, у нас ничего не получится. Счастливыми супругами нам не стать – прошлый опыт не даст.

– Я не прошу тебя на мне жениться, Джеймс. Я лишь прошу тебя лечь со мной и помочь мне похоронить прошлое раз и навсегда.

– Вроде ты и говоришь внятно, только я никак не возьму в толк о чем.

Джеймс заметил, что руки ее дрожали, но голос-то не дрожал. А взгляд был твердым и решительным.

– Невинная девушка, которая верила в то, что судьба ее любит, умерла в тот недоброй памяти день, который изменил нас обоих. Я плохо помню детали, но я не могу забыть свой страх и свою беспомощность. Знаешь ли ты, каково это – бояться собственной тени? А знаешь, как

унизительно сознать, что ты не можешь выйти из дома, потому что у тебя от страха зубы выбивают дробь и сердце заходится?

Джеймс тихо выругался, а она продолжала:

– Ты этого не знаешь, Джеймс, а вот я знаю. Ты пытался утешить меня в ту ночь после нападения, а я прогнала тебя, потому что не могла посмотреть правде в глаза. Все эти пять лет я прожила затворницей, надеясь облегчить боль, но лишь делала себе хуже. Столько лет я молила Бога о том, чтобы Он дал мне сил. Я пыталась заглушить боль одурманивающими снадобьями, и они помогали мне забыться, давали передышку от тех кошмаров, что снились мне каждую ночь.

Джеймс вздохнул и пробормотал:

– От боли не убежать, Давина. Она повсюду будет следовать за тобой. Единственный способ с ней справиться – это повернуться к ней лицом и сразиться. Сразиться и победить.

– Но не ты ли, Джеймс, бежал от этой боли с крестоносцами до самой Святой земли?

Он что-то невнятно прорычал, и Давина, пожалев о своих словах, опустила голову.

– Прости меня, Джеймс. Я не вправе тебя осуждать. Я обошлась с тобой жестоко, несправедливо. Ты делал то, что должен был делать, чтобы выжить.

– Понятно. Ты чувствуешь себя виноватой передо мной и решила откупиться, отдавшись на одну ночь, так?

– Нет, не так, Джеймс. Я надеюсь порвать с прошлым и наконец вырваться из ловушки страха.

– Значит, ты больше не боишься близости с мужчиной?

Она судорожно сглотнула.

– Я больше не боюсь смотреть правде в лицо. А если я не девственница, то что ж, значит, так тому и быть. На самом деле для меня это даже неважно, я все равно всегда буду чувствовать себя обещанной.

– Я должен был тебя уберечь, – с мукой в голосе сказал Джеймс.

Давина взяла его за руки и, пожимая их, проговорила:

– Перестань себя винить. На самом деле ты меня спас. Мы оба живы лишь благодаря тебе.

Джеймс поднес ее руки к губам. Поцеловав каждую, тихо сказал:

– Я не заслуживаю твоего прощения.

– Да что это с тобой?! – в досаде воскликнула Давина. – Мне не за что тебя прощать! Ты ни в чем виноват, и ты все сделал правильно!

Джеймс прикусил язык. Не хватало им еще затеять ссору. Все равно они ничего друг другу не докажут. Он будет нести свой груз вины до могилы, но то, что Давина его не осуждала... Это все же немного облегчало ношу. Однако в любом случае он не имел права рассчитывать на то, что она заполнит пустоту в его сердце.

– Меня тоже мучают кошмары, – признался Джеймс.

В глазах ее появился влажный блеск, подбородок задрожал, но ни одна слезинка не пролилась. Она постаралась сдержать слезы, и ей это удалось. Пусть маленькая, но победа.

– Джеймс, давай объединимся в борьбе против этих кошмаров и навсегда изгоним их из нашей жизни.

– Мы оба по опыту знаем, что нет смысла проливать слезы над тем, что навсегда утеряно, и мечтать о том, чему не сбыться.

– Я не верю, что эта наша новая встреча случайна, – продолжала гнуть свое Давина. – Слишком много невероятных совпадений. Судьба дает нам шанс, один на тысячу, и мы не имеем права его упустить. Я хочу, чтобы мне вместо кошмаров снились наши любовные объятия.

Джеймс был в смятении. Ему совсем не хотелось заглядывать себе в душу, чтобы выявить чувства и ощущения, внезапно проснувшиеся и требовавшие выхода. Пытаясь выиграть время, он

подбросил дров в небольшой очаг. Жар поленьев почти тотчас же разогнал зябкий холод, царивший в спальне, но леденящий душу страх, давно уже поселившийся в его сердце, никакой огонь прогнать не мог.

Если он возьмет ее сейчас, то ему останется только одно – назвать эту женщину своей женой. Мужчины клана Маккены иначе не поступали. Но готов ли он на такой шаг?

Глядя на Давину, он испытывал смешанные чувства. Причем не просто смешанные – взаимоисключающие. Как бы ему ни хотелось верить в то, что чувства его уже в прошлом, он по-прежнему желал ее. И все же сильнее желания обладать ею была потребность защищать ее. Вину за прошлые ошибки не загладить ничем, как ничего он не мог поделаться и с ее болью. Но, быть может, он мог бы как-то уменьшить ее боль... Да, наверное, мог бы. Но тот ли она выбрала путь?

– Ты предлагаешь опасную игру, – сказал он наконец. – Женщина должна быть очень осмотрительной, когда она отдает свое тело мужчине.

Даже при скудном освещении Джеймс увидел, как вспыхнули ее щеки. Он не торопился сокращать дистанцию – и в то же время не чувствовал в себе решимости отказаться от того, что она предлагала.

– Я все очень хорошо обдумала. И верю, что ты будешь осторожен и нежен, – тихо ответила Давина. – Я доверяю тебе и знаю: если страх мой будет расти, ты остановишься.

– Я мужчина, Давина. И я не святой. Если дело зайдет слишком далеко... – Джеймс не стал объяснять очевидное. Честно говоря, он рассчитывал на то, что она, испугавшись, сбежит от него.

А Давина, глядя на него с мольбой, заявила:

– Да ведь я потому и пришла... Я хочу, чтобы до этого дошло.

Джеймс не знал, что на это ответить. И молча обдумывал ситуацию. Конечно, она потешила его мужское тщеславие тем, что пришла к нему, а не к Малколму. Но если бы он отклонил ее предложение, как бы она поступила тогда? Стала бы искать утешения в постели Малколма?

Ее поступок был весьма необычен, и Джеймс все никак не мог решить, как ко всему этому относиться. С одной стороны, он понимал, как нелегко ей было на такое решиться и сколько мужества ей потребовалось, чтобы явиться к нему с таким предложением. Ее все еще преследовали кошмары и страхи, но она не сдавалась, а пыталась с ними бороться – и это не могло не восхищать.

Но методы борьбы она выбрала очень странные. Говорят, мужчине не дано понять женскую логику, и, пожалуй, так и есть. Так как же ему поступить? Переспать с ней? Да, ужасно хотелось. И все же... Что, если, согласившись на ее предложение, он только все испортит? При мысли об этом Джеймс горько усмехнулся. Испортит? Но отношения между ними и так хуже некуда...

Если бы он мог, щелкнув пальцами, развеять все ее тревоги и страхи! Но в чудеса верят разве что малые дети – такие как Лилея.

Так что же привело Давину к нему? Отчаяние? Расчет? И смогут ли они, объединив усилия, сбросить с себя груз прошлого? Или этот груз раздавит обоих?

Терзаемый сомнениями, Джеймс проговорил:

– Ты должна знать, что я не смогу дать тебе никаких обещаний. – Он втайне рассчитывал на то, что она обидится и уйдет.

Но Давина нисколько не обиделась. Все так же сидела на краю его кровати и, обхватив плечи руками, смотрела в пол.

– Да, понимаю, – тихо сказала она.

– Тебе все равно, женюсь я на тебе или нет?

– Я знаю, чего хочу. Вернее... знаю, кого хочу. Я хочу тебя, Джеймс, вот и все.

– А по тебе, девочка моя, не видно, чтобы ты меня хотела, – с улыбкой заметил Джеймс.

Она улыбнулась ему в ответ, и он подумал: «Теперь-то она поймет, что лучше бы нам расстаться по-дружески, и уйдет восвояси».

Но Давина уходить не собиралась. Облизав губы, встала с кровати и, раскрыв объятия, шагнула к нему. От ее цветочно-пряного запаха голова Джеймса пошла кругом. А она смотрела ему прямо в глаза, в которых – он в этом не сомневался – видела одолевавшее его неистовое желание.

«Моя похоть отпугнет Давину, и этому безумию настанет конец», – промелькнуло у Джеймса. Но Давина и не думала отступать.

– Ты можешь хотя бы поцеловать меня? – прошептала она.

От сладкого предчувствия сердце его сделало кульбит, но сам Джеймс словно окаменел – он стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Давина же приблизилась к нему вплотную и, обвивая руками его шею, приподнялась на цыпочки.

– Джеймс, пожалуйста... – тихо прошептала она ему в ухо.

И тут он не выдержал – крепко прижал ее к себе, а она, запрокинув голову, посмотрела на него снизу вверх. Глядя в ее затуманенные страстью глаза, Джеймс почувствовал, что обойтись лишь поцелуем уже не сможет. Что же касается поцелуя... Он не мог не исполнить ее просьбу и потому, взяв ее лицо в ладони, прижался губами к ее губам. Губы ее тотчас же раскрылись – и свершилось чудо; он будто прозрел и увидел все в совершенно новом свете – ярком и радостном. И он вдруг осознал всю бессмысленность своей борьбы с зовом плоти. Давина же тем временем покрывала поцелуями его лицо, и каждый ее поцелуй он принимал с благодарностью и восторгом.

Сопротивляться желанию было мучительно трудно, однако это сопротивление придавало ощущениям особую остроту. Но Джеймс сдерживал себя вовсе не ради остроты ощущений; он делал это ради нее, Давины. Она сама к нему пришла – так пусть поведет его дальше, до самого конца. Он будет следовать за ней, каких бы титанических усилий ему это ни стоило.

– Джеймс, пожалуйста... – снова прошептала она. И тут же принялась освобождать его от одежды.

Джеймс умирал от желания прийти ей на помощь, однако терпел эту сладостную муку. Он чувствовал, что вот-вот утратит контроль над собой, но до того, как это произойдет, он должен был сказать ей правду.

– Я был обижен на тебя и зол, но мои чувства к тебе никогда не менялись, – прошептал он.

– Я безмерно тебе благодарна за то, что ты все еще меня хочешь... несмотря на все мои изъяны, – прошептала в ответ Давина, и по щеке ее скатилась слезинка.

– Господи, Давина, только не плачь! – воскликнул Джеймс.

Она ласково улыбнулась ему.

– Слезы мои – слезы радости, а не печали. Я так долго этого ждала, Джеймс. Я хочу быть твоей.

И тут Джеймс почувствовал, что прежний страх тащит его туда, где безопасно, – под панцирь грубости и безразличия. Давина, очевидно, тоже это почувствовала, потому что глаза ее погрузнели. И ему впервые стало по-настоящему страшно. «А что, если, забравшись под этот панцирь, я больше никогда не смогу из него выбраться», – подумал Джеймс. Хм... странная мысль. И страх беспричинный. Но все же...

Тихо вздохнув, он провел ладонью по волосам и, оставив сопротивление, рухнул на кровать, закрыл глаза и скрестил на груди руки.

Он почувствовал, как прогнулся матрас, когда Давина легла с ним рядом. И он чувствовал ее волшебный, опьяняющий запах. Едва заметно улыбнувшись, Джеймс на мгновение приоткрыл

глаза и прошептал:

– Твоя взяла. Делай со мной все, что пожелаешь.

А она не могла отвести от него глаз. И сердце ее стучало быстро-быстро. Когда Джеймс вот так, неподвижный, лежал на спине, он напоминал себя прежнего. Давина со вздохом закрыла глаза. Нет, никаких воспоминаний! Есть только настоящее – и ничего больше.

Прислушавшись к себе, Давина не обнаружила в своей душе страха. Была лишь страсть. И нежность. И желание. И если у нее еще оставались какие-то сомнения в том, что она поступала правильно, то сейчас они окончательно исчезли. Теперь оставалось лишь понять, что делать дальше. Она ведь должна его соблазнить, верно?

Давина нервно облизала губы. Было бы куда проще уступить инициативу Джеймсу, но он явно к этому не стремился – всем своим видом давал ей понять: если она хотела осуществить задуманное, то должна действовать самостоятельно. При этой мысли щеки ее вспыхнули, и она замерла в растерянности.

Джеймс наконец-то открыл глаза, и она увидела вспыхнувшие в них лукавые огоньки – он все прекрасно понимал. Но Давина нисколько не обиделась – напротив, его веселье, как ни странно, помогло ей избавиться от излишней нервозности. Ведь теперь Джеймс не казался таким неприступным и суровым...

Приподнявшись на локте, Давина прижалась губами к его щеке. Щетина на ней была колючей, но ощущения оказались скорее приятными. Осмелев, она поцеловала его в губы, почувствовав на них сладкий привкус вина. И постепенно притухшие было угольки желания вновь раскалились, ей уже захотелось иных поцелуев, не столь целомудренных.

– Ты целовать меня собралась или щекотать? – пробормотал Джеймс.

– Целовать, – ответила она и провела кончиком языка по его губам, заставляя их раскрыться. И стоило ей добиться желаемого, как весь ее пыл, годами не знавший выхода, вырвался наружу. И теперь уже Джеймс не бездействовал – он с громкими стонами целовал ее в ответ.

Давина не понимала, что с ней происходило; оказалось, что в ней открылись такие бездны, о существовании которых она даже не подозревала. Ее бросало то в жар, то в холод, и внезапно их с Джеймсом одежда стала ужасно ей мешать. Долой все барьеры! И она принялась стаскивать с него тунику. Следом за туникой на полу оказалась и его льняная рубаха.

Затаив от восторга дыхание, Давина любовалась обнаженной грудью Джеймса. На время забыв о штанах, что все еще были на нем, она поглаживала эту восхитительную грудь.

Джеймс был худощав и мускулист, ни унции лишней плоти. А многочисленные шрамы ничуть не умаляли красоты его тела. Сейчас он снова лежал абсолютно неподвижно, и лишь исходившее от него тепло напоминало о том, что под ее пальцами не мрамор, а живая плоть. Что ж, значит, ей предстояло «оживить» этот теплый мрамор, заставить его чувствовать.

Наклонившись над ним, Давина прижалась щекой к его обнаженной груди. Затем прижалась к ней губами и лизнула языком. Она слышала, как гулко билось его сердце, и слышала, как тяжело он дышал.

Приободрившись – она поняла, что действовала правильно, – Давина стала ласкать его более настойчиво. И Джеймс, сделав глубокий вдох, глухо застонал. Решив довериться интуиции, Давина провела ладонью по его животу, затем – по штанине из мягкой шерсти, под которой прощупывались крепкие мышцы. Немного помедлив, она мысленно воскликнула: «Долой все лишнее!» И тотчас же принялась развязывать тесьму на его штанах. Успешно справившись с этим делом, она стащила с него штаны. Джеймсу ужасно хотелось рассмеяться, но он терпел и лишь на последнем этапе не удержался, издав нечто среднее между смехом и мычанием.

Впрочем, Давина его, кажется, не услышала – так поразило ее открывшееся перед ней зрелище. Как замороженная смотрела она на его могучее древко – твердое как камень и дерзко

устремленное вверх, к потолку. Движимая любопытством, она принялась исследовать его на ощупь, дивясь каждому своему открытию. И почему-то, прикасаясь к нему, она и сама все сильнее возбуждалась. И вдруг почувствовала, как набухает ее грудь и как твердеют соски. А потом ей захотелось все проверить, какова же на вкус восставшая мужская плоть. Но хватит ли у нее на это дерзости? Хм... еще как хватит!

Для начала Давина прижалась губами к курчавому треугольнику волос, окружавшему его устремленную вверх плоть. И реакция последовала незамедлительно – Джеймс рывком приподнял бедра. Давине даже показалось, что у него это получилось непроизвольно. Окрыленная успехом, она лизнула Джеймса в пах – и бедра его снова приподнялись, на сей раз – еще выше. К тому же он тихо застонал.

– Тебе нравится? – шепотом спросила Давина.

Из горла его вырвался смех, который тотчас же перешел в стон.

– Ты меня убиваешь, девочка... – прохрипел Джеймс.

– Так что же я должна делать? – поинтересовалась Давина.

– Что хочешь. – Он снова застонал.

– А могу я... еще раз прикоснуться к тебе?

– Да, да, да... – Теперь уже стоны следовали один за другим.

Давина лизнула возбужденную мужскую плоть – и замерла в изумлении. Плоть эта стала расти прямо у нее на глазах.

– Ты это специально делаешь? – спросила Давина.

– Делаю – что? – Джеймс снова застонал.

– Ну... заставляешь эту штуку увеличиваться...

– Эта штука – она сама себе хозяйин, – прохрипел Джеймс.

Давина облизала губы.

– Я хочу приручить этого зверя, – объявила она – и совершила немыслимое: накрыла «зверя» губами и втянула в рот.

И в тот же миг Джеймс содрогнулся всем телом – содрогнулся так, словно в него ткнули раскаленной кочергой. Давина в страхе отпрянула. А Джеймс, повернувшись к ней спиной, спустил ноги на пол. Давина в недоумении уставилась ему в спину. Она не могла понять, что сделала не так. Ей казалось, что ему нравилось то, что она делала, а теперь вдруг...

Джеймс сделал несколько глубоких вдохов, потом повернулся к ней лицом. Давина постаралась не показать ему своего разочарования.

А он вдруг сообщил:

– Знаешь, у тебя удивительные губы...

Давина откашлялась и пробормотала:

– Но если так... тогда я хочу снова попробовать.

– Да-да, конечно. Обещаю не жаловаться, – сказал Джеймс с какой-то странной хрипотцой.

Давина пододвинулась к нему и положила голову ему на плечо. А он снова улегся, и теперь она уже без всяких колебаний взялась за дело – принялась ласкать его и целовать. В какой-то момент губы ее снова сомкнулись на твердой мужской плоти, и Джеймс, громко застонав, запустил пальцы в ее волосы и вновь приподнял бедра.

А Давина все продолжала и продолжала его ласкать. От сознания того, что она способна была дарить ему столь острое наслаждение, голова у нее шла кругом. И еще она испытывала невероятное облегчение – оказалось, что годы добровольного затворничества все же не убили в ней чувственность.

Наконец, чуть отстранившись, Давина заглянула Джеймсу в лицо. Глаза его оставались закрытыми, щеки горели, а на губах блуждала блаженная улыбка, при виде которой Давина тоже

улыбнулась – сейчас, в эти мгновения, она ощущала себя всесильной.

Все оказалось куда труднее, чем она думала, – и при этом все было очень даже просто; главное – не противиться своим желаниям, делать то, что хочешь делать, и тогда все получается как бы само собой.

Давина снова улыбнулась. Ужасные воспоминания, годами вызывавшие столько страха, постепенно меркли и уходили в прошлое...

Она снова принялась ласкать любимого, но Джеймс вдруг приподнялся и прохрипел:

– Все, довольно. Теперь – моя очередь.

Давина подняла голову и посмотрела в его глаза, потемневшие от страсти. Внезапно он ласково ей улыбнулся и провел ладонью по ее щеке. И в тот же миг ею овладело странное беспокойство, и все тело ее словно покрылось горячими мурашками. Ей сделалось жарко, а сердце гулко забилося. Почувствовав, что больше не может ждать, Давина прошептала:

– Не бойся ко мне прикоснуться. Мне ужасно хочется, чтобы ты меня поласкал.

– Я боюсь, что забудусь и сделаю тебе больно, – признался Джеймс.

– Не бойся. Ничего со мной не случится, – теряя терпение, сказала Давина.

– Что ж, тогда... Ты должна лечь так, чтобы мне было удобно до тебя дотянуться.

Давина нахмурилась.

– Но я и так рядом с тобой, Джеймс...

Он негромко рассмеялся и поцеловал ее в губы. Затем уложил на спину и накрыл ладонью ее грудь. Давина замерла в напряжении, когда он провел большим пальцем по соску, а все тело ее пылало словно в огне. Джеймс же, чуть помедлив, развязал тесемки у ворота ее рубашки, затем обнажил плечи и грудь. Когда же он стал целовать ее груди, Давина громко застонала. И вскрикнула, выгнувшись ему навстречу, когда он легонько прикусил один из сосков. И теперь ей казалось, что тело ее словно жило какой-то своей, отдельной жизнью – бедра сами то и дело приподнимались.

Тут Джеймс положил ладонь ей на живот, и Давина на несколько мгновений затаила дыхание, затем медленно раздвинула ноги. Джеймс принялся ласкать ее, и она снова застонала. О, как же ей были приятны его нежные прикосновения. Но вскоре она почувствовала, что ей все меньше хочется нежности и все больше хочется страсти.

– Мой ангел, – бормотал Джеймс, – ты такая сладостная.

Пальцы его нащупали спрятанный в складках бугорок – маленький, не больше жемчужины, – а затем... Нахлынувшие на Давину ощущения заставили ее содрогнуться всем телом, а живот словно судорогой свело. Она громко стонала и металась из стороны в сторону, но древний как время инстинкт требовал большего.

– О, Джеймс, Джеймс!.. – выкрикивала она, задыхаясь.

– Да, любовь моя. Я знаю, что тебе нужно.

Склонившись над ней, Джеймс принялся целовать и покусывать ее соски. А тем временем пальцы его... Они делали с ней что-то необъяснимое, колдовское.

Давина чувствовала, что развязка близка, и в какой-то момент, в очередной раз содрогнувшись, она громко закричала от наслаждения и счастья, и ей почудилось, что она куда-то взлетела – воспарила высоко-высоко. Но потом Джеймс вдруг накрыл ее своим мускулистым телом, и Давина, почувствовав, что спускается с небес на землю, тихо всхлипнула. Она смутно сознавала происходящее, голова ее была как в тумане, и этот туман стал ее врагом. Воспользовавшись темнотой, окутавшей ее сознание, демоны и страхи, прятавшиеся в потаенных уголках, выползли из своих укрытий и овладели ее телом. Горло вдруг сдавил страх, и ей почудилось, что она задыхается.

– Господи, Давина, что с тобой? – пробормотал Джеймс.

– Я не могу дышать... – заикаясь, выдавила она.

– Проклятие! – Джеймс приподнялся на локтях. Больше не придавливая ее своей тяжестью, он нависал над ней, глядя ей в глаза.

Стараясь отбросить свои страхи, Давина прошептала:

– Прости меня, Джеймс, прости... – На глаза ее навернулись слезы. – Я просто испугалась... сама не знаю чего... Но поверь, я хочу этого. Пожалуйста, не оставляй меня.

– Я никуда не ухожу, – ответил Джеймс и с глубоким вздохом прижался лбом к ее лбу.

Они пролежали, не меняя позы, минуту или две, после чего Давина тихо проговорила:

– Прости меня, Джеймс. Так получилось...

– Тсс, не мешай думать, – сказал он, улыбнувшись. Помолчав, добавил: – Знаешь, этим можно заниматься множеством способов, и я хочу попробовать... вот этот, например.

Джеймс улегся на спину и тотчас же, приподняв Давину, усадил ее на себя. Такое положение показалось ей странным и даже противоестественным, но она, решив довериться Джеймсу, не стала возражать.

– А теперь поцелуй меня, девочка моя, – сказал он, снова улыбнувшись.

Давина склонилась над ним и тотчас же обнаружила: для того чтобы целоваться, лучшей позы и не придумать. Она не стала мешкать и тотчас исполнила просьбу Джеймса. Поцелуй подбросил огня в горнило страсти, и Давина почти не испытывала страха, когда Джеймс, обхватив ладонями бедра девушки, чуть приподнял ее, а затем стал опускать на свою возбужденную плоть.

На верхней губе у нее выступили мелкие бисеринки пота, когда она, медленно опускаясь, пыталась принять его в себя. Она чувствовала, что он помещался в ней с трудом, – а потом вдруг наступил предел. И в тот же миг, крепко обхватив ее за талию, Джеймс проговорил:

– Давина, ты девственница...

– Что? – Она взглянула на него в растерянности.

– Ты девственница. Я чувствую твою девственную плеву.

– Ну, что же...

– Хочешь, чтобы я остановился?

– Нет-нет! – Она энергично покачала головой. И в подтверждение своих слов резко опустилась на него, за что была вознаграждена острой болью. Впрочем, боль почти тотчас же утихла, и Давина, взглянув на Джеймса, тихо спросила: – Я все правильно сделала?

Он со стоном приподнял бедра, и она, схватив его за плечи, чуть приподнялась, а затем вновь резко опустилась. Джеймс опять застонал, а Давина, покачивая бедрами, прислушивалась к своим ощущениям. И ощущения эти были очень даже приятные...

Давина сама выбрала темп; сначала двигалась медленно, потом все быстрее и быстрее, и стоны, вырывавшиеся из ее горла, становились все громче. Чувствуя, как увлажняется ее лоно, Давина, всхлипывая, прохрипела:

– Еще, еще, еще...

И Джеймс стал двигаться все быстрее, но Давина не отставала от него и ни в чем ему не уступала. Однако бешеный ритм несколько не утомлял – напротив, бодрил, кружил голову, опьянял.

Закрыв глаза, Давина сосредоточилась лишь на своих внутренних ощущениях, и тело ее, наполняясь восторгом, постепенно избавлялось от кошмарных воспоминаний.

– Ты уже почти у цели, – внезапно прошептал Джеймс.

И действительно, она чувствовала уже знакомую пульсацию. «Но неужели снова?... Разве такое возможно?» – изумлялась Давина. Взглянув на Джеймса, она испугалась за него. Казалось, что лицо его свело смертной мукой. Если бы она могла сейчас заговорить, то, наверное,

спросила бы, что у него болит. Но говорить она не могла. И не могла остановить эту бешеную гонку, так как оба они почти достигли вершин блаженства.

Тут Джеймс вдруг замер на мгновение, прокричав ее имя. И в тот же миг Давина почувствовала изливавшуюся в ее лоно горячую влагу. Содрогнувшись всем телом, она пролепетала какую-то нежную бессмыслицу, а потом, обессилив, прильнула к любимому и затихла. Слезы катились по ее щекам, но она тут же утирала их украдкой, боясь, что если Джеймс их увидит, то все неправильно поймет. Ведь плакала она от облегчения... Плакала от счастья. Ей хотелось громко смеяться и кричать от радости, и Давина с величайшим трудом сдерживалась. В эти мгновения она чувствовала себя так, словно заново родилась. Ведь теперь стало ясно: она снова могла любить – могла любить мужчину.

Тут Джеймс повернулся на бок и заключил ее в объятия. Она потерлась щекой о его плечо и прижалась к нему покрепче.

– Устала? – спросил Джеймс.

– Хм... наверное... – пробубнила она в ответ.

– Давина, любовь моя, нам надо поговорить.

Она сладко зевнула и пробормотала:

– Можно мне отдохнуть? Всего несколько минут, – добавила Давина, уже засыпая.

Глядя на еду, стоявшую перед ним на столе, Джеймс все никак не мог поверить, что она ему не снится.

Теплые золотисто-коричневые овсяные лепешки так и просились в рот. А к ним – горшочек меда. Райское наслаждение!

Разорвав пополам лепешку, Джеймс обмакнул ее в густой текучий мед и отправил в рот. Но глотать не торопился. Закрыв глаза, он какое-то время наслаждался волшебной сладостью. Наконец, проглотив лепешку, он скосил взгляд на арку над дверью в главный зал.

«Где же она?» – спрашивал он себя.

В это время все уже давно чем-то занимались, и потому людей за столами было совсем немного. К счастью, среди тех, кто завтракал так же поздно, как и Джеймс, не было никого из его семьи. Ему не хотелось попадаться на глаза матери, так как та непременно стала бы задавать неудобные вопросы, к которым он еще не был готов.

Джеймс уснул в полном изнеможении, крепко прижимая к груди Давину. Когда же проснулся на рассвете, ее не оказалось рядом – она ушла украдкой, ушла, даже не попрощавшись. И сейчас он не вполне понимал, почему же так из-за этого разозлился. Ведь сколько раз за эти пять лет, стараясь не разбудить женщину, с которой спал, он уходил от нее до рассвета... И если не считать того, что на сей раз ушел не он, а ушла женщина, то ничего же не изменилось, не так ли? Или все-таки что-то изменилось?

Да, конечно, изменилось. И очень существенно. Потому что этой ночью он обнаружил в себе чувства, с которыми, как ему казалось, уже давно распрощался.

И даже сейчас, по прошествии нескольких часов, он пребывал все в том же состоянии замешательства. Еще никогда близость с женщиной не приносила ему такого глубокого удовлетворения. И если бы все ограничивалось только телом! Нет, Давина сумела добраться до самой его души...

Все эти годы Джеймс, хотя и гнал от себя мысли о ней, все же понимал, что она продолжала жить в его сердце. Но он никак не ожидал, что с годами его чувства только усилились.

И тут вдруг – словно это он сам своими мыслями призвал ее – Давина вошла в зал. От неожиданности Джеймс утратил контроль над собой и вскочил на ноги, готовый броситься к ней, как влюбленный по уши юнец. Но, опомнившись, он мысленно отчитал себя и отвернулся, изображая безразличие.

Он слышал ее приближавшиеся шаги и заставлял себя успокоиться. К тому моменту, как она подошла к столу, Джеймс успел взять себя в руки и вежливо, как и полагалось рыцарю в общении с дамой, встал и отодвинул для нее стул рядом со своим. Давина же, словно тоже задавшись целью продемонстрировать свои безупречные манеры, кивнула в знак благодарности и села, сложив на коленях руки.

– Доброе утро, Джеймс, – сказала она.

Он невольно сжал кулаки. Господи, что она с ним делала?! Казалось, один только ее голос выворачивал наизнанку его душу.

– Давина... – Он разжал кулаки. – Давина, ты чудесно выглядишь.

Она взглянула на него с удивлением и тихо спросила:

– Ты что, не в духе?

Джеймс поднял на нее хмурый взгляд.

– Знаешь, я не люблю просыпаться в одиночестве. Особенно после того, как заснул рядом с такой чувственной, страстной и красивой женщиной.

Виногато потупившись, Давина сказала:

– Я должна была уйти до того, как проснутся слуги. Ты же понимаешь, что незамужняя девушка знатного происхождения не должна приходить ночью к мужчине. Я не могла рисковать. На кону стояла не только моя репутация, но и репутация тех, кто меня пригласил.

Ее доводы не показались Джеймсу убедительными. Более того, он чувствовал себя уязвленным, униженным. Если бы ее застали с ним в одной постели, у них не было бы выбора, и им бы пришлось стать мужем и женой. Следовало ли понимать ее так, что она не хотела за него замуж?

– Ты жалеешь о том, что произошло между нами ночью? – спросил Джеймс.

– Джеймс, пожалуйста, давай не будем об этом, – прошептала Давина, густо покраснев.

Джеймс снова сжал кулаки. Проклятие, а ведь ночью, перед тем как они уснули, все было так замечательно... Куда же исчезла прежняя легкость?

– Давина, пойдем со мной. Сейчас же!

– Джеймс, успокойся, – тихо ответила она.

Он сделал глубокий вдох, стараясь подавить овладевшую им ярость.

– Нам надо поговорить, Давина, и я предпочел бы сделать это там, где мы будем вдвоем. Или ты хочешь, чтобы все узнали о том, что произошло между нами прошедшей ночью?

Она бросила на него хмурый взгляд исподлобья, но, заставив себя улыбнуться, проговорила:

– Твоя мать велела мне прийти в ее покои до полудня. Я обещала ей помочь с новыми туниками, которые мы шьем для ваших воинов.

Джеймс еще больше помрачнел. Похоже, Давина намеренно его избегала, но почему?

– Я отправлю к ней своего пажа с сообщением, что ты проведешь утро со мной. Уверен, моя мать не станет возражать.

Давина поджала губы, но все же утвердительно кивнула. Взяв со стола две лепешки, она со вздохом сказала:

– Попроси, пожалуйста, кого-нибудь из слуг передать моей компаньонке, чтобы принесла мне плащ.

Джеймс тоже вздохнул. Ему не терпелось остаться с Давиной наедине, а приходилось ждать. Не скрывая своего нетерпения, он в раздражении постукивал по каменному полу носком сапога. И вот наконец пришла Колин с плащом.

Накинув плащ на плечи девушки, Коллин помогла ей застегнуть пряжку у горла и с почтительным поклоном удалилась. Но прежде чем уйти, она с любопытством посмотрела на Джеймса и, похоже, пришла к определенным умозаключениям. Впрочем, Джеймс не удивился если бы вдруг оказалось, что компаньонка Давины либо знала, либо догадывалась, где ее госпожа провела ночь.

Решив не брать лошадей, Джеймс с Давиной вышли за ворота замка. День выдался солнечный, хотя и холодный. К этому часу солнце уже разогнало остатки ночного тумана и сырости не ощущалось.

Джеймс свернул на тропинку, что вела на вершину холма и пролегала через довольно густой лес. Слева от них по каменистому руслу протекал быстрый ручей, и им, чтобы услышать друг друга, пришлось бы кричать, поэтому они шли молча, чему Джеймс был весьма рад. Ему хотелось собраться с мыслями и найти нужные слова. К тому же у него накопилось к Давине немало вопросов.

Он замечал ее косые взгляды, но стоило ему повернуть голову, как она тут же опускала глаза. Наконец они добрались до самого верха и остановились на поляне, любясь роскошным видом – зелеными шапками сосен на склонах и сверкающей гладью озера в самом низу.

– Эта безыскусная красота напоминает мне тебя, Давина, – пробормотал Джеймс. – Красота

суровая и строгая зимой, но на весеннем солнышке тут все изменяется. Земля одевается зеленью, а вересковые поля оживают и покрываются цветами...

– Вот так чудеса! От холода в тебе проснулся трубадур, – с нервным смешком заметила Давина.

Джеймс пожал плечами и пробормотал:

– Не знаю, кто во мне проснулся, но я хочу от тебя правды, Давина. Зачем ты приходила ко мне ночью, если не захотела остаться даже до утра? – Тут Джеймс вдруг замер на мгновение, потом прошептал: – Черт возьми, что это там?...

– Ты о чем? – Давина посмотрела в ту же сторону.

– Там за деревьями что-то движется, – ответил Джеймс.

– Я ничего не вижу, – сказала Давина. А в следующее мгновение заметила, как сверкнул на солнце клинок меча. И почти тотчас же она увидела еще несколько таких же вспышек.

– Проклятие... Не надо было так далеко отходить от замка без охраны, – проворчал Джеймс. – Их слишком много. Мне всех не одолеть.

Давина зябко поежилась и прошептала:

– Может, они не сделают нам ничего плохого? А если это разбойники... Не могли бы мы от них откупиться?

– Думаю, что эти люди настроены торговаться, – ответил Джеймс, еще больше помрачнев.

И теперь стало ясно, что они были окружены – со всех сторон к ним приближались вооруженные люди.

– Мы пропали, – прошептала Давина, приготовившись к самому худшему.

– Нет, если нам удастся найти такой путь вниз, где они нас не встретят, – пробормотал Джеймс.

– Но это невозможно. Посмотри, они перекрыли все тропинки. Нам мимо них не проскользнуть.

Джеймс молчал, глядя вниз, на серые воды озера. Внезапно лицо его прояснилось, и он что-то тихо пробормотал себе под нос.

– У тебя есть план? – с надеждой в голосе спросила Давина.

– Да, есть. – Он снова взглянул на подернутую рябью воду.

– Но нам ведь не придется прыгать в воду?! – в ужасе воскликнула Давина.

– Не так уж тут высоко, – ответил Джеймс. – Мы с Малколмом частенько ныряли в воду с этой поляны, когда были детьми.

– Но ведь зима... Мы окоченеем!

Джеймс ослепил ее улыбкой, в которой не было страха, но был дерзкий вызов судьбе. Казалось, он и впрямь верил в то, что ни с ним, ни с ней не могло случиться ничего плохого.

– Лучше уж утонуть, чем попасть в лапы врагу, – заявил он с веселой улыбкой.

Давина посмотрела вниз.

– А другого пути нет? – спросила она с дрожью в голосе.

Джеймс отрицательно покачал головой, лишив ее последней надежды.

– Я не очень хорошо плаваю, – со вздохом сказала девушка.

– И я не очень. – Ее спутник снова улыбнулся.

Давина недоверчиво взглянула на него и, как ни странно, немного успокоилась. Уж если Джеймс в такой момент был способен дразнить ее, значит, считает, что они непременно спасутся.

– Возможно, нам и не придется никуда плыть, – тихо сказала Давина. – Скорее всего, мы погибнем во время падения.

– Вот это сила духа! – воскликнул Джеймс. Усмехнувшись, он подмигнул ей и спросил: – Ты

мне доверяешь?

– Да, конечно. – Давина кусала дрожавшие губы.

– Тогда держись за меня крепче, – прошептал Джеймс. – Ну, иди ко мне...

С бьющимся сердцем Давина прижалась к его груди. Он тотчас же обнял ее, и она блаженно вздохнула, наслаждаясь его теплом и силой. Она верила ему беззаветно, но при этом знала, что шансов выжить у них меньше, чем умереть.

– Я люблю тебя, Давина Армстронг, – прошептал Джеймс.

Это неожиданное признание вызвало у нее такую бурю эмоций, что она забыла о страхе. Посмотрев ему в глаза, Давина увидела: он говорил правду. И сердце ее воспарило к небесам.

– А я люблю тебя, Джеймс Маккена, – ответила она шепотом и чмокнула его в щеку.

И в тот же миг Джеймс еще крепче прижал ее к себе – и прыгнул вперед. Давина вскрикнула, почувствовав, что падает. Она изо всех сил прижималась к Джеймсу, хотя в этом едва ли была необходимость: он держал ее так крепко, что ей не удалось бы выскользнуть, даже если бы она того захотела.

С силой ударившись о воду, Давина содрогнулась, и у нее от жуткого холода перехватило дыхание. А в следующее мгновение она почувствовала, что они идут ко дну, погружаясь все глубже и глубже в ледяную воду. Какие-то ветки цеплялись за одежду, а по лицу скользили стебли и травы...

«Я люблю тебя, Давина Армстронг». Эти слова Джеймса, многократным эхом повторявшиеся в ее сердце, придавали ей сил и помогали противостоять холоду и мраку. Но если озеру будет угодно забрать ее жизнь, что ж, так тому и быть...

Но они так и не достигли дна. Внезапно Давина почувствовала, что какая-то сила выталкивает ее на поверхность. Конечно же, это был Джеймс. Изо всех сил работая ногами, он тащил ее за собой наверх. Она пыталась ему помогать, но замерзшие ноги и руки не слушались ее. Когда же они наконец выплыли на поверхность и Давина сделала первый вдох, воздух больно обжег легкие. Судорожно дыша и отплевываясь, она по-прежнему крепко держалась за Джеймса, уже плывшего к берегу.

Вскоре они увидели стоявших на вершине холма вооруженных людей, и Давина даже слышала их гневные крики. Слов она разобрать не могла, но было ясно, что их с Джеймсом заметили.

– Будем молиться о том, чтобы у них не оказалось луков и стрел, – сказал Джеймс. Он плыл, загребая ледяную воду одной рукой, а другой придерживал девушку. Давина же едва могла шевелить конечностями. Тяжелый плащ намок и тянул ее вниз, но Джеймсу, похоже, не составляло особого труда тащить ее за собой.

Дно у берега было илистым, и Давина на коленях, задыхаясь от натуги, выползла на берег.

– Ну как, жива? Как настроение? – пробормотал Джеймс.

– Я едва не утонула... К тому же промерзла до костей и чуть не сошла с ума от страха, – стуча зубами, ответила Давина.

– О, как отрадно слышать возмущение в твоем голосе, – сказал Джеймс с усмешкой. И вдруг закинул девушку себе на плечо и понес.

– Я могу идти сама, – пробормотала Давина. – Мне нужно лишь немного отдышаться.

– У нас нет ни минуты. Те люди скоро спустятся к озеру, и нам надо побыстрее спрятаться в лесу, чтобы они тебя не захватили.

– Почему ты решил, что им нужна я? Разве у тебя нет врагов?

– Таких назойливых – нет, – проворчал в ответ Джеймс.

Давина вздохнула, по-прежнему выбивая зубами дробь. Хорошо еще, что ее согревало тепло Джеймса... Иначе она, наверное, уже умерла бы от холода.

– Как далеко мы от замка? – спросила она.

– Достаточно далеко. А до ворот нам пришлось бы бежать через поле. Лучшей мишени и не придумать. Я знаю одно место, где мы можем спрятаться. И оно, это место, ближе чем замок.

– Опусть меня на землю, Джеймс. Мы будем двигаться быстрее, если я побегу вместе с тобой.

Джеймс не ответил. И опускать ее на землю не стал. С девушкой на плече он бросился бежать, перепрыгивая через валуны и по возможности уворачиваясь от хлеставших по лицу веток. Шипы и колючки цеплялись за мокрый плащ Давины, и она могла лишь догадываться, сколько царапин досталось Джеймсу.

В гуще леса он остановился, чтобы перевести дух. Когда же Давина попыталась соскользнуть с его плеча, Джеймс не стал этому препятствовать, и это означало, что он выбился из сил.

– Здесь уже недалеко, но медлить нельзя, иначе они выйдут на наш след, – пробормотал Джеймс.

Давина молча кивнула. Он протянул ей руку, и они, взявшись за руки, побежали сквозь густые заросли. Давина не слышала ничего, что могло бы свидетельствовать о погоне, но ее спутник все бежал и бежал.

Вскоре у Давины закололо в боку. Она задыхалась, и ноги ее подгибались под тяжестью мокрого плаща. Но девушка не смела жаловаться, потому что знала, что Джеймс тогда снова закинет ее на плечо и понесет на себе, а она не хотела становиться ему обузой.

Внезапно Джеймс остановился, и Давина, машинально продолжив бежать, налетела на него и едва не упала. Джеймс же оглянулся и подмигнул ей. И она с благодарностью ему улыбнулась. «Но почему мы остановились?» – думала девушка.

Словно прочитав ее мысли, Джеймс сказал:

– Пойдем. Мы почти на месте.

Давина осмотрелась в недоумении. Ничего такого, что отличало бы это место от всего остального вокруг, она не замечала.

Джеймс жестом пригласил ее следовать за ним и начал продираться сквозь колючие кусты. Давина тотчас же пошла за своим спутником, ступая след в след.

Внезапно Джеймс опустился на четвереньки и пополз. Давина, у которой от холода зуб на зуб не попадал, поступила так же. Когда Джеймс пригнул побег ежевики, она наконец-то увидела лаз.

– Придется ползти на животе, чтобы тут пролезть, – бросил Джеймс через плечо.

– О господи... – пробормотала Давина, тихо вздохнув.

– Я знаю, что тебе не нравится теснота, но это не помешало тебе забраться в расщелину и спасти Лилею. А здесь будет гораздо легче. Там, в глубине, не так тесно.

Выбора у нее не было, и Давина, стараясь подражать движениям Джеймса, поползла следом за ним. Острые камешки то и дело впивались в кожу, но она не останавливалась – ползла в полной темноте. К счастью, громкое шуршание, сопровождавшее каждое движение Джеймса, немного успокаивало: Давина знала, что она не одна.

Наконец они добрались до места, где можно было встать во весь рост. Выпрямившись, Давина обнаружила, что едва стоит на ногах. Глаза уже успели привыкнуть к темноте, и зловещие тени несколько ее пугали – она узнавала в них обычные камни и куски дерева.

– Мы не сможем развести огонь прямо сейчас, потому что дым привлечет тех, кто охотится за нами, – сказал Джеймс.

Давина скрестила руки на груди и молча кивнула. Какой бы заманчивой ни казалась мысль о том, чтобы развести огонь, она знала, что Джеймс прав. Следовало радоваться уже тому, что

здесь, в пещере, не было ветра.

– Как будто рядом течет ручей... – пробормотала Давина. – Или мне это кажется?

– Нет, не кажется. – Джеймс взял ее за руку и повел в глубину пещеры.

Осторожно ступая между камнями, через минуту-другую они оказались во втором зале, который был гораздо больше первого. Девушка осмотрелась и тихо вскрикнула в изумлении. Откуда-то сверху свисали витые колонны из камня, и казалось, что они парили в воздухе. А весь свод пещеры походил на улей, и сквозь ячейки «улья» потоками струился свет. Давина щурилась, любуясь переливчатыми цветами слоистого камня, из которого состояли стены и свод. Причем цвета были самые разнообразные – от темно-серого и темно-коричневого до серебристого и золотистого. Это место очаровывало своей красотой и необычностью, и если на свете существовали феи и иные чудесные создания, то жили они именно здесь, в этой пещере.

Но самой удивительной особенностью этого зала было круглое отверстие в полу, наполнявшееся водой из тоненького ручейка, стекавшего по одной из стен. И над этим «бассейном» струился пар, суливший тепло и негу.

– Я слышала рассказы о подземных озерах, но никогда ничего подобного не видела, – сказала Давина.

– Это озеро мы с Малколмом обнаружили случайно, когда еще были детьми. Отец запрещал нам сюда ходить, но мы все равно приходили, чтобы тут поплавать.

– А почему ваш отец не хотел вас пускать сюда? Ведь здесь просто чудесно!

– И нам было велено никому не говорить о том, что мы тут увидели, – продолжал Джеймс. – Приходить же сюда запрещали потому, что это место проклято, – добавил он, пожав плечами.

– Нет, неправда! Такая красота не может быть проклята! – воскликнула девушка.

Джеймс взглянул на нее и вдруг заявил:

– Это место – идеальное любовное гнездышко.

Судорожно сглотнув, Давина кивнула. А Джеймс вновь заговорил:

– Якобы сто лет назад благодать этого места была разрушена насилием и смертью. Если верить моему отцу, одна влюбленная пара встретила тут страшную смерть от руки мужа той женщины, что решила уединиться здесь со своим возлюбленным. И в ужасе от того, что совершил, ревнивый муж перерезал себе горло. Через несколько месяцев все три тела были найдены.

– Как ужасно... – прошептала Давина.

– Мой отец говорит, что души тех несчастных никогда не найдут упокоения и навечно останутся здесь. Но мне кажется, что он придумал эту сказку, чтобы напугать нас с братом.

– Вполне возможно, что он поступил правильно. Здесь не самое безопасное место для игр падких на шалости мальчишек.

– Да, согласен, – кивнул Джеймс. – Но мне сдается, что ему нравилось приводить сюда нашу мать, и он хотел быть уверенным, что ему никто не помешает.

Взглянув на озеро, Давина мысленно с ним согласилась. Да, действительно, лучшего места для любовных утех не придумаешь.

– Живут тут духи или нет, я очень рада, что ты вспомнил, как найти эту пещеру. Здесь хотя бы холодного ветра нет.

– Не бойся, я знаю, как тебя согреть.

– О, Джеймс... – Давина взглянула на него с укоризной.

Он усмехнулся и проговорил:

– Какие у тебя непристойные мысли, леди Давина.

Девушка хмыкнула в ответ, а Джеймс добавил:

– Я же, в отличие от тебя, ни о чем подобном не думал. Несколько минут в этой воде – и ты

прекрасно согреешься. А теперь иди ко мне, и я помогу тебе раздеться.

Давина тотчас шагнула к Джеймсу. При мысли о том, что сейчас ей наконец-то будет тепло, все прочие соображения отошли на второй план, в том числе и стыдливость. Джеймс снял с нее мокрый плащ и разложил для просушки на большом валуне. Затем опустился на колени – Давина для устойчивости схватилась за его плечи – и принялся стаскивать с ее ног сапоги и мокрые шерстяные чулки. Затем, с вожделением глядя на теплую воду, девушка повернулась к Джеймсу спиной, чтобы он расшнуровал платье. Но мокрая шнуровка никак не поддавалась, и Давина пробормотала:

– Перережь шнурки. У тебя же есть нож.

– Нет, я смогу их развязать, если ты немного постоишь спокойно, – возразил Джеймс.

Давина стояла неподвижно, пока он возился с мокрыми узлами. Она уже хотела повторить свою просьбу, но тут вдруг почувствовала, что дело пошло.

– Оставь на мне рубашку, – попросила она.

Но Джеймс эту просьбу проигнорировал. Стащив с девушки нательную сорочку, он бросил ее на плоский камень.

Давина шла к воде, прикрывая руками грудь, но на Джеймса, похоже, вид ее обнаженного тела никак не действовал.

Присев на камень у края «бассейна», девушка опустила ноги в воду. Вода оказалась даже не теплой, а горячей! Так что пришлось ждать, когда тело привыкнет к такой воде: Давина боялась обжечься, погрузившись в воду целиком.

Тут Джеймс подошел к ней сзади и проговорил:

– Позволь помочь тебе. – В следующее мгновение он столкнул ее в воду.

Давина в испуге вскрикнула, но тут ступни ее коснулись камней, и она с облегчением вздохнула: вода доходила ей только до шеи. И от тепла чувствовалось приятное покалывание во всем теле.

Давина обернулась и посмотрела на Джеймса, сидевшего на камне у кромки воды. Взгляды их встретились, и он, улыбнувшись, плеснул на Давину водой.

– Не хочешь ко мне присоединиться? – спросила она и, скрывая смущение, плеснула на него в ответ.

Капли стекали по его щекам, но некоторые, особенно упрямые, остались висеть на ресницах. И сейчас он казался совсем юным, почти мальчишкой.

– Я искупаюсь после тебя, – ответил он и отошел.

Давина видела, как Джеймс стал расхаживать по пещере, собирая мелкие сухие ветки. Когда он собрал их в небольшой холмик, девушка поняла, что он собирался развести костер.

– Разве ты не говорил, что разводить огонь опасно? – спросила она.

– Если не давать костру разгореться слишком сильно, дыма будет немного, так что его едва ли смогут заметить снаружи.

Давина молча кивнула и легла на спину, откинув голову на один из камней. Жаль, что не было мыла, чтобы смыть с волос озерный ил. Впрочем, у воды был довольно резкий запах, напоминавший запах тухлых яиц. Так что, наверное, и не стоило мыть голову этой водой.

Давина проплыла на спине к середине «бассейна», потом, перевернувшись на живот, подплыла к краю. Джеймсу уже удалось развести огонь, и дымок, поднимавшийся вверх, уходил наружу.

Костер требовался не столько для того, чтобы согреться – для этого достаточно было горячей ванны, – сколько для того, чтобы просушить одежду. После купания в теплой воде надевать мокрую одежду ужасно не хотелось.

– Полежай в воду, Джеймс. Мне не хочется выходить, но если ты не можешь купаться со

мной, то я тогда уступлю тебе место. Я не хочу, чтобы ты мерз.

Шагнув к воде, Джеймс спросил:

– Ты выходишь?

Давина судорожно сглотнула и кивнула молча.

– Вот, держи. – Джеймс протянул ей потертую овчину. – Вид у нее не очень, но она не даст тебе замерзнуть, пока будет сохнуть твоя одежда.

Давина выбралась из воды и завернулась в шкуру мехом к телу. Овчина была не очень чистой, и от нее пахло землей, но Давине было все равно.

– Иди ко мне, погреемся вместе, – предложила она.

Джеймс с удивлением приподнял брови.

– Ты пытаешься меня соблазнить?

Девушка криво усмехнулась.

– Я знаю, что выгляжу сейчас ужасно, и потому даже не надеюсь тебя соблазнить.

– А я надеюсь, что мы надежно спрятались от наших таинственных недругов, – заметил Джеймс. – Но все же лучше проявлять осторожность.

Давина кивнула в знак согласия. Но все же не смогла удержаться и провела ладонью по его обнаженной груди. Ей хотелось почувствовать его силу. Так ей было спокойнее.

Но стоило Давине прикоснуться к нему, как ладони ее словно сами собой заскользили по мускулистой тверди, покрытой жесткими пружинками волос.

Сделав судорожный вдох, Джеймс погладил ее по мокрым волосам. Убрав за ухо одну из прядей, прикоснулся губами к мочке уха. Давина легонько повела плечами и прижалась к нему. А он тихо проговорил:

– Рядом с тобой, Давина, я чувствую себя щепкой в бурном море. В такие мгновения я сам не свой от желания.

Давина облизала губы.

– Я не хотела причинять вам столько беспокойства, сэр.

– Тебе нравится меня мучить? – спросил Джеймс без тени улыбки. – Перед тем как мы прыгнули в озеро, ты сказала, что любишь меня. Но если это правда, почему же ты покинула мою постель?

– Прости... – Давина погладила его по щеке. – Я ушла, потому что не хотела, чтобы ты чувствовал себя в долгу передо мной.

Сказав это, Давина с облегчением увидела, как изменилось выражение его лица – на нем появилась улыбка. Прикоснувшись губами к ее губам, Джеймс проговорил:

– Дорогая, хочу тебя предупредить... Единственная женщина, которая отныне и впредь будет делить со мной ложе, – это моя жена. Так что, если ты хочешь меня, тебе придется выйти за меня замуж.

– Но ночью ты сказал, что не можешь обещать, что женишься на мне, – напомнила Давина.

– Я солгал.

– Только насчет этого?

– Я не очень-то хорошо помню, что говорил, зато прекрасно помню свои мысли и чувства. Так вот, я точно знаю, что ты – моя вторая половина, ты – та самая, что предназначена мне судьбой. Ты – женщина, с которой я хочу разделить свою жизнь, и мне остается лишь верить, что ты думаешь так же.

Слезы обожгли Давине глаза, и она крепко обняла любимого.

– Так и есть, Джеймс, – прошептала она. – Я думаю и чувствую то же, что и ты.

Он в задумчивости гладил ее по волосам, пропуская сквозь пальцы влажные пряди. Наконец проговорил:

— Значит, решено. Как только выберемся из этой пещеры, сразу же пойдём искать священника.

Он проснулся от громкого крика – пронзительного, отчаянного, полного невыразимого ужаса. Схватив меч, Джеймс вскочил на ноги. Осмотревшись и не обнаружив ничего подозрительного, он направился к проходу в другой зал, поменьше.

Услышав стон за спиной, Джеймс стремительно обернулся и увидел Давину. Она сидела, напряженно вглядываясь в темноту, и тихонько стонала – то ли от страха, то ли от боли.

– Давина! – Джеймс бросился к ней, чтобы успокоить, но она принялась отбиваться как безумная.

– Не прикасайся ко мне! – пронзительно кричала она.

Джеймс попытался схватить ее за руки, но она увернулась. Глаза ее были широко раскрыты, но Джеймс понимал, что она его не видела – она сейчас находилась не рядом с ним, а в своем кошмаре, ставшем для нее реальностью.

Тут Джеймсу наконец удалось схватить ее за руки, и он проговорил:

– Это сон, Давина. Просто сон. Тебе ничего не грозит.

Девушка то и дело вздрагивала, и было ясно, что она не слышала его. Джеймс терпеливо продолжал говорить с ней, и наконец его терпение было вознаграждено. Давина в растерянности спросила:

– Джеймс, ты?...

– Да, это я, моя девочка. Не бойся. Со мной тебе нечего бояться.

Она с облегчением вздохнула и пробормотала:

– Ох, мне было так страшно...

– Да, любовь моя, я знаю.

– Я и подумать не могла, что сплю, – прошептала она так тихо, что Джеймс едва расслышал ее слова. – Их было много, не меньше сотни. Огромные и безликие, они, размахивая мечами, гнались за мной по лесу. Я слышала топот их ног, и он все приближался... Я бежала изо всех сил, я задыхалась. И вот я споткнулась и упала, а эти великаны окружили меня. Они смеялись надо мной и глумились. А тот, кто был у них главный, навалился на меня всем телом. Остальные же крепко держали меня. Страх сдавил мне горло. Я пыталась кричать, пыталась звать на помощь, но лишь беззвучно открывала рот. Каким-то образом мне удалось высвободить одну руку, и я ударила того, кто лежал на мне. Я даже вырвала у него клочок волос, но освободиться от него все равно не могла. Он разорвал на мне одежду и...

– Милая, это был дурной сон, просто дурной сон... – повторял Джеймс, пытаясь ее успокоить.

– Да, сон, страшный сон, очень страшный, – бормотала Давина, по-прежнему вздрагивая. Джеймсу было жаль ее до боли. Уже столько лет прошло, а она продолжала страдать. Но и для него тот опыт не прошел бесследно.

– Страх есть страх, но он живет лишь в твоем сознании, – проговорил Джеймс, поглаживая девушку по волосам. Ему очень хотелось помочь ей в борьбе со страхом, но он знал, что эту битву она должна была вести в одиночку.

Вскоре Джеймс почувствовал, как Давина расслабилась в его объятиях. И теперь она уже не вздрагивала. А костер все еще горел, и язычки пламени отбрасывали на стены пещеры странные танцующие тени.

Они долго сидели молча, и им обоим сейчас было хорошо и спокойно. В их объятии было мало страсти, но зато было много доверия и любви.

– Ты думаешь, в замке заметили, что нас нет? – нарушив тишину, спросила Давина.

– Точно сказать не могу, хотя мне кажется, что тебя хватятся раньше, чем меня, – ответил Джеймс.

Давина взглянула на него и нахмурилась.

– Но почему? – спросила она.

– В том, что взрослый мужчина, который может за себя постоять, выходит из замка один, нет ничего особенно опасного или необычного. Но моя мать встревожится, если обнаружит, что ее гостя пропала на целый день.

Давина долго молчала, потом вдруг спросила:

– А как отреагирует твоя мать, когда узнает, что мы решили пожениться? Она одобрит твой выбор?

– Она будет счастлива, – с улыбкой ответил Джеймс. – Хотя, как я подозреваю, сюрпризом для нее наше решение не станет. И для отца – тоже. Ведь это он решил, что ты должна выйти за одного из его сыновей.

– Боюсь, что твой отец не даст нам забыть о том, чья это была идея, – со вздохом заметила Давина.

– Да уж, рассчитывать на то, что он промолчит, было бы глупо.

– К тому же ты сам ему сказал, что я тебя не интересую.

– А ты сказала, что вообще никогда не выйдешь замуж, – парировал Джеймс с лукавой улыбкой.

– Будем надеяться, что твоя мать не даст нас в обиду.

– Мы всегда можем на нее рассчитывать, – согласился Джеймс. Заметив, что Давина тоже улыбнулась, он вздохнул с облегчением. Было ясно, что первый бой со страхом она выиграла.

– Я согласна терпеть шуточки твоего отца, – сказала Давина. – За право называться твоей женой я и не то готова стерпеть.

– Может, нам стоит уехать отсюда подальше, чтобы не видеться с отцом чаще чем раз в два года? – в шутку предложил Джеймс.

– Нет! Очень далеко мы не поедem. Мы будем жить в замке Торридон, что всего в двух неделях пути от замка Маккены. Это достаточно далеко, чтобы жить своим умом, но не настолько далеко, чтобы твои родственники не могли нас навещать.

– Изредка навещать, – со смехом уточнил Джеймс. Только сейчас он понял, как ужасно устал от прежней неопределенности.

Давина тоже рассмеялась и проговорила:

– Я точно знаю, что мы будем счастливы вместе. – В голосе ее звучала уверенность, а в глазах сияла надежда.

– Я уже счастлив, любимая. – Джеймс поцеловал ее в кончик носа.

– Нам еще долго нельзя отсюда выходить? – неожиданно спросила Давина.

– Лучше дождаться темноты. Чтобы добраться до замка под покровом ночи.

Давина кивнула и, прижав руку к животу, со вздохом пробормотала:

– Так есть хочется... Ты, верно, помнишь, что не дал мне позавтракать?

«Справедливый упрек», – подумал Джеймс.

– Ты ведь, кажется, прихватила с собой лепешки. Чем тебе не завтрак?

– Я положила их в карман и забыла про них.

– Хочешь, я проверю, там ли они?

Давина со смехом проговорила:

– Если они пережили погружение в озеро, то я с удовольствием посмотрю, как ты будешь давиться размокшими крошками.

– Придется мне их съесть хотя бы для того, чтобы тебе угодить. – Поцеловав Давину в

плечо, Джеймс добавил: – Твоя одежда скоро просохнет. А пока не хочешь ли немного поспать? Или ты боишься, что твой сон вернется?

– Если он вернется, ты его прогонишь, – сказала Давина с улыбкой. – А сон поможет мне обмануть голод.

– Как только мы вернемся в замок, я прикажу запечь целую оленью тушу, – заявил Джеймс. – Отпразднуем нашу помолвку.

Давина чуть передвинулась и положила голову ему на колени. Мужской орган Джеймса тотчас оживился, и Давина, почувствовав это, со смехом сказала:

– Нет-нет, придется подождать до возвращения в замок. Как и с обещанным мне оленем.

– Хватит меня дразнить, бесстыдница, – пробурчал Джеймс.

– Слушаюсь, мой господин.

Немного поерзав, Давина наконец нашла удобное положение, и вскоре дыхание ее стало глубоким и мерным. Лишь убедившись, что она спит, Джеймс взял в руку меч и устремил взгляд на проем в скале, ведущий в соседний зал.

Через какое-то время он услышал чьи-то шаги. Джеймс насторожился, но паниковать не стал. Не зная точно, где находится вход в пещеру, никто не смог бы сюда попасть. А если бы неизвестным врагам удалось их выследить, то они бы уже давно были здесь. Значит, сюда шел тот, кто не знал о существовании этого убежища. А знавших можно было пересчитать на пальцах одной руки. Если только ничего не изменилось за последние пять лет.

Внезапно Давина проснулась и, приподняв голову, вопросительно на него посмотрела. Джеймс молча кивнул, и она, стараясь производить как можно меньше шума, быстро оделась. А Джеймс надел все еще немного влажную тунику, затем взял в правую руку меч, а левой вытащил из голенища нож.

– Держи... – Он протянул нож Давине. – Надеюсь, это кто-то из наших, а если нет...

Глаза Давины округлились от страха, но она все-таки взяла нож. А потом страх в ее глазах сменился суровой решимостью, и она шепотом спросила:

– Сколько у нас времени?

Джеймс ненадолго задумался.

– Очень мало. Поэтому спрячься за тот валун и не выходи, пока я не скажу.

Давина тотчас же спряталась за камень, а Джеймс подошел к проходу и стал сбоку, укрывшись в расщелине.

Долго ждать ему не пришлось. В пещеру вошел мужчина, но Джеймс не мог его рассмотреть, лишь видел, что в одной руке тот держал зажженный факел, а в другой – обнаженный меч. Тут клинок вдруг блеснул, на долю секунды ослепив Джеймса, но уже в следующее мгновение он заметил на плече воина плед и узнал цвета Маккены.

Но все же Джеймс не торопился опускать свой меч. Лишь увидев лицо воина, он крикнул:

– Малколм!

– Джеймс, наконец-то! – радостно воскликнул Малколм. – Мы уже несколько часов прочесываем лес. Давина с тобой?

– Я здесь, – сказала Давина, выходя из-за камня.

– Слава богу! Мать содрала бы с меня шкуру, если бы я вернулся в замок один.

– Рад видеть тебя, брат. Не стану спрашивать, кого из нас двоих ты предпочел бы найти, – проворчал Джеймс, но все же улыбнулся.

Малколм подошел к брату и крепко обнял его.

– Приятно видеть вас обоих целыми и невредимыми, – сказал он с искренней радостью в голосе.

– А как вы догадались искать нас здесь? – спросила Давина.

– Случайно. Жаль, что мы сразу сюда не отправились. – Малколм повернулся к Джеймсу и добавил: – Нам тут всегда было хорошо, верно, брат? Несмотря на то, что отец запретил нам сюда приходить. Если бы мне пришлось скрываться от погони, я прятался бы только здесь.

– Как ты узнал, что мы в беде? – спросил Джеймс.

– Часовой заметил в лесу человека, похожего на нищего, но потом увидел, что этот нищий хорошо вооружен, и доложил начальнику стражи. Когда же наши воины отправились по следу этого «нищего», выяснилось, что он в лесу не один.

– К этому времени мы уже знали, что вас с Давиной нет в замке, и сделали вывод, что вы в опасности. Мы попытались догнать чужаков, но потеряли их след. Я боялся, что уже не увижу вас живыми, но, слава богу, все закончилось хорошо.

– Им была нужна Давина.

– Отец так и говорил, – сказал Малколм, помрачнев.

– Вы пришли сюда один? – спросила девушка.

– Нет, снаружи ждут двадцать моих воинов, и еще сотня прочесывает лес. Но, похоже, незваные гости уже далеко...

– Значит, ты не смог догнать ни одного из них? – Джеймс был разочарован.

Малколм со вздохом покачал головой.

– Не смог, к сожалению. Похоже, они хорошо знают здешние леса. Подозреваю, они тут прятались уже несколько дней, возможно, недель.

– Я потушу костер, а ты, Давина, не забудь свой плащ и прочее, – распорядился Джеймс. – Для нас лошади найдутся? – спросил он, обращаясь к брату.

Малколм утвердительно кивнул и тут же с каким-то странным выражением осведомился:

– Вы тут давно?...

Джеймс пожал плечами.

– Точно не скажу. Но не меньше пяти часов.

Джеймс заметил, как дернулся желвак у Малколма под скулой.

– Боюсь, Давина, что ваша честь может быть скомпрометирована, – сурово произнес он, пристально вглядываясь в лица беглецов.

– Это неважно. Мы не боимся сплетен. – Джеймс взял девушку за руку. – Мы решили пожениться.

– Это так? – Малколм впился взглядом в Давину.

Порозовев от смущения, она кивнула.

– Да, верно. Мы с Джеймсом сегодня так решили.

У Малколма от ее признания настроение не улучшилось, а Джеймс, глядя на кислую мину старшего брата, мысленно ликовал.

К полудню похолодало, и опустившийся туман добавлял к холоду еще и сырость. А потом задул ветер, швырявший в лицо ледяную крупу вперемишку с дождем. Ехать верхом в такую погоду – врагу не пожелаешь, но если на кону стоит жизнь, то такие мелочи не в счет. В такую погоду ничего не видно на расстоянии вытянутой руки, и уйти от преследования не составляло труда. Да, погода была на их стороне – против воинов Маккены. Главарь шайки гнал своих людей вперед, понимая, что на земле Маккены их в покое не оставят. А до границы с соседним кланом было еще целый день пути.

– Мне надоела эта игра в кошки-мышки, – стуча зубами, пожаловался один из разбойников. – И конь мой вот-вот упадет от усталости.

Не стали молчать и другие. Главарь понимал, что теряет авторитет. Люди почти утратили веру в то, что он способен вести их за собой, и ему нечего было сказать в свое оправдание.

Последняя попытка захватить леди Давину живой или мертвой окончилась провалом, как и все предыдущие.

И теперь им оставалось лишь одно – побыстрее разбежаться и молиться, чтобы их не поймали, потому что ждать пощады от воинов Маккены не стал бы даже последний глупец.

Принимая рискованное решение, главарь объявил, что можно остановиться и передохнуть, укрывшись под деревьями. Разбойники тотчас же спешили, сели в кружок и, дрожа от холода и сырости, разделили между собой то небольшое, что оставалось у них из еды.

Но никто не захотел делиться с главарем. И никто не пожелал говорить с ним. Разбойники вполголоса переговаривались, бросая в сторону главаря косые взгляды.

А тот не питал иллюзий – прекрасно понимал, чем рисковал. В нагорье было великое множество головорезов, готовых на все ради монет. Но времени у него было в обрез, поэтому пришлось брать первых попавшихся. И он очень плохо знал тех, кого нанял для этой работы.

– Я готов частично взять на себя вину за провал, – заявил главарь, – но повторяю, только частично.

– Да, у нас была отличная возможность захватить девицу в лесу возле замка, когда с ней были малолетняя девчонка и рыцарь, – поддержал главаря один из разбойников. – Награда уже была бы наша, если бы Лиам спал поменьше.

– Я не спал! – закричал Лиам. – Сколько раз можно повторять, что подо мной лошадь захромала!

– Так надо было украсть еще одну! – крикнул кто-то в ответ.

– И привести в наш лагерь все войско Маккены? Не думаю, что тебе это понравилось бы.

– Какой смысл говорить об этом сейчас? – сказал главарь. – Шанс упущен, и получается, что мы две недели потратили впустую.

Ответом ему было гнетущее молчание. Люди смотрели себе под ноги, избегая встречаться взглядом со своим главарем.

– Кто же нам заплатит? – спросил наконец один из разбойников.

– Мы не выполнили заказ, поэтому денег не будет, – ответил главарь.

– Хоть что-то мы должны получить! – сжимая кулаки, заорал другой разбойник.

– Я поделюсь с вами тем, что имею, но предупреждаю, монет мало.

Главарь развязал тесемку на кожаном мешочке. Он понимал, что должен бросить своим людям кость, чтобы избежать мятежа. Он также понимал, что после провала утратил уважение приятелей. Более того, они могли бы перерезать ему глотку, если бы очень разозлились на него.

Главарь уже предусмотрительно спрятал две монеты в сапог, из-за чего успел натереть мозоль. Но что такое боль от волдыря по сравнению с возможностью выйти из этой переделки не просто живым, но и с кое-какими деньгами?

– А Лиам ничего не получит! – заявил один из разбойников.

Побагровев от гнева, Лиам заорал:

– Я рисковал своей головой, как и каждый из нас! Я заслужил свою долю! – Он повернулся к главарю, ища у него поддержки.

Но главарь тут же отвернулся от Лиамы. Двое против десяти – не то соотношение сил, при котором можно вступать в игру, если один из этих двоих – ты сам. Нет, он позволит этим мерзавцам поделить между собой долю Лиамы – только бы они пощадили его, своего главаря.

– Все, хватит прохлаждаться, – сказал он через несколько минут. – Пора ехать дальше.

– Пусть каждый скачет своей дорогой, – предложил один из разбойников. – Так будет безопаснее для всех.

Главарь придержал коня, решив присмотреть за Лиамом, чтобы парень не натворил глупостей. А тот, глядя вслед разъезжавшимся разбойниками, проворчал:

– Должен признаться, мне не жаль расставаться с ними. Думаю, сейчас нам ничего не помешает довести дело до ума, получить с заказчика деньги и поделить их на двоих.

Бросив на Лиаму тяжелый взгляд, главарь воскликнул:

– Что ты несешь, парень?! Двоим никогда не сделать того, что оказалось не по силам двенадцати!

– Нас было слишком много, и в этом была наша слабость. Мы просто мешали друг другу, понимаешь? А вдвоем мы с тобой придумаем. Да-да, не сомневайся. – Лиам горделиво выпятил грудь. – Так ты со мной или нет?

Вопрос обескуражил главаря, и он пробормотал:

– Там, где не справились двенадцать, двоим делать нечего. К тому же мы наследили, и теперь Маккена удвоит или даже утроит бдительность. Тебе и близко не дадут к ней подойти.

– Замок Маккены большой, как город, – заявил Лиам. – Людей через ворота проходит столько, что и не сосчитать. И я не верю, что стражники всех этих людей знают в лицо. Мы можем сойти за купцов. Или прикинуться нищими. Надо лишь попасть внутрь. А там мы отыщем эту девицу и выкрадем ее.

Главарь усмехнулся.

– Думаешь, она сама дастся нам в руки, да?

– Мы заткнем ей кляпом рот и свяжем по рукам и ногам.

– И ты думаешь, никто в замке не заметит, как мы тащим ее словно куль с зерном?

– Тогда мы убьем ее, – сверкая глазами, предложил Лиам. – Ты ведь сам говорил, что мы можем заработать вдвое больше, если она умрет.

– Чтобы ее убить, надо на это решиться. А у тебя, парень, кишка тонка.

– Клянусь, я смогу ее убить!

Главарь со вздохом покачал головой. Нет уж, довольно с него вероломства. И неудач тоже.

– Тебе, парень, когда-нибудь приходилось убивать беззащитную женщину? – спросил он.

– Кое-кого убивать приходилось, – уклончиво ответил Лиам. – Я не владею только мечом, но и с ножом обращаться умею лучше многих. И знаешь... Вонзая нож в сердце, я видел не только глаза этих людей, но и даже чувствовал запах их страха.

– Ты убил хоть одну женщину? – повторил вопрос главарь.

– Нет. – Парень отвел глаза и покачал головой.

Главарь с сочувствием посмотрел на него и тихо сказал:

– Это куда труднее, чем ты думаешь. Я не только о самом убийстве говорю, но и о том, что тебе придется с этим жить. Возвращайся домой, Лиам, и найди себе другую работу, почище.

– Мне некуда идти. Моего отца обвинили в предательстве и казнили, а нас с матерью выгнали из клана. Хорошо хоть, жизни не лишили.

Почувствовав симпатию к парню с трудной судьбой, главарь проговорил:

– Скажу еще раз: ты ступил на скользкую дорогу, которая ни к чему хорошему не приведет. Но останавливать тебя я права не имею.

Лиам вскинул голову и в запальчивости прокричал:

– Тогда мне больше денег достанется! Но как потом получить плату за работу?...

Главарь усмехнулся.

– Тебе надо подать условный сигнал, а затем ждать, когда она появится.

– Она?... – удивился Лиам.

– Да, она. Но не расслабляйся и будь начеку. Ты не найдешь у нее сочувствия. И пощады от нее не жди, – предупредил главарь.

Сообщив Лиаму все, что тот должен был знать о заказчице, главарь ускакал. Но еще долго он чувствовал на себе недобрый взгляд юного разбойника, и от этого взгляда по спине его

пробежали мурашки.

Лиам сделал свой выбор, но главарь, теперь уже бывший, не терял надежды на то, что парень в конце концов образумится.

Громко звенели колокола, оповещавшие всю округу о предстоящей свадьбе. Давина очень волновалась, хотя и старалась не подавать вида. С огромным трудом удавалось ей сидеть неподвижно, пока леди Айлен поверх белой шелковой вуали крепила у нее на голове золотой обруч, украшенный самоцветами.

– А теперь встань, чтобы мы могли убедиться, что обруч крепко держится и надет правильно, – приказала леди Айлен.

Давина послушно встала со стула и прошла по комнате с тяжелым венцом на голове. Когда же она вернулась на прежнее место, к ней подошла сестра Джеймса Кэтрин и повязала вокруг ее талии золотую цепь чужеземной работы.

– Ты прекрасна, – прошептала Кэтрин. – Джеймс лишится дара речи, увидев тебя.

Давина улыбнулась про себя. Как бы ей хотелось, чтобы Джеймс и впрямь онемел, сраженный ее красотой.

Колокола продолжали звонить, и Давина, в тревоге посмотрев на леди Айлен, пробормотала:

– Нам надо поспешить...

– Еще минутку, – ответила хозяйка замка, поправляя складки на платье девушки. – Не беспокойся, церемония без невесты начаться не может.

– Подождите, миледи. У меня для вас подарок – отрез шерсти, сотканный нашими мастерицами, – сказала компаньонка Давины, протягивая ей сложенный вчетверо тартан. – Я подумала, что вам захочется в последний раз накинуть на плечо плед в цветах клана ваших предков.

Давина расчувствовалась и даже прослезилась.

– Ах, Коллин, спасибо тебе. Ты не поможешь мне найти брошь, чтобы его заколоть?

– У меня есть как раз то, что тебе нужно, – сказала Кэтрин. – Вот, возьми... Это подарок Джеймса. Он хотел сделать тебе сюрприз, – добавила сестра жениха, протянув Давине изящную золотую брошь, в центре которой находился цветок чертополоха [\[1\]](#), а вокруг цветка – замысловатый узор из листьев. Давина просияла: она сразу же поняла, что это очень редкая и очень дорогая вещь, но дело было вовсе не в цене украшения, а в том, что его выбирал для нее будущий муж, ее любимый Джеймс.

От волнения пальцы не слушались ее, и она никак не могла заколоть тартан.

– Нервничаешь? – с сочувствием спросила Айлен и, взяв из рук девушки брошь, заколола концы шерстяного отреза.

– Не нервничаю, а волнуюсь, – ответила Давина. – И это очень приятное волнение. Хотя мне немного грустно из-за того, что никто из моих родных не отпразднует со мной столь радостное событие.

– Зима – не самое удобное время для путешествий, а мой сын не захотел откладывать свадьбу ни на день. Ты разочарована?

– Немножко. Но, по правде говоря, я тоже не стала бы ждать весны, – порозовев от смущения, призналась Давина.

– Что ж, тогда пойдем выдавать тебя замуж, – с улыбкой сказала Айлен, протягивая девушке руку. И она повела Давину к церкви.

Следуя древнему обычаю, на церковном дворе Айлен остановилась, и невеста дальше шла одна, а толпа почтительно расступалась перед ней. Церемония по традиции проводилась не в самой церкви, а перед ней – чтобы все члены клана могли слышать и видеть происходящее.

Джеймса Давина заприметила сразу же, как вышла во двор. Вернее сказать, она увидела не его самого, а его макушку, возвышавшуюся в числе немногих над морем людских голов. Он ждал ее, стоя перед церковью, спиной к открытой двери. Когда же взгляды их встретились, Давина увидела в его глазах именно то, о чем мечтала все последние пять лет. Зимний ветер не обжигал, а приятно охлаждал разгоряченные щеки, и сердце ее билось часто-часто. «Неужели такое маленькое сердце способно вместить столько радости?» – подумала она неожиданно.

Джеймс был одет во все самое лучшее и был так красив, что дух захватывало. Крепкие мускулы проступали под богато расшитой туникой, а огромный меч грозно сверкал на солнце. Плед в цветах клана Маккены, перекинутый через левое плечо, украшала золотая брошь, и Давина, подойдя поближе, увидела, что его брошь – такая же, как и та, что сверкала у нее на плече.

Не дожидаясь, когда невеста подойдет к нему, Джеймс шагнул ей навстречу.

– Ты похожа на спустившегося с небес ангела, – прошептал он и взял ее за руку.

– Я ведь уже согласилась за тебя выйти, – прошептала в ответ Давина. – Нет нужды расточать комплименты, – добавила она с улыбкой, и Джеймс улыбнулся ей в ответ.

– Вы приносите свои клятвы по доброй воле? – спросил их священник.

– Да! – в один голос ответили влюбленные, и толпа встретила их пылкие «да» одобрительным смехом.

– Есть ли среди присутствующих тот, кто может назвать вескую причину, по которой этот брак не может быть заключен? – спросил священник, обводя взглядом толпу, собравшуюся у церкви.

При этих словах священника Давина вдруг перехватила взгляд Малколма, и ей показалось, что она увидела тоску в его глазах. Но он тут же улыбнулся ей и кивнул, как бы благословляя и желая счастья.

Давина улыбнулась ему в ответ и вздохнула с облегчением. Малколм не держал на нее зла. Ни на нее, ни на Джеймса. Ей очень хотелось, чтобы братья жили в мире и согласии друг с другом. Она искренне надеялась, что с годами их дружба будет только крепнуть, и для нее было очень важно знать, что она, став женой одного из них, не посеяла между ними вражду.

После обмена клятвами жених и невеста вошли в церковь и опустились на колени перед алтарем. Но прежде чем получить благословение, им предстояло выслушать наставления отца Доминика об обязанностях мужа и жены. Давина старалась ловить каждое слово святого отца. Ей очень хотелось стать Джеймсу хорошей женой.

Но жених оказался весьма легкомысленным и постоянно отвлекал невесту, проводя пальцем по ее ладони и запястью. Эти прикосновения не могли оставить Давину безучастной, и щеки ее горели не только от волнения, но и от внутреннего жара. Что же до жениха, то, судя по его позе и выражению лица, желания плоти одолевали и его. А отец Доминик продолжал вещать, либо не догадываясь о том, что творилось с молодоженами, либо не считая нужным обращать внимание на такие мелочи.

Когда же священник сделал паузу, чтобы перевести дух, Джеймс, воспользовавшись случаем, спросил:

– Вы уже закончили?

– Да, сэр Джеймс, – с улыбкой ответил святой отец. – Дело сделано. Теперь вы – муж и жена.

И тотчас же, не теряя ни секунды, Джеймс вскочил на ноги, заставив и Давину подняться с коленей. Обхватив жену за талию, он чуть приподнял ее и прижал к груди. А затем губы его прижались к ее губам. Это был далеко не целомудренный поцелуй, и длился он куда дольше, чем позволяли приличия. Джеймс не отрывался от губ жены до тех пор, пока крики, свист и

улюлюканье толпы не стали слишком уж ему досаждают.

– Помяни мои слова, еще до конца этого года Господь подарит нам внука, – сказал, наклонившись к жене, лэрд Маккена.

Когда Джеймс наконец оторвался от ее губ, Давина подняла на него глаза и улыбнулась. Взгляд ее туманился, колени подгибались, а золотой венец на голове съехал набок. Но главное – счастьем ее не было пределов.

Снова улыбнувшись, Давина опустила взгляд на золотое кольцо на пальце – символ ее нового положения. Теперь она стала замужней женщиной, и ее ждала совсем новая жизнь, которую ей не терпелось начать как можно скорее.

Главный зал был заполнен до отказа. На свадебный пир были приглашены все члены клана Маккены – от младенцев до стариков. Столы же ломились от яств; а напитки любой крепости и на любой вкус текли рекой.

Один за другим звучали тосты за здоровье, за счастье и за плодovitость молодых супругов. Давина уже потеряла счет этим тостам, но каждое новое пожелание принимала с улыбкой и искренней благодарностью.

– Жаль, что погода не позволила нам устроить турнир в честь праздника, – сказал лэрд Маккена, ласково похлопывая Давину по руке. – Нет зрелища более захватывающего, чем поединок с участием наших храбрых шотландских воинов, будь то пеший бой или конный.

По правде говоря, Давине трудно было представить зрелище менее романтическое, чем драка – пусть даже ее назовут красивым словом «турнир». Но, как бы там ни было, у нее хватало ума не спорить с лэрдом. Только самые богатые и влиятельные кланы могли позволить себе пышные свадьбы с многодневными пирами, охотой и турнирами; и уже одно то, что лэрд Маккена заговорил о турнире, свидетельствовало о его уважительном отношении и к Джеймсу, и к ней, что было очень приятно.

– Не знаю, как вас благодарить, милорд. Такая пышная свадьба и принцессе под стать, – проговорила Давина с улыбкой. – Я польщена тем, что вы приняли меня в свою семью, и я буду с гордостью носить имя Маккены. Войти в ваш клан – большая честь для меня. Спасибо вам большое. – Сказав это, Давина поцеловала свекра в щеку.

Тут подбежала Лилея и, забравшись Давине на колени, затараторила:

– Дедушка говорит, что ты теперь тоже Маккена, это правда?

Давина улыбнулась и обняла девочку.

– Да, правда. Я вышла замуж за твоего дядю Джеймса, и это означает, что теперь я твоя тетя. Тетя Давина.

Малышка грустно вздохнула и пробормотала:

– Но я не хотела тетю. Я хотела, чтобы ты вышла замуж за папу и стала мне новой мамой.

Давина мысленно улыбнулась. Что ж, ничего не поделаешь... Такой уж у девочки характер. Кое в чем Лилея очень походила на деда – была такой же настойчивой и упорной... и в десять раз более упрямой.

– Когда-нибудь твой папа найдет женщину, которую полюбит, женится на ней, и эта леди станет твоей новой мамой, – сказала Давина.

Девочка была явно неудовлетворена ее ответом и, не стесняясь, продемонстрировала свое недовольство, наморщив нос. «Еще немного, и она закатит истерику», – подумала Давина. Но, к счастью, на этот раз Лилея решила обойтись без слез. Слезая с коленей Давины, она пробормотала что-то насчет того, что собирается отыскать папу и попросить, чтобы он начал искать ей новую маму прямо сейчас.

Музыканты заиграли что-то веселое. Центр зала освободили, отодвинув к стенам столы и скамьи, и начались танцы. Многие мужчины и женщины, взявшись за руки, образовали круг.

– Идите танцевать, – сказала Айлен молодоженам, и их тотчас же вывели на середину круга.

Стараясь не спотыкаться и крепко держа Джеймса за руки, Давина старательно подражала его движениям, но у Джеймса все получалось куда ловчее, чем у нее. Не обескураженная этим обстоятельством, Давина танцевала как могла и при этом весело смеялась – отчасти над собой, отчасти просто так, вернее от радости. В какой-то момент она все же споткнулась, но Джеймс вовремя ее подхватил, удержав от падения.

– Целуй ее, Джеймс! – крикнул кто-то из толпы.

И тотчас же губы молодых супругов слились в долгом и страстном поцелуе. А зрители выражали свой восторг громкими криками, свистом и топотом. Когда же поцелуй их наконец прервался, почти все заметили густой румянец на щеках Давины и закричали еще громче.

Но весь этот шум и грохот не мешал музыкантам играть, и вскоре танцы возобновились. Через некоторое время все снова уселись за столы, и опять зазвучали тосты.

Рождественские праздники в замке Маккены всегда отмечали с размахом, но свадебный пир превзошел все, что было до этого. И неудивительно, что никто не хотел, чтобы праздник заканчивался.

Как требовал обычай, Давина покинула пир первой и удалилась в спальню в сопровождении стайки хихикающих и перешептывающихся женщин. Поскольку здесь не было никого из ее родственниц, раздеванием новобрачной руководила ее свекровь леди Айлен. Она распорядилась, чтобы спальню Давины украсили собранными к Рождеству хвойными ветками, обмотав их красными и золотистыми лентами. Получилось очень нарядно. К тому же аромат хвои смешивался со стойкими запахами корицы и пряностей – ими перед Рождеством пропитался весь замок, – и это тоже было приятно.

Букет из веток остролиста с пунцовыми ягодами стоял на столе, а на один из кроватных столбов подвесили похожий на гнездо куст омелы. Повсюду горели свечи, и казалось, что язычки пламени весело перемигивались друг с другом.

Едва лишь раздетая донага Давина успела нырнуть под одеяло, как подоспели друзья жениха; они принялись стучаться в запертую дверь и пьяными голосами требовали, чтобы их немедленно впустили. По знаку леди Айлен компаньонка Давины открыла дверь, и мужчины толпой ввалились в спальню. С громкими криками и хохотом они втащили на плечах полураздетого Джеймса, которому, судя по мрачному выражению его лица, было совсем не до смеха. Но он безропотно терпел сальные шутки подвыпивших друзей и их подробные советы насчет того, как ему следовало ублажать молодую жену. Терпел он и тогда, когда с него стаскивали рубашку и штаны. Когда же дело дошло до следующего этапа действия, Джеймс решительно заявил, что не позволит друзьям уложить его в постель рядом с обнаженной Давиной.

К счастью, леди Айлен разделяла чувства сына, и ей в конце концов удалось выставить за дверь подвыпивших дружков Джеймса. После чего она также удалилась. Джеймс тотчас же запер дверь спальни на засов и приложил к двери ухо.

– Ну как, ушли? – спросила Давина.

– Да, ушли наконец-то. Я щедро заплатил музыкантам за то, чтобы они не принимали участия в «кошачьем концерте». Хорошо еще, что во дворе холодно, иначе все рыцари Маккены стояли бы всю ночь под нашими окнами и стучали бы мечами о щиты. Тогда бы нам точно не было покоя.

– Да уж... Им только дай повод – разойдутся так, что не уймешь, – согласилась Давина.

Джеймс подошел к столу и наполнил вином два бокала.

– Будешь? – спросил он.

Давина покачала головой; она и так выпила больше, чем следовало. Еще немного вина – и

такой славный день был бы безнадежно испорчен.

Молча пожав плечами, Джеймс осушил свой бокал, а потом – и бокал Давины. Посмотрев на мужа с насмешливой улыбкой, она проговорила:

– Считается, что брак будет счастливым, если невеста весела. А как насчет жениха?

Джеймс вскинул голову.

– Ты думаешь, я чем-то недоволен?

– Я думаю, ты слишком часто хмуришься. Почти не улыбался во время пира.

– Людей веселит, когда я смотрю на тебя словно юнец, потерявший голову от любви. Вот я и пытался умерить свой пыл.

– Как же мне реагировать на твои слова? Должна ли я чувствовать себя оскорбленной из-за твоего нежелания открыть членам клана свои истинные чувства ко мне? А впрочем... Давай забудем о них обо всех? Залезай ко мне быстрее, а то замерзнешь.

Джеймс налил себе еще вина. Выпив, поставил пустой бокал на стол и подошел к кровати. Но под одеяло к молодой жене не полез, а прилег поверх одеяла и, подперев рукой голову, уставился на Давину.

– Милая, ты же знаешь, что я тебя обожаю, и тайны я из этого не делаю. Но говорить о любви я предпочитаю без свидетелей.

Сказав это, Джеймс поцеловал ее в губы, и она подалась ему навстречу в ожидании новых поцелуев. Однако Джеймс ограничился только одним поцелуем.

– Что-то не так? – с беспокойством спросила Давина.

Джеймс провел ладонью по волосам и тихо проговорил:

– Я хочу, чтобы эта ночь стала для тебя тем воспоминанием, которое всегда будет греть твое сердце.

Давина с кокетливой улыбкой склонила голову к плечу.

– Говорят, это невеста нервничает перед первой брачной ночью – вовсе не жених.

Джеймс тоже улыбнулся.

– Но ведь сегодня – наша брачная ночь, – сказал он так, словно это все объясняло.

И тотчас же простыня, которую подружки невесты аккуратно подоткнули под нее, отдавая дань девичьей скромности, начала соскальзывать. В спальне было довольно прохладно, но Давина не чувствовала холода, потому что ее согревал жаркий взгляд Джеймса. Снова улыбнувшись, она спросила:

– Дорогой муж, у тебя найдутся ласковые слова для жены – или эта ночь будет обычной холодной зимней ночью?

– Мой брат умеет говорить красивые слова, а я обделен этим талантом.

– Но я не хотела твоего брата, – проговорила Давина хриплым шепотом. – Я хотела тебя, Джеймс...

Не успела она договорить, как муж набросился на нее с поцелуями, и поцелуи эти были такими пьянящими, что у нее голова пошла кругом.

Джеймс покрывал поцелуями ее шею и груди, и когда захватил губами сосок, Давина вскрикнула от наслаждения. А муж целовал ее и до тех пор, пока она не начала извиваться под ним. И тогда он начал опускаться губами все ниже, и наконец губы его сомкнулись вокруг того самого маленького бугорка... Давина снова вскрикнула и попыталась вырваться, но муж ее не отпустил.

– Любимая, ты должна мне довериться, – сказал он, крепко держа ее за бедра. – Обещаю, ты не будешь разочарована.

Что ж, она не могла ему не поверить – он ведь обещал ей запоминающуюся ночь... Преодолевая мучительный стыд, Давина позволила мужу развести ее ноги пошире. Нервно

покусывая губы, она молча смотрела на него, но вся ее стыдливость улетучилась, когда язык его вновь коснулся заветного бугорка.

– О, Джеймс!.. – простонала она, вцепившись ему в плечи. – Джеймс, ты уверен, что тебе это нравится?

– Да, конечно. Я получаю столько же удовольствия, сколько и ты. Ты такая хорошенькая... Такая розовая, такая соблазнительная...

Из горла Давины то и дело вырывались стоны. Наслаждение было на грани боли, и ее одолевали противоречивые чувства; ей хотелось продлить удовольствие – и в то же время хотелось прекратить все это как можно скорее. Давина металась по постели, не понимая, что с ней происходило. А потом вдруг случилось то, чего она боялась и к чему так стремилась, – она окончательно растворилась в потоке ощущений, перестав быть самой собой и утратив способность думать; теперь она могла лишь чувствовать и наслаждаться. И никогда еще ей не было так хорошо, как в эти чудесные мгновения. Джеймс сдержал свое слово.

Когда все закончилось, Давина обмякла, словно тряпичная кукла. А Джеймс лег с ней рядом и обнял ее. Поглаживая ее по волосам, он шептал ей в ухо всякие милые глупости, а она лежала с закрытыми глазами в полном изнеможении. И сейчас она была по-настоящему счастлива.

Почувствовав, что засыпает, Давина помотала головой. «Нет-нет, нельзя спать в свою первую брачную ночь», – сказала она себе, открывая глаза и тотчас же увидела Джеймса – он лежал на боку и, приподнявшись на локте, смотрел на нее сверху.

– Ты обещал мне брачную ночь, которую я запомню на всю жизнь, муженек, и ты сдержал свое слово, – с улыбкой сказала Давина.

– Горец всегда держит слово, если дает его своей женщине, – ответил Джеймс, нависая над ней.

Он назвал ее своей женщиной, и это возбуждало Давину не меньше, чем его ласки. От ее недавней расслабленности уже ничего не осталось, и она чувствовала, что муж хотел ее не меньше, чем она его.

В следующее мгновение Джеймс вошел в нее, и Давина, тотчас же уловив ритм его движений, раз за разом устремлялась ему навстречу. С губ ее то и дело срывались стоны, и стоны эти становились все громче.

– Открой глаза, Давина. Посмотри на меня, – послышался голос мужа.

Давина открыла глаза – и радостно воскликнула. Она ожидала увидеть в глазах Джеймса страсть и чувственный голод, но то, что она увидела... О, это превзошло все ее ожидания! Джеймс смотрел на нее... с любовью, и этот дар был воистину драгоценным.

Тихо всхлипнув, Давина в последний раз приподнялась ему навстречу, а потом закачалась на волнах удовольствия, уткнувшись лицом в плечо Джеймса.

Секунду спустя те же волны накрыли и Джеймса. Совершенно опустошенный, он упал на Давину, придавив ее всей своей тяжестью, очень приятной тяжестью...

– Я слишком тяжелый, – сказал Джеймс, через некоторое время.

– Нет-нет, лежи, я потерплю, – поспешно проговорила Давина. – Мне даже нравится... – Она провела ладонью по спине мужа и чмокнула его в шею. Сердце же ее переполнялось любовью, и никогда еще ей не было так радостно и так покойно.

– Я люблю тебя, Давина, – прошептал Джеймс.

И она, счастливая, улыбнулась; эти слова всегда будут радовать ее, сколько бы он ни повторял.

– А я люблю тебя, Джеймс, – прошептала она в ответ.

Джеймс чмокнул жену в нос и, соскользнув с нее, улегся на бок. Давина тоже повернулась на бок и, устроившись поудобнее, вскоре уснула.

Джеймс смотрел на нее и думал о том, что его чувства к ней – это не просто страсть и желание. Было совершенно очевидно, что их брак, в отличие от многих других, действительно совершился на небесах. Злоба и желчь, копившиеся в его душе все последние пять лет, проведенные в боях и странствиях, чудесным образом исчезли, и это чудо сотворила она, Давина.

Джеймсу очень хотелось поцеловать ее в губы, но сон ее был глубок и безмятежен, и ему было жаль ее будить. Она заслужила отдых.

Осторожно убрав со щеки Давины влажный завиток, Джеймс подумал о том, что она, его жена, была единственным его сокровищем, потерять которое он боялся больше, чем потерять жизнь.

– Господь дал мне еще один шанс, – благоговейно прошептал он.

Давина во сне потянулась к нему, и Джеймс забыл о том, что решил не тревожить ее сон, вернее, не смог противостоять искушению. Он поцеловал ее в шею, потом в плечо, а затем лизнул сосок. Она вздрогнула и открыла глаза. После чего лукаво улыбнулась и проговорила:

– Ты, верно, считаешь меня ужасно распушенной и ненасытной, если не стесняешься будить меня для этого дела, Джеймс Маккена.

– Ты страстная женщина, Давина Маккена, и я горжусь тем, что именно я разбудил в тебе чувственные желания.

Давина усмехнулась и пробормотала:

– Говоришь, чувственные желания? Тебе бы трубадуром быть. Хотя нет, чтобы тебя не освистали, не позволяй никому слушать твои речи.

– Прости, что не угодил. Но я тебя предупреждал: язык у меня подвешен плохо, – ответил Джеймс с веселой улыбкой.

– Язык у вас – чистое золото, мой благородный рыцарь, и мое очень-очень довольное тело тому свидетель. – Давина приподнялась на локте, глядя мужу в глаза. – Я даже представить не могу, что позволила бы такое кому-то другому, а не тебе, Джеймс. И не только потому, что ты – мой муж, но и потому, что я тебя люблю.

– И доверяешь мне?

– Всем своим сердцем.

– Тогда мне крупно повезло.

– Так и есть, дорогой мой муж, – сказала Давина и многозначительно ему подмигнула.

А Джеймс рассмеялся; он-то думал, что жена начнет ему льстить, перечисляя его несравненные достоинства, думал, она скажет что-то такое, о чем ей потом придется пожалеть. Но Давина в очередной раз его удивила. И если честно, он тоже считал, что ему с ней повезло. Еще как повезло!

Следующие несколько недель прошли для Джеймса и Давины тихо и спокойно, без приключений.

Никто их без надобности не беспокоил, и они даже днем проводили немало времени вместе, а ночью страстно любили друг друга. И они много говорили о будущем, о переезде в Торридон, которого ожидали с радостным нетерпением. Но Джеймс был настроен не так оптимистично, как Давина, потому что втайне от нее тревожился за ее жизнь. Здесь, в замке Маккены и ближайших окрестностях, она была в безопасности, чего нельзя было сказать о более отдаленных территориях. А ведь до замка Торридон – две недели пути, и за это время всякое могло случиться...

Единственное, что он мог противопоставить неведомым врагам, – это боевая выучка и безукоризненное владение мечом. Помня об этом, Джеймс часами отрабатывал нужные навыки вместе с лучшими воинами клана, дабы не растерять то, что приобрел в Крестовых походах, и научиться чему-то новому. Отец Джеймса разрешил ему самому отобрать воинов для эскорта, но кошелек Джеймса был не такой уж увесистый, и потому он должен был удостовериться в том, что с ними поедут только лучшие из лучших.

Лэрд Маккена отправил посыльного к дяде Давины с известием о том, что его племянница вышла замуж. Давина добавила и свое письмо, в котором заверяла родственников, что любит своего мужа и счастлива в браке.

Лэрд Армстронг в ответном письме воздержался от резких высказываний, но дал Маккене понять, что не очень-то доволен произошедшим.

Давина утверждала, что ей все равно, но Джеймс, лишь недавно переживший воссоединение с семьей, видел настоятельную необходимость в том, чтобы наладить отношения с кланом Армстронгов. Как только они с Давиной обустроятся на новом месте, он непременно этим займется.

Малколм вроде бы и радовался их с Давиной семейному счастью, но Джеймс часто замечал, что старший брат смотрел на его жену с тоской и вопросом в глазах.

Несмотря на усталость и волчий голод, Джеймс возвращался в замок после боевых упражнений в приподнятом настроении, и сегодняшний день не являлся исключением. Холодный ветер дул в лицо, но Джеймс не сетовал на погоду – из-за ветра во время тренировочных боев глаза не заливал пот. А попотеть ему сегодня пришлось немало: еще двое воинов ответили согласием на его приглашение вступить в конвой, и он должен был проверить их умения.

Едва войдя в главный зал, Джеймс заметил своего пажа и велел, чтобы тот позаботился о воде для купания. Пока у него имелась такая возможность, следовало ею пользоваться. Ведь замок Маккены – роскошный дворец по сравнению с тем замком, где им с Давиной предстояло жить.

Джеймс застал жену за работой; она укладывала вещи, которые они собирались взять с собой. Два больших сундука уже были заполнены доверху, а на полу еще лежали рулоны шерсти и льна, выделанные звериные шкуры и целые горы одежды.

– Вижу, ты без дела не сидишь. – Джеймс поцеловал жену в щеку.

Давина наморщила носик – от мужа немилосердно несло потом, – но все равно нежно чмокнула его в губы.

– Тебе бы помыться не помешало, муженек.

– Колин уже получил указания на этот счет, – ответил Джеймс. Сняв тунуку, он принялся

стаскивать сапоги.

– Мы сегодня с твоей мамой и Кэтрин все утро укладывали вещи, которые понадобятся нам на новом месте, а еще надо запастись провизией для путешествия, – пробормотала Давина, усаживаясь на кровать. – Ох, как же я устала...

Джеймс ласково улыбнулся жене.

– Что ж, тогда отдохни. А насчет провизии не беспокойся. Моя мать – запасливая женщина.

Давина промолчала, и Джеймс добавил:

– Да, и еще вот что... Ведь мы не знаем, что ждет нас на новом месте, верно? Вполне вероятно, что там не будет самого необходимого. Да и сам замок, возможно, не в лучшем состоянии. Поэтому я хочу отправиться туда первым, а потом уже и тебя привезти.

– Нет, мы вместе поедem, и точка, – решительно заявила Давина. – Замок Торридон – дом моего детства, а теперь это еще и наш с тобой семейный очаг, дом наших будущих детей. Поэтому мы должны приехать туда вместе. А что касается еды, так ты не волнуйся. Того, что даст нам твоя мать, наверняка хватит на целый год!

– Что ж, надо сказать ей спасибо.

– Да, верно, с этим не поспоришь.

Услышав шум снаружи, Джеймс открыл дверь. Двое слуг внесли огромную деревянную ванну, а следом за ними вошел целый отряд пажей, каждый – с двумя ведрами горячей воды; руководил же процессией паж по имени Колин. Мальчишкам пришлось сходить за водой три раза, чтобы наполнить ванну. Когда ванна была наполнена, Джеймс отпустил слуг, поблагодарив их сдержанным кивком.

– Твоя Коллин уже решила, как поступит? – спросил он, вспомнив о компаньонке Давины. Ведь теперь, когда у нее появился муж, она больше не нуждалась в компаньонке.

– Мы как раз об этом с ней говорили сегодня утром. Она хотела бы поехать с нами и остаться в Торридоне.

– Вот и славно, – кивнул Джеймс. – Для честной работающей женщины у нас всегда найдется место. – Стянув рубашку и штаны, он направился к ванне.

– Да, кстати... Коллин говорит, что очень любит детей и сожалеет о том, что так и не смогла родить ребенка. Она думает, из нее получилась бы хорошая няня, – добавила Давина, немного покраснев.

Джеймс споткнулся о ванну и ушиб палец. Стремительно обернувшись, он спросил:

– Ты хочешь сказать, что мы уже сделали ребенка?

Давина кокетливо поправила прическу.

– Да, возможно, – ответила она. – Но пока еще рано делать выводы.

– А когда... Когда ты будешь точно об этом знать?

– Не раньше чем через неделю, – сообщила Давина. Откашлявшись, добавила: – Мне не следовало говорить тебе об этом, но я так взволнована, что не могу молчать. А ты хотел бы стать отцом?

– Да, но я... Ведь мы поженились совсем недавно...

Давина в недоумении уставилась на мужа.

– Да, недавно. И с тех пор почти все время проводим в постели. А что, по-твоему, бывает от таких занятий?

Джеймс помассировал виски. Голова у него кружилась, словно он хлебнул лишнего. Что ж, Давина была права: детей вовсе не аист приносил. И конечно же, он ничего не имел против того, чтобы стать отцом семейства. Со временем. А пока он предпочел бы не делить Давину ни с кем – даже с их общими детьми.

Увидев в ее глазах тревогу, Джеймс понял, что она ожидала совсем другой реакции с его

стороны. Ему стало стыдно, и он, взяв жену за плечи, с улыбкой проговорил:

– Я готов стать отцом, если ты мне пообещаешь, что наш ребенок не будет таким своенравным и избалованным, как Лилея.

Давина просветлела лицом.

– Если ребенок унаследует упрямый нрав Маккены, я с этим ничего поделать не могу. Но я точно знаю, что избаловать ребенка, как это сделал твой брат, я никому не позволю. И потому наше дитя будет ангелом по сравнению с его дочкой.

Джеймс подумал о том, что ванна пришлась как нельзя кстати. И расслабит, и в голове прояснится.

Полежав немного в теплой воде, он вдруг рассмеялся и заявил:

– Ангельский характер хорош для девицы! А если у нас родится парень, то я хочу, чтобы у него был отвратительный характер. То есть не ангельский...

– Упаси бог! – воскликнула Давина. Подойдя к ванне, она обмакнула в воду мочалку и хорошенько ее намылила. – Знаешь, Джеймс, – она начала тереть шею мужа, – я хотела бы, чтобы с нами поехал один мальчик. Колин.

– Мой паж? – удивился Джеймс.

– Да, он. Я говорила с твоей матерью, и она готова отпустить его с нами.

– Но этот паренек... Он боится собственной тени. Не думаю, что такое далекое и совсем небезопасное путешествие придется ему по нраву.

– Значит, мы должны убедить Колина в том, что его ждет настоящее захватывающее приключение. Все мальчишки любят приключения.

Джеймс с усмешкой приподнял бровь.

– А родные Колина не обидятся на нас? Ведь они отправили его сюда, в замок Маккены, чтобы мой отец сделал из него воина.

– Да, совершенно верно, – с улыбкой кивнула Давина. – Вот ты и будешь учить Колина всему необходимому, так же как тебя в свое время учил твой отец.

– Вообще-то... у нас так не принято, – пробормотал Джеймс.

– Но Колин-то – третий сын. Не думаю, что его родителей так уж заботит, где именно он будет воспитываться, – сказала Давина и тут же намылила голову мужа.

Джеймс закрыл глаза и расслабился. Немного помолчав, спросил:

– Ты уверена, что тебе этого хочется? Ты берешь на себя ответственность за парня, – а стоит ли?

– Уверена, что стоит. – Давина вылила мужу на голову ведро чистой воды. – Твоя мама волнуется за Колина. Другие мальчишки его дразнят. Колину будет лучше, если мы увезем его отсюда.

– У тебя слишком мягкое сердце, Давина Маккена, – сказал Джеймс, с одобрением глядя на жену.

– Лучше иметь мягкое сердце, чем мягкую голову, – со смехом ответила Давина и протянула мужу полотенце.

Джеймс вылез из ванны, оставив на каменном полу лужицы воды, затем вытерся насухо и, обмотав полотенце вокруг бедер, обнял жену за талию. Стоило же ему прикоснуться губами к ее губам – и все заботы отошли на второй план.

Полотенце его упало на пол, а так как в спальне было совсем не жарко, они решили согреться и нашли для этого самый приятный способ.

Через несколько дней молодые супруги покинули замок Маккены. Почти две недели им предстояло провести в дороге. Они везли с собой целый караван всяких грузов: еду, вино, эль,

домашний скарб. И охраняли хозяйку всего этого добра лучшие воины Маккены, больше тридцати человек. Погода была непредсказуемой: один день теплый, другой – холодный и ветреный.

Тщательная подготовка к путешествию не была напрасной. От ночного холода их спасали утепленные мехами шатры. И все же, когда Джеймс как-то вечером вошел в их с Давиной шатер, он увидел, что она дрожит.

– Что с тобой? Ты заболела? – спросил он с беспокойством.

– Нет, – ответила Давина, чуть не плача. – У меня только что начались месячные.

Джеймс не сразу понял, что ее так расстроило, но, сообразив, что к чему, сказал ей в утешение:

– Не печалься, любовь моя, мы еще успеем завести ребенка. Времени хватит.

Давина спрятала лицо у него на груди.

– Я понимаю, что не стоило даже думать об этом, но я так надеялась...

– Если память мне не изменяет, одной надежды мало, чтобы сделать ребенка, – с намеком проговорил Джеймс.

Давина с улыбкой кивнула.

– Да, ты прав. И поверь, твои старания не пропадут даром. Наши сыновья будут такими же непоседами и драчунами, как ты.

– И еще я хочу несколько дочек с твоими ясными глазами, добрым сердцем и чувством юмора.

– Я готова все для этого сделать. При условии, что ты мне поможешь.

Джеймс засмеялся, поцеловал жену – и вся ее грусть утекла, как вода сквозь сито. Она верила, что у них будут дети. Столько детей, сколько бог даст.

После легкого ужина Давина легла спать и крепко проспала в теплых объятиях мужа до самого утра.

Ближе к вечеру следующего дня, когда они наконец подъехали к замку Торридон, погода совсем испортилась. Подул резкий ветер, небо нахмурилось, и где-то вдалеке раздавались глухие раскаты грома. Животные нервничали, и людям тоже было беспокойно. Когда они поднимались на гребень небольшого холма, Давина едва сдерживала волнение. Вот-вот ее взгляду откроется дом ее детства. Интересно, каким он стал?

И вскоре она его увидела – за лесистым холмом виднелся Торридон, казавшийся по сравнению с замком Маккены совсем крошечным; над невысокими стенами возвышались всего две каменные башни, а все остальные постройки – как жилые, так и хозяйственные – были деревянными, и находились они во дворе замка. Но золотистый камень, из которого были выстроены и стены, и башни, сиял и радовал глаз даже и в пасмурную погоду.

Увы, ничему другому нельзя было порадоваться. Не реяли флаги над сторожевой башней, и всего несколько струек дыма поднимались в небо из труб, торчавших из соломенных крыш приземистых домиков, жавшихся снаружи к каменной стене крепости.

– Торридон, оказывается, гораздо меньше, чем мне помнилось, – с некоторым удивлением пробормотала Давина.

– Ты уехала отсюда еще девочкой, – сказала Джеймс, с интересом разглядывая свой будущий дом. – И ведь после смерти родителей ты ни разу сюда не возвращалась?

– Нет, ни разу. Вначале я часто просила дядю отпустить меня сюда хотя бы на месяц-два, но он каждый раз отвечал мне отказом, и я поняла, что просить бесполезно. – Давина вздохнула и добавила: – Теперь я очень жалею о том, что не проявила настойчивости. Я должна была приезжать сюда хотя бы для того, чтобы люди, которых я знала и любила, помнили обо мне и знали, что они мне дороги.

– Что ж, теперь ты здесь. Когда местные жители убедятся, что мы действительно собираемся здесь жить, они непременно обрадуются, – бодрым голосом проговорил Джеймс.

Давина улыбнулась и тут же снова вздохнула: она не разделяла оптимизма мужа. Пришпорив коней, молодые супруги выехали вперед, оставив караван позади. Если не обращать внимания на дым из труб, деревня казалась вымершей – не было видно ни играющих детей, ни овечьих отар, ни женщин, стирающих белье у ручья.

Джеймс поднял руку, подзывая к себе людей из конвоя – им овладели недобрые предчувствия.

– Ты думаешь, там ловушка? – с беспокойством спросила Давина.

– Мы не предупреждали о своем приезде, но ведь твой дядя знает, что ты вышла замуж... Полагаю, он должен был сообщить в Торридон о нашем возможном появлении.

Они поехали дальше и вскоре, подъехав к крепостной стене, увидели на ней стражников. Давина могла бы их сосчитать, но узнать кого-либо все равно не смогла бы: слишком давно она отсюда уехала.

Крепкий деревянный мост был перекинут через сухой ров, ошестинившийся частоколом заостренных бревен. Давина помнила, что отец собирался построить подъемник, но так и не нашел для этого ни денег, ни времени. Но, возможно, в подъемнике и не было особой нужды.

Зато у отца нашлись деньги на сооружение высоких и мощных дубовых ворот, окованных железом с шипами. Против таких шипов таран бессилен – они его превратят в щепки. И еще отец расширил парапет на стене, чтобы стража могла стоять в два ряда.

– Я насчитала двенадцать воинов на стене, – сказала Давина, когда они остановились перед мостом.

– Кто-нибудь из них тебе знаком? – спросил Джеймс, положив ладонь на рукоять меча.

– Нет. – Давина покачала головой.

– Тогда тебе стоит представиться, – сказал Джеймс с улыбкой.

Давина расправила плечи, приосанилась – и словно стала выше ростом.

– Я леди Давина Маккена, дочь Лаклана Армстронга и хозяйка этой земли! – прокричала она. – Я прибыла сюда со своим мужем и его отрядом, чтобы здесь жить. Приказываю открыть ворота и впустить нас до того, как начнется дождь! Иначе мы все вымокнем до нитки!

Словно в подтверждение ее слов небо внезапно потемнело, и прямо над головой раздался зловеющий грохот. Но если Давина полагала, что дождь поторопит защитников крепости, то она ошибалась. Ворота перед ними так и не открыли.

– Мы не получали никаких вестей о вашем приезде! – крикнул со стены один из воинов.

– А я никому не сообщала о приезде! – закричала в ответ Давина. – Я просто приехала, вот и все. – Заметив, что некоторые из воинов в нерешительности переминались с ноги на ногу, она добавила: – Немедленно откройте ворота!

– А кто вы, говорите, такая?... – послышался голос со стены.

– Леди Давина Армстронг Маккена! – крикнул Джеймс. – Она уже сказала вам об этом!

– А вы кто такой? – поинтересовался тот же стражник.

– Ее муж, сэр Джеймс Маккена. – Джеймс похлопал по загривку своего беспокойного жеребца и мрачно уставился на стражу.

– Я не могу открыть ворота, пока начальник не прикажет, – послышался ответ.

– Так позови своего начальника, чтобы леди Давина могла общаться с ним напрямую! И поторопись, потому что я сильно рассержусь, если по твоей милости моя жена простудится!

Давина была очень раздосадована задержкой. С одной стороны, хорошо, что крепость охраняли. Но не слишком ли рьяно?...

Через несколько минут появился кастелян, смотритель замка, он же – начальник гарнизона.

В правой руке он сжимал жареную куриную ногу. Похоже, их приезд помешал ему наслаждаться ужином. Недолго поговорив с воинами, смотритель взглянул со стены на Давину с Джеймсом, после чего вновь вернулся к общению со стражей.

– Мой человек сообщил мне, что вы желаете получить доступ в замок, – проговорил смотритель. – Это так?

– Да, именно так! – крикнул в ответ Джеймс.

– И вы утверждаете, что леди Давина Армстронг приехала с вами?

– Я не утверждаю, а знаю! Откройте эти проклятые ворота! – заорал Джеймс, теряя терпение.

Смотритель бросил в ров обглоданную куриную ногу и вытер руки о тунику.

– Прошу простить мое недоумение, сэр Джеймс, но дело в том, что леди Давина уже здесь. Она отдыхает в своих личных покоях.

Ошеломленная услышанным, Давина на время лишилась дара речи. Повернувшись к мужу, она увидела, что и он ошеломлен.

– Я не ослышалась? – пробормотала Давина. – Он что, сказал, что я уже тут живу?...

– Именно так, – отозвался Джеймс. Взглянув вверх, он прокричал: – Немедленно приведите ее сюда!

– Не могу. Она отдыхает, – ответил начальник стражи.

Джеймс вытащил меч из ножен, перевернул щит и принялся что есть силы колотить по нему мечом. Воины Джеймса последовали его примеру, и по всей долине прокатился грозный леденящий душу грохот.

Стражники на стене нервно переглядывались. Когда же наконец воцарилась тишина, Джеймс громко сказал:

– Вы стали жертвой обмана. Вас обманула хитрая и вероломная преступница, но я, возможно, не стану ее убивать, если вы немедленно доставите ее на стену.

Начальник гарнизона что-то сказал стражнику, стоявшему рядом с ним, и тот побежал куда-то. В тот момент, когда с неба упали первые капли дождя, стражник вернулся. И вернулся не один, а с женщиной. На ней был просторный плащ с капюшоном, скрывавшим лицо, но даже в плаще спутать ее с мужчиной было невозможно – слишком уж хрупкой она была.

– Кто смеет называть себя моим именем?! – в гневе крикнула Давина.

Самозванка подошла к краю стены. Из-за просторного капюшона Давина никак не могла разглядеть ее лицо, но в фигуре самозванки было что-то неуловимо знакомое. Давине сделалось не по себе, и она, судорожно сглотнув, воскликнула:

– Джоан?!

Самозванка заголосила, покачнулась – и едва не упала со стены, но смотритель вовремя ее подхватил, удержав от падения в оцетинившийся острыми кольями ров.

– Ну вот, одной загадкой меньше, – с самодовольной ухмылкой пробормотал Джеймс.

Не прошло и часа, как Давина с Джеймсом, сидевшие за высоким столом в Большом зале замка Торридон, приступили к допросу самозванки. Держалась же она вызывающе дерзко, словно и не чувствовала за собой никакой вины. Золотистые волосы Джоан рассыпались по плечам, и эта прическа очень ее молодила. И вообще, она выглядела значительно моложе своих лет, так как была по-девичьи стройной. На ней было синее шелковое платье, по последней моде плотно облегавшее грудь и сильно расширявшееся книзу. Джоан уже оправилась от шока, свидетелями которого были все, кто видел ее на стене, и сейчас выглядела совершенно спокойной и уверенной в себе. Высокомерия у нее всегда хватало с лихвой, и, глядя на нее со стороны, можно было подумать, что самозванкой являлась вовсе не она, а Давина.

– Что за игру ты ведешь, Джоан? – спросил Джеймс с едва сдерживаемой яростью.

– Никакой игры я не веду. Я ехала домой, возвращаясь от родителей, у которых гостила на Рождество, и остановилась здесь, чтобы переночевать. А ворота были закрыты на засов, совсем как сегодня. Чтобы меня впустили поскорее, я назвалась Давиной Армстронг. Что тут особенного? Я не собиралась здесь задерживаться. Через несколько дней я все равно бы уехала.

Джеймс повернулся к кастеляну – тот присутствовал на допросе, но сидел не за высоким столом, а чуть в стороне.

– Как долго леди Джоан тут живет?

Пожилой воин в смущении откашлялся. Было ясно, что ему ужасно не хотелось отвечать, но он все же сказал:

– Без малого три недели, сэр Джеймс.

Джоан сделала «каменное» лицо.

– Я подхватила простуду. Не могла же я продолжать путь больная!

– А мне кажется, ты выглядишь здоровее некуда, – процедил Джеймс. – Так почему ты не уехала? И где, позволь спросить, твой муж?

Джоан не скрывала своего неприязненного отношения ни к Давине, ни к Джеймсу. Своей вины она не признавала и, казалось, была до глубины души возмущена тем, что ее кузина смела предъявлять ей претензии и задавать неприятные вопросы. За прошедшие пять лет Джоан совсем не изменилась – ни внешне, ни внутренне.

– У Арчибальда важные дела, требующие его присутствия, – ответила она.

– Где именно?

– При дворе.

При дворе?... Давина никак не могла в это поверить. Джоан была непомерно тщеславна, и она ни за что не променяла бы королевский двор на этот, с позволения сказать, замок.

Джеймс, судя по выражению его лица, тоже не поверил Джоан. Он уже раскрыл рот, чтобы задать Джоан очередной вопрос, но тут у Давины так громко заурчало в животе от голода, что даже смотритель замка это услышал.

– Простите, миледи, я велю немедленно принести еды и питья, – сказал он, явно смутившись.

Джеймс хотел примерно наказать кастеляна за то, что тот так долго держал их за воротами, но Давина убедила его не горячиться. В конце концов, он всего лишь исполнял свой долг, и не его вина, что Джоан его одурачила. Следовало дать человеку шанс проявить себя с лучшей стороны.

Когда принесли еду, стало ясно, что свой шанс кастелян упустил – все было холодное и ужасно неаппетитное. А эль оказался прокисшим. Джеймс отправил в рот кусочек сыра в рот и тут же понял, что не сможет его проглотить. Пришлось выплюнуть его на подстилку из тростника.

– Как видно, в Крестовых походах рыцари дичают, – ехидно прокомментировала его плевков Джоан.

– Немедленно принесите нам то, что мы сможем съесть и не отравиться, – приказала Давина, которой стало стыдно за своих людей. Ей очень хотелось, чтобы Джеймсу тут понравилось, хотелось, чтобы он почувствовал себя здесь как дома, но все вышло не так.

Кастелян встал и вскоре вернулся с миской жидкой похлебки, в которой плавали кусочки тощего цыпленка. Давина взглянула на миску с толстым слоем грязи на бортиках и мысленно вздохнула.

– Я не голодна, – солгала она, отодвинув миску.

– Нет, ты должна поесть, – настаивал Джеймс. – Я распорядюсь, чтобы нам принесли что-

нибудь из наших запасов.

Джеймс в гневе встал из-за стола и отправился за едой для жены. Кастелян тотчас засеменил следом за ним, рассыпаясь в пространных извинениях и ссылаясь на нехватку продуктов из-за неурожая.

– Какой Джеймс заботливый муж... – с ядовитой усмешкой сказала Джоан, потянувшись за кувшином с вином.

Когда она наливала вино в бокал, рукав ее платья задрался, и Давина в ужасе вскрикнула, увидев синевато-желтые кровоподтеки. Заметив, куда смотрела кузина, Джоан поспешно опустила рукав.

– Полы в этой развалине – сущее наказание, – проворчала она, глядя прямо в глаза Давине. – Тут постоянно где-нибудь спотыкаешься...

– Не похоже это на синяк от падения, – заметила Давина. – Дай-ка взглянуть на всю твою руку.

После некоторого колебания Джоан задрала оба рукава, и Давина болезненно поморщилась – все руки кузины были в желтых и лиловых пятнах. И наверное, так выглядели не только ее руки... Вероятно, следы побоев были на всем теле.

– Я не нуждаюсь в твоей жалости, и не тебе меня судить, – заявила Джоан, вскинув голову. – Ты даже представить не можешь, каково это – жить с таким мужем, как Арчибальд Фрейзер.

– Ты сбежала от него? Поэтому и приехала сюда, назвавшись моим именем?

Джоан нервно рассмеялась.

– От Фрейзера не сбежишь, – заявила она. – Он тебя и в аду достанет.

– Но что-то ведь можно сделать, – настаивала Давина.

Джоан криво усмехнулась.

– Арчибальд – мой законный супруг, и он может делать со мной все, что захочет, – управы на него нет.

– Но ведь ты – леди, дочь лэрда, и ты заслуживаешь того, чтобы с тобой обращались достойно, – сказала Давина, накрывая ладонью руку Джоан. – Даже животных так не бьют.

Джоан снова подняла голову и с любопытством взглянула на кузину.

– А ты изменилась, Давина... Раньше ты пугалась собственной тени, а сейчас готова бросить вызов одному из самых влиятельных придворных. И самому безжалостному, – в задумчивости добавила Джоан. – Что ж, спасибо, конечно, но с этим ничего нельзя сделать.

С этими словами Джоан встала из-за стола. Она старалась держаться с достоинством. Очень старалась. Даже покраснела от усилий. Давина же со вздохом опустила взгляд. Ей было до боли жаль кузину, но она знала, что сильнее всего гордячку Джоан ранило сочувствие.

Вскоре в зал вошел Джеймс и, осмотревшись, спросил:

– Где Джоан?

– Пошла к себе отдыхать, – ответила Давина и, предупреждая дальнейшие вопросы, с тревогой добавила: – Я, кажется, выяснила истинную причину ее пребывания здесь. Она сбежала от мужа.

Джеймс усмехнулся и спросил:

– Что, не получилось сделать из него подкаблучника?

– Нет, Джеймс, все гораздо серьезнее. Он бьет ее, и, я думаю, бьет часто и очень жестоко. Я признаю, что Джоан – не самая уживчивая из женщин, но это не дает ему права ее бить. – Помолчав, Давина продолжала: – Да, я до сих пор злюсь на нее, и в то же время я не могу ее не жалеть. Она о себе почти ничего не говорила, разве что несколько слов, но при одном упоминании его имени лицо ее делалось белым. Ни один порядочный мужчина не станет бить женщину, как бы он на нее ни злился. Тем более не станет бить жену.

– И все же ты не можешь не признать, что твоя кузина и святого до греха доведет, – проворчал Джеймс.

– Она по-другому не может. Такая уж уродилась. К тому же ее всю жизнь баловали, каждое ее желание исполняли.

– Неужели ты ее защищаешь?! – изумился Джеймс. – Она никогда не стала бы за тебя заступаться.

– Страх делает ее надменной и холодной. Но теперь, когда я смотрю на нее, мне становится даже немного стыдно. У меня-то есть добрый и любящий муж, и у меня – счастливая жизнь. А у Джоан нет ничего, кроме сердечной боли.

– А как же ее ребенок?

– Она ничего не говорила о своем сыне.

Джеймс в задумчивости провел ладонью по подбородку.

– Ей наверняка пришлось оставить сына с мужем, – сказал он. – Если твои подозрения верны и если твоя кузина действительно сбежала, она не посмела бы увести с собой сына и наследника Фрейзера.

Немного помолчав, Давина спросила:

– Мы можем приютить ее у себя?

Джеймс даже рот открыл от удивления.

– Клан Фрейзера – очень влиятельный. Я не хочу превращать его в своего личного врага.

– Фрейзер ни о чем не узнает. Я не думаю, что он станет искать Джоан здесь, у нас. Пусть останется хотя бы еще на несколько недель, – упрашивала мужа Давина.

– Хорошо, я подумаю. А пока поешь то, что я принес.

– У меня совсем аппетит пропал, – со вздохом сказала Давина. Ответ Джеймса ее разочаровал, но в глубине души она знала, что волноваться не стоило. В мускулистой груди сурового воина билось доброе сердце, и Давина несколько не сомневалась: Джеймс не бросит Джоан в беде, если она, его жена, будет за нее просить.

– Пока не поздно, нам надо решить, где мы сегодня будем спать, – сказал Джеймс, жестом подзывая к себе ни на что не годного кастеляна.

– Покои лэрда находятся на самом верху северной башни, – вмешавшись, сказала Давина. – Мы поселимся именно там.

Смотритель замка побледнел.

– Но эти комнаты стоят нежилыми уже больше десяти лет, миледи. Они нуждаются в тщательной уборке.

– Мы сейчас же хотим их осмотреть, – заявила Давина.

Минуту спустя, держась за руки, молодые супруги уже поднимались по деревянным ступеням. Лестница была плохо освещена – лишь через узкие бойницы в каменных стенах сюда проникал дневной свет, – но Давина неплохо помнила дорогу, и полутьма не стала им помехой.

На самом верху хотелось зажать нос от сильнейшего запаха плесени, но возвращаться супруги не желали. Сделав еще шаг-другой, Давина надавила на дверь, и та со скрипом отворилась. Как и предупреждал смотритель, здесь царила мерзость запустения. Джеймс отодвинул меховой полог, закрывавший окно, и перед ним поднялось облако пыли. Тут ужасно пахло сыростью, пылью и грызунами. У стены слева от двери стояла огромная кровать под дырявым балдахином, а у противоположной стены – стол и стул, причем у стула одна ножка была короче трех остальных.

Давина подошла к кровати и увидела, что из матраса торчали клочки шерсти – его основательно погрызли мыши или крысы. Джеймс молча шагал следом за женой; когда же она оглянулась и взгляды их встретились, оба молча вздохнули, так как подумали примерно одно и то

же... Повсюду грязь, вонь и разложение... Хватит ли у них сил на то, чтобы вернуть к жизни это забытое богом место?

– А у меня были такие приятные воспоминания об этой комнате, – пробормотала Давина. – Конечно, она никогда не отличалась роскошью, но была теплой и уютной. И здесь всегда было тихо и спокойно. На стенах висели гобелены, а над кроватью – балдахин из красного бархата. Моя мама очень гордилась этим красным бархатом. Она сама шила из него балдахин вместе со своей матерью и сестрами, и он был частью ее приданого.

– Сегодня ночью мы будем спать здесь, – объявил Джеймс.

Давина поморщилась и проговорила:

– Наверное, нужна целая армия слуг, чтобы навести тут порядок. И не меньше месяца времени.

– Значит, поднимем армию. Смотрителя замка ко мне! – зычным голосом заорал Джеймс.

И смотритель почти тотчас же примчался. Джеймс давал ему указания, и с каждым новым приказом физиономия кастеляна все больше вытягивалась, а глаза наполнялись ужасом. Но, как бы то ни было, возражать хозяину он не решался.

Когда они вновь остались наедине, Джеймс заключил Давину в жаркие объятия, и она была благодарна мужу за то, что он помог ей восстановить душевное равновесие как раз в тот момент, когда она больше всего нуждалась в его поддержке.

– Это все мелочи, – сказал он. – Не беспокойся, все устроится.

– Да, Джеймс, – прошептала Давина. – Пока мы вместе, мы непобедимы.

– Хорошо сказано, любимая. – Джеймс поцеловал жену в лоб.

И все же на следующее утро он послал в замок Маккены гонца с просьбой прислать подкрепление.

– Милая, ты не спишь?

Давина повернулась на бок, поправила подушку и вздохнула.

– Прости, Джеймс. Я тебя разбудила, да?

– Да, разбудила. А мне так сладко спалось... Видно, я плохо исполняю свой супружеский долг, если ты до сих пор не устала.

Давина убрала руку мужа со своей обнаженной груди и пробормотала:

– Джеймс, я открою тебе большой секрет... Знаешь, не все проблемы решаются в постели. – Хорошо, что в темноте он не увидел, как вспыхнули при этих словах ее щеки. Они были женаты уже больше шести недель, а она все еще смущалась, когда муж проявлял настойчивость. И, что еще хуже, Джеймса ужасно забавляла ее привычка смущаться и краснеть, и он постоянно подтрунивал над ней по этому поводу. В принципе, Давина ничего не имела против его шуток, но сегодня – совсем другое дело. Сегодня она была слишком расстроена...

– Не обижайся, я просто попытался тебя отвлечь, – сказал Джеймс, обнимая ее. – С тех пор как мы приехали сюда, ты спишь только урывками.

– Да, верно. И мне ужасно неловко перед тобой за то, что мешаю тебе спать.

– Ничего, такое у всех бывает, – с сочувствием сказал Джеймс.

– Если судить по твоему храпу, у тебя здесь со сном все в полном порядке, – поддела его Давина.

– Видишь ли, когда годами живешь на войне, приучаешься спать в любых условиях. Мои братья по оружию рассказывали, что видели меня спящим стоя. – Джеймс чмокнул жену в лоб. – Тебе просто надо время, чтобы привыкнуть.

– Замок Маккены тоже был для меня новым местом, но там у меня таких трудностей со сном не было, – возразила Давина. Да, там трудностей не было, потому что замок Маккены оказался просто новым для нее местом, а Торридон был местом исполнения ее самой заветной мечты – мечты о счастье, мечты о доме. И она очень огорчилась, обнаружив дом своего детства в столь ужасном запустении. Но Давина верила, что все можно поправить, если по-настоящему захотеть и, конечно, не бояться самой тяжелой работы.

Целыми днями Давина трудилась не покладая рук, и едва ли не каждую ночь они с Джеймсом любили друг друга до изнеможения. Казалось бы, при такой жизни она должна была спать как убитая, но нет, с каждым днем чувство необъяснимой тревоги становилось сильнее.

Похоже, Джеймс тоже чувствовал неладное, хотя и не говорил ей об этом. Иначе зачем он попросил отца прислать сюда подкрепление? Но приезд Малколма стал сюрпризом для них обоих – Джеймс не ожидал, что старший брат, откликаясь на его просьбу о помощи, лично сюда приедет.

– Может, это из-за Джоан? – предположил Джеймс. – Тебе неприятно, что она живет с нами под одной крышей, но ты боишься себе в этом признаться. Отсюда и бессонница.

Давина тихо вздохнула.

– Да уж, меньше всего я ждала встретить здесь свою «милую» кузину. Но все же я чувствую, что дело не в ней.

Джеймс крепче прижал ее к себе, и она зажмурилась от удовольствия. Но удовольствие от любовных объятий не имело ничего общего с душевным покоем, которого ей как раз и не хватало.

Тут Джеймс вдруг погладил ее по ягодицам, и Давина тотчас же заерзала и пробормотала:

– Джеймс, а дальше?... Зачем ты остановился?

– О господи, Давина, ведь ты только что говорила, что не все проблемы решаются таким способом.

Схватив мужа за плечи, она с силой встряхнула его и проворчала:

– Скажи мне, Джеймс Маккена, ты что, всегда слушаешь свою полоумную жену?

Джеймс тихо рассмеялся, на что она и рассчитывала, и поцеловал ее в губы. Всего лишь несколько поцелуев – и оба почувствовали его страстное желание.

Давина тотчас же улеглась на спину, предвкушая приятную тяжесть его тела. Джеймс приподнялся над ней на локтях, и Давина, погладив его по груди и животу, сомкнула наконец пальцы вокруг его возбужденной плоти. Но они совсем не торопились – любили друг друга нежно и долго, и это было очень даже приятно. Они достигли пика почти одновременно, и Давина, почувствовав в себе его семя, едва не прослезилась от нахлынувших чувств. Ей хотелось, чтобы его семя поскорее дало в ней росток новой жизни. Она мечтала о ребенке, мечтала о том, чтобы у них с Джеймсом была настоящая, полноценная семья.

Шею ее согревало дыхание мужа, и она наконец-то почувствовала долгожданную сонную истому. Уже засыпая, Давина бросила взгляд на горку раскаленных угольков в топке камина... и вдруг поморщилась.

– Джеймс, ты не чувствуешь запах дыма? – спросила она.

Муж что-то невнятно промычал в полусне, потом пробормотал:

– Дым?... Да, я чувствую запах дыма. – Он чуть приподнялся и втянул носом воздух. – Черт возьми, Давина, ты права! Надень что-нибудь. Надо разбудить людей и выбираться отсюда.

Давина тотчас же бросилась к сундуку и вытащила первую попавшуюся рубашку. То была рубашка, сшитая специально для медового месяца – чтобы радовать глаза мужа, а не посторонних мужчин, – но ей сейчас было не до приличий.

Поверх сорочки из тонкого батиста Давина набросила теплый плащ. А Джеймс, уже натянувший штаны и тунику, схватил жену за руку, и они оба босиком помчались к двери. Джеймс распахнул ее – и на них сразу пахнуло жаром. От запаха паленого дерева оба закашлялись. В конце коридора полыхал настоящий пожар с клубами черного дыма. Огонь гудел, и то и дело слышался треск дерева.

– Лестница в огне! – закричала Давина и зажала ладонью нос и рот. Развернувшись, она лихорадочно искала какой-нибудь другой выход, хотя прекрасно знала, что выхода нет. – О боже, мы в ловушке!

Джеймс развернулся, побежал обратно в спальню и тотчас же вернулся с гобеленом в руках. Крепко ухватившись за него, он принялся сбивать пламя. Давина же, последовав его примеру, тоже побежала в спальню, схватила первое, что подвернулось под руку, – подушку, и бросилась на помощь мужу.

– За волосами следи! – крикнул Джеймс.

Давина потратила драгоценные минуты на то, чтобы заплести косу. Вдвоем они смогли затушить один лестничный пролет, но огонь уже перекинулся на деревянные перила галереи.

У Давины слезились глаза и першило в горле. Руки ее уже с трудом поднимались, но она, преодолевая боль, не отставала от мужа – сбивала пламя, борясь за жизнь и за свой дом.

– Сэр Джеймс!.. – послышался голос по ту сторону горящей лестницы. – Помощь уже идет! Люди из деревни несут ведра и воду!

– Колин, это ты?! – крикнула Давина, узнав голос паж.

– Да, миледи!

– Колин, осторожнее! Не подходи слишком близко к огню!..

– Я увидел пожар и поднял всех в доме! – крикнул мальчик.

– Нас подожгли? – спросил Джеймс.

– Не могу сказать, – ответил паренек. – Сэр Малколм на стене вместе со стражниками, но я не слышал, чтобы трубили боевую тревогу.

– Это хорошо, верно? – спросила Давина, повернувшись к мужу.

Джеймс закашлялся и кашлял долго и надрывно. «Не похоже, чтобы слова Колина его обнадежили», – подумала Давина.

Откашлявшись наконец, Джеймс проговорил:

– Если понадобится, Малколм защитит замок, но мы не можем допустить распространения огня. Если загорятся соломенные крыши деревянных построек, все выгорит дотла.

Несколько минут спустя, показавшихся им вечностью, послышался плес воды, а затем – грозное шипение пара. И теперь Давина уже различала голоса – женские и мужские; общая беда всех сплотила, и женщины, стоя рядом с мужчинами, передавали по цепи ведра с водой.

Наконец лестницу удалось потушить, вернее, то, что от нее осталось. Внизу, в Большом зале, еще кое-где полыхал огонь, но теперь уже страх сгореть заживо отступил – люди побеждали в борьбе с огненной стихией.

Но только Давина успела вздохнуть с облегчением, как услышала странный шорох за спиной. Оглянувшись, она увидела, как какой-то человек – или демон – выскочил из мрака и набросился на Джеймса. Давина отчаянно завизжала. Джеймс же резко отбросил от своей шеи руки неведомого «демона», но тот обхватил его ногами и повалил на чудом уцелевший в пожаре деревянный пол галереи. Сцепившись, мужчины покатались по полу, рискуя в любой момент либо свалиться с галереи, либо заживо сгореть.

Тот, кого Давина про себя окрестила «демоном», и впрямь дрался с дьявольским ожесточением. Глаза его горели безумным огнем, а из оскаленного рта вылетали брызги слюны. Он был словно заговоренный и, казалось, не чувствовал боли от непрерывно сыпавшихся на него ударов Джеймса. Давина громко закричала, увидев в руке негодяя нож с длинным узким лезвием. Она в ужасе вздрогнула, услышав победный вопль «демона», но тут они оба вскочили на ноги, и Давина выдохнула с облегчением, заметив, что нож теперь был в руке Джеймса.

В следующее мгновение она увидела кровавый след на руке мужа; ей хотелось броситься на помощь любимому, но она понимала, что ничем не сможет ему помочь, – возможно, лишь помешает.

И тут вдруг незнакомец с диким ревом бросился на Джеймса. Казалось, у того не было шансов, но в самый последний миг Джеймс ловко увернулся и сильным ударом вонзил нож под ребра нападавшего. Незнакомец схватился за живот, судорожно глотая ртом воздух. Затем сделал шаг, второй и со стоном рухнул на колени. Через несколько секунд глаза его остекленели, и он растянулся на полу, с глухим стуком ударившись о него головой. Из глубокой раны убитого хлынула кровь, и в считанные мгновения туника его стала багрово-красной.

– Он был один?! – крикнул Джеймс, подняв на жену глаза.

Давина в тревоге осмотрелась.

– Я никого не вижу, – сказала она.

– Что там с пожаром? – тяжело дыша, спросил Джеймс. Казалось, у него не оставалось сил даже на то, чтобы как следует осмотреться.

– Затухает потихоньку, – ответила Давина.

Тихо выругавшись, Джеймс шагнул к жене и обнял ее. Шумно выдохнув, пробормотал:

– Милая, если бы я снова тебя подвел...

– Джеймс, ты никогда меня не подводил.

– Джеймс! Давина! Вы в порядке?!

– Малколм? Ты не знаешь, что это было? Нападение?

– Нет-нет. Кто-нибудь из вас пострадал?

– Джеймс ранен. На него напали с ножом.

Малколм в тревоге посмотрел на брата.

– Ты ранен?... – пробормотал он.

– Ничего страшного, просто царапина, – пожав плечами, ответил Джеймс и взглянул на свою окровавленную руку.

Но Давина, осмотрев рану, пришла к другому мнению. «Может, швы и не потребуются, но перевязать придется», – подумала она. И ей даже не пришлось ломать голову над тем, где раздобыть ткань для перевязки. Малколм, подтянувшись, мгновенно оказался на антресолях, а затем протянул ей отрез льняного полотна. Кивком поблагодарив его, Давина принялась перебинтовывать руку мужа. Конечно, потом надо будет хорошенько промыть рану и наложить мазь, но для того, чтобы остановить кровь, и такой повязки хватит.

Брезгливо поджав губы, Малколм посмотрел на мертвеца и проворчал:

– Думаешь, это он устроил пожар?

– Скорее всего, – отозвался Джеймс. – Но он не стал уходить далеко и, где-то затаившись, наблюдал за развитием событий.

– Как-то странно все это... – пробормотал Малколм. – Ведь он должен был понимать, что сам себя загнал в ловушку. Возможно, он собирался выманить тебя из спальни, но не рассчитал, и пожар занялся слишком быстро.

– Как бы там ни было, от него мы уже ничего не узнаем, – сквозь зубы процедил Джеймс и, сжав кулаки, добавил: – Я надеялся, что он еще поживет. Ровно столько, чтобы смог ответить, зачем он это сделал.

– Или, что еще важнее, кто ему заплатил. – Малколм подошел к мертвецу. Тот лежал лицом вниз, и под ним уже образовалась кровавая лужа. Малколм перевернул его, поддев носком сапога, и спросил: – Ты его узнаешь?

– Господи, да он ведь совсем еще мальчик! – воскликнула Давина. – Ему лет пятнадцать, не больше. Ради чего он на это пошел?...

– Скорее всего, ради денег, – предположил Малколм.

Давина обняла мужа и прижалась щекой к его могучей груди. В носу першило от дыма и запаха крови, и слезы обжигали глаза. Она едва не потеряла своего Джеймса. Сначала его чуть не отнял огонь, а потом – нож наемного убийцы. Страшно было даже думать об этом.

– А может, этот замок проклят? – тихо спросила Давина, осмелившись наконец сказать то, о чем давно уже думала.

– Злые духи тут ни при чем, – заявил Джеймс. – Скорее всего, виноваты злые люди.

– Да, верно. – Малколм нахмурился. – Знаешь, я обнаружил расплавленный воск на обгоревшей лестнице, – добавил он. – Так что пожар – не случайность. Тот, кто его устроил, хотел убить вас обоих.

Едкий запах дыма вызвал в памяти Джеймса жуткие картины из недавнего прошлого. В бытность крестоносцем ему доводилось участвовать в осаде нескольких крепостей. К счастью, сейчас к запаху дыма не примешивался запах горелого мяса.

Между тем люди Джеймса и те воины, что привел с собой Малколм, уже заканчивали сооружать пандус. Джеймс спустился вниз первый, а Малколм помог спуститься Давине. Усевшись за стол в Большом зале, Джеймс тотчас же осушил кружку эля, а затем еще и кружку воды. Живительная влага если и не вернула ему силы, то вернула способность соображать, и теперь он задавал себе бесчисленные вопросы, требовавшие немедленных ответов. И действительно, кому они с Давиной мешали? Кто хотел их смерти?

Джеймс обвел хмурым взглядом собравшихся в зале людей – усталых и перемазанных сажей. Они отдали все силы, спасая их с Давиной, – но есть ли среди них предатель или предатели? И

если есть, кто они?

– Джеймс, позволь мне заняться твоей рукой, – сказала Давина. – Моя служанка Коллин уже принесла мазь из кладовой.

Давина поставила на скамью корзину с чистым полотном для перевязки и глиняный горшочек с какой-то мазью, имевшей отвратительный запах. «Неужели такой гадостью можно лечить людей?» – подумал Джеймс, поморщившись. Заметив, что руки у Давины все еще дрожали, он решил, что она затеяла всю эту возню с его рукой еще и для того, чтобы хоть чем-то отвлечься и успокоиться. Он старался ей не мешать и не издавал ни звука, даже когда она зашивала его рану. Ради нее он готов был на все.

– Вот и все, – сказала наконец Давина и улыбнулась. Но было очевидно, что ее что-то очень беспокоит. – Шрам, наверное, останется, но ведь все могло бы кончиться гораздо хуже, верно? Я наложила несколько швов, чтобы поменьше крови вытекало. И надо держать руку в чистоте, а также молиться, чтобы рана не загноилась. – Немного помолчав, она вдруг нахмурилась и прижала к щеке его ладонь.

– Не беспокойся, у меня нет жара, – пробормотал Джеймс.

– Но я на всякий случай приготовлю настой от лихорадки, – сказала Давина и тотчас же стала рыться в стоявшей рядом с ней корзине.

Джеймс чувствовал, что рука его была словно в огне, но любовь, которую он видел в глазах жены, помогала забыть о боли.

– А где леди Джоан? – неожиданно спросил Малколм.

– Не может быть, чтобы она спала и ничего не слышала, – сказал Джеймс. – Пусть кто-нибудь приведет ее сюда.

Леди Джоан появилась только через час – вошла в Большой зал и царственной походкой направилась к Джеймсу. Горничная Джоан семенила следом за хозяйкой. Дождавшись, когда служанка сотрет сажу со скамьи, Джоан присела на край, скрестив ноги в лодыжках. Изящным взмахом руки она расправила юбку на коленях и с демонстративным безразличием посмотрела на Джеймса.

На Джоан было нарядное платье из синего шелка – того же оттенка, что и ее глаза, – а горловину и подол наряда украшала замысловатая вышивка золотой нитью. Ее золотистые волосы, тщательно заплетенные и уложенные короной вокруг головы, покрывала белая вуаль из тонкого полупрозрачного шелка. Держалась же она на голове благодаря золотому венцу, украшенному драгоценными камнями. Джоан выглядела совершенно безупречно, то есть именно так, как должна была выглядеть знатная богатая леди. А ведь совершенства добиться нелегко – на это требовалось немало сил и времени... Что ж, ничего удивительного, что ее так долго пришлось ждать.

Джоан не задала ни одного вопроса, и ее самообладанию можно было только позавидовать. Но столь противоестественное отсутствие любопытства, пожалуй, играло против нее, потому что возбуждало подозрения.

Джеймс едва сдерживался – ему ужасно хотелось схватить ее за плечи и встряхнуть как следует. Взглянув на брата, он убедился в том, что не его одного раздражала эта женщина. Но, разумеется, ни один Маккена никогда не опустился бы до того, чтобы поднять на женщину руку.

Джеймс не торопился начинать допрос. Сделав глоток эля, он утер губы и, помолчав немного, наконец сказал:

– Хорошо, что ты все-таки изволила присоединиться к нам, Джоан. Полагаю, пожар прошел для тебя без последствий.

– Со мной все хорошо, – сказала Джоан и, театрально вздохнув, добавила: – Если, конечно, не считать того ужаса, что мне пришлось пережить.

– Неужели?... – с усмешкой протянул Малколм. – По вас и не скажешь, что вы испугались. Вы выглядите совершенно спокойной. Да и одеты так, словно на прием к королю собрались.

Джоан в раздражении передернула плечами.

– А вы бы предпочли, чтобы я пришла сюда в ночной сорочке, не так ли, сэр Малколм?

Малколм пристально уставился на леди Джоан, но его взгляд никак на нее не подействовал.

– И никто не узнал того парня, что напал на Джеймса, – продолжал Малколм. – Мы хотим, чтобы и вы взглянули на тело и сказали, знаете ли вы этого человека.

Джоан брезгливо поморщилась.

– Мне не хотелось бы смотреть на труп.

– Это не просьба, миледи, – прищурившись, пояснил Малколм.

Джоан тяжело вздохнула и пробурчала:

– Что ж, если вы приказываете... Хорошо, я посмотрю на тело. Но если никто не смог его опознать, то с чего же вы решили, что я смогу?

– Вы живете здесь дольше, чем мы, и, скорее всего, встречали больше местных жителей, – пояснил Джеймс.

Джоан посмотрела на него как на назойливое насекомое.

– Я не замечаю ни слуг, ни крестьян, – заявила она. – А если кого-то и знаю в лицо, то только свою горничную.

– Тело там, – сказал Малколм, указав в дальний конец зала.

Джоан слегка покачнулась, когда вставала. Малколм протянул ей руку, но она демонстративно предпочла опереться на руку своей служанки. Горничная Джоан нервно облизывала губы, подводя свою госпожу к телу юноши.

– Никогда прежде не видела этого беднягу, – заявила Джоан и перекрестилась.

– А как насчет вашей служанки? – резко спросил Малколм.

Горничная Джоан смертельно побледнела – казалось, вот-вот лишится чувств.

– Я не знала этого... парня, – в страхе пролепетала она.

Опираясь на руку горничной, Джоан вернулась к столу и с царственной медлительностью снова уселась на скамью.

– А вы, похоже, не очень-то взволнованы пожаром и нападением на мужа вашей кухни, – заметил Малколм.

– Нет, ошибаетесь. – Джоан взглянула на Джеймса. – Я глубоко потрясена произошедшим. Простите меня, сэр Малколм, за то, что я не устраиваю перед вами истерик, но я считаю подобное поведение в равной мере недостойным и нежелательным.

– Вы можете назвать причину, по которой кто-то хочет расправиться с Джеймсом и Давиной? – спросил Малколм.

– У всех есть враги, разве не так? И конечно же, у меня они тоже имеются. Однако у меня нет ни времени, ни желания задумываться о том, кто и почему желает зла моей кухне. – Джоан, кажется, поняла, что сказала лишнее, и, изобразив сочувствие, добавила: – Но меня очень расстраивает даже сама мысль о том, что мою кухню и ее супруга пытались убить.

Джеймс пристально посмотрел в глаза Джоан, надеясь, что она выдаст себя. Но взгляд ее не выражал ровным счетом ничего; она прекрасно умела скрывать свои чувства.

– Кто-то послал сюда этого парня с соответствующим заданием, – проворчал Малколм. – Но кто именно?...

– К несчастью, тот единственный человек, который мог бы ответить на ваши вопросы, мертв. В следующий раз, Джеймс, ты, возможно, учтешь свою сегодняшнюю ошибку и не станешь торопить смерть своих врагов, – язвительно заметила Джоан.

Джеймс замер на мгновение, потом спросил:

– Это что, предупреждение?

– Какая чушь! – Джоан вспыхнула и отвернулась; впервые ее невозмутимость дала трещину. – Я всего лишь сказала, что тебе не следует терять бдительность.

– Спасибо за заботу, – с сарказмом в голосе ответил Джеймс.

– А теперь, если я вам больше не нужна, я вернусь в постель, – сказала Джоан.

– Нет, мы с Давиной будем спать в твоей постели до конца этой ночи, – заявил Джеймс.

– А где же буду спать я? – в ужасе прошептала Джоан.

– Ну... например, здесь, в Большом зале. В восточном углу. Я велю своему пажу, чтобы он нашел для тебя матрас, протянул вокруг него веревку и повесил одеяло. Вот и будет у тебя отдельная спальня.

– Как ты смеешь так со мной обращаться?! – в ярости воскликнула Джоан, повернувшись к Давине.

– Джеймс – хозяин этого замка, и он будет спать так, как положено хозяину, то есть в нормальной кровати. Наша спальня пропахла дымом, и мы там оставаться не можем, – сказала Давина.

– Тогда отберите кровать у Малколма! – закричала Джоан.

– Малколм спит в казарме, – пояснила Давина. – А я должна находиться рядом с Джеймсом, чтобы следить за раной: она может воспалиться.

– Но на моей кровати мое личное белье! – завопила Джоан.

– Я прослежу за тем, чтобы его потом постирали, – сказала Давина.

– Что ж, вижу, у меня нет выбора, – процедила Джоан сквозь зубы.

– Конечно, нет, – с веселой улыбкой подтвердил Джеймс – наконец-то хмель на него подействовал. – Но если тебя не устраивает матрас на полу, то я могу предоставить тебе эскорт до замка твоего мужа.

Джеймс никак не ожидал увидеть в глазах Джоан такой жуткий страх. Должно быть, Давина тоже его увидела. Она подошла к кухне и, легонько обняв ее, проговорила:

– Ты должна простить моего мужа. Мы все очень устали и находимся не в лучшем расположении духа.

– Ничего, я привыкла к мужской жестокости, – сквозь зубы процедила Джоан. – Мне надо забрать кое-что из своей спальни. Я могу идти?

– Спокойной ночи, – небрежно кивнул ей Джеймс.

Смерив его напоследок презрительным взглядом, Джоан вышла из зала.

– Боюсь, она будет дуться на нас еще неделю, – со вздохом сказала Давина.

– Может, это заставит ее поторопиться с отъездом, – проворчал Джеймс.

Заговорщически подмигнув брату, Малколм заметил:

– Ты всегда можешь отправить послание ее мужу.

– Нет! – воскликнула Давина. – Я согласна, у Джоан тяжелый характер, и она временами бывает очень неприятной. Но я видела ее синяки! Жестокость ее мужа ничто не оправдывает. И отправить ее туда, где ее будут избивать, я не могу. Не смогу с этим жить.

– Не переживай, любовь моя. Мы не выставим Джоан из дома, – сказал Джеймс и, взглянув на перевязанную руку, несколько преувеличенно застонал. – Рана болит, сил нет. У тебя не осталось еще настойки?

– Сейчас еще приготовлю, – ответила Давина и с озабоченным видом отправилась готовить лекарство.

Дождавшись ухода жены, Джеймс повернулся к брату.

– Если мы умрем, кто унаследует крепость Торридон? – спросил он.

– Я не знаю всех законодательных тонкостей, – пожав плечами, ответил Малколм. – Но я

точно знаю: женившись на Давине, ты приобрел равные с ней права на ее собственность. Если она умрет до того, как родит наследника, тебе будет сложнее сохранить право на ее имущество, но эта сложность преодолима.

– А если мы оба умрем?

Малколм со вздохом покачал головой:

– Тогда, полагаю, земля перейдет к Армстронгам.

– Вот в этом-то и проблема, – заявил Джеймс, уверенный в своей правоте.

– Отчасти я с тобой согласен, но стоит посмотреть вокруг... – Малколм окинул взглядом зал. – Тут все в запустении... Чтобы привести в порядок эту крепость и земли вокруг, надо вложить во все это гораздо больше денег, чем может дать такая собственность.

Джеймс был согласен с братом. Никакой очевидной ценности эта земля не представляла. Но все же кто-то готов был за нее убивать. И если так...

Ему следовало как можно быстрее во всем этом разобраться.

Этим утром Джеймс решил прокатиться до южных границ Торридона. Пожар в замке случился две недели назад, и с тех пор – никаких происшествий. Ему бы радоваться, но Джеймса не покидало ощущение, что этот покой лишь затишье перед бурей. Возможно, они с Малколмом просто не давали шансов неведомым врагам. Крепость охранялась по всем правилам, ежедневно воины совершали объезд территории, и каждый день братья проводили учения, подтягивая местных мужчин до уровня солдат из замка Маккены.

Давина шагу не ступала без эскорта, даже в стенах крепости. Но в пределах замка ее обычно сопровождал либо паж Джеймса Колин, либо служанка-компаньонка, которую, по странному совпадению, тоже звали Коллин.

Джеймс перепоясался, заткнул за пояс два ножа, пристегнул меч и вышел из спальни. Запах горевшего дерева еще не выветрился окончательно, но новую лестницу уже построили. Джеймс собирался заменить деревянную лестницу на каменную, но решил с этим подождать, так как было ясно, что менять придется не одну лишь лестницу. Здесь столько всего требовало ремонта или замены, что у Джеймса порой опускались руки при мысли о том, сколько времени и сил придется потратить на то, чтобы привести в порядок замок и все прочее. Став хозяином этой земли, он лишь прибавил себе забот – никаких доходов эта собственность не приносила. И потому Джеймс не мог взять в толк, что же такого привлекательного увидели в Торридоне неведомые враги, готовые продать дьяволу душу за клочок болотистой земли.

Но сказать, что ему здесь совсем не нравилось, Джеймс не мог. Во-первых, Давина была рядом и днем, и ночью. А во-вторых, люди здесь жили очень даже неплохие. Приехав сюда, Джеймс ожидал встретить недоверчивое отношение к новому хозяину, возможно, явно враждебное. Но, к счастью, все было совсем иначе: люди в этих местах жили сплошь добродушные, незлобивые, рассудительные и, главное, трудолюбивые. Возможно, его так хорошо приняли благодаря Давине, сразу расположившей к себе людей. Не исключено также, что местным жителям пришлось по нраву поведение новых хозяев, ведь они вкладывали силы и средства в восстановление запущенного хозяйства и трудились ради общего блага.

Воины замкового гарнизона, служившие до приезда новых хозяев под началом смотрителя замка, изо всех сил старались доказать Джеймсу и Малколму, что они достойны доверия. Каждый из них стремился попасть в личную гвардию лэрда, и конечно же, никто не хотел остаться без постоянного дохода (воинам гарнизона, в отличие от крестьян, платили жалованье). Но Джеймс все же бдительности не терял и во время учений тщательно следил за тем, чтобы на площадке всегда было втрое больше проверенных бойцов из замка Маккены.

– Сэр Джеймс, я сейчас доложу кухарке, что вы готовы завтракать! – звонко отрапортовал Колин, едва Джеймс вошел в Большой зал.

Джеймс обвел взглядом зал, но Давину не увидел.

– Где моя жена? – спросил он у Колина, когда тот принес ему завтрак.

– Леди Давина во дворе. Мне ее позвать?

– Нет. Я сейчас все равно ее увижу по дороге на конюшню. Поеду на южную границу. Проверю, все ли там спокойно.

– Можно мне с вами? – с надеждой в голосе спросил Колин. – Обещаю, я не буду докучать вам вопросами. И отставать от вас не буду.

За несколько недель жизни в Торридоне Колин изменился до неузнаваемости. Робкий и неуверенный в себе мальчишка превратился в жизнерадостного, трудолюбивого парня, смышленного и жадного до всего нового. Джеймс поощрял его старания и даже решил сделать

Колина своим сквайром, но пока времени на то, чтобы учить парня ремеслу оруженосца, у него не было.

– Не сегодня, Колин. Но скоро мы станем выезжать вместе, обещаю. А пока я доверяю тебе самое важное. Следи за тем, чтобы во время моего отсутствия ничего не случилось с леди Давиной.

Джеймс даже садиться за стол не стал. Взял с подноса несколько овсяных лепешек и одну из них тотчас же отправил в рот, запив кружкой эля. Эль был кисловат, и он взял это на заметку. Следовало сегодня же поговорить с пивоваром.

Утирая губы рукавом, Джеймс вышел из Большого зала и сразу же увидел Давину – заметил ее еще издали. На площадке между конюшней и кузней кипела работа, и вначале при виде серых холмиков золы и больших железных горшков с кипятком Джеймс растерялся, но тут же сообразил, что женщины были заняты изготовлением мыла.

То, что жена вождя клана занималась мыловарением наряду с простыми крестьянками, было вполне обычным явлением в замке Маккены, и Давина, став хозяйкой замка, вела себя теперь точно так же. Да и скучно, наверное, сидеть сложа руки, когда другие трудятся.

Давина покраснелась от усилий, и румянец, как всегда, был ей очень к лицу. Джеймс поймал себя на том, что не мог оторвать от нее взгляд. «Должно быть, я совсем спятил, если от вида женщины, которая стоит над кипящим котлом, в котором варится щелок, у меня слюнки текут», – с усмешкой подумал Джеймс.

– Меня все утро не будет! – крикнул он жене.

Давина повернулась к нему и, приложив ладонь ко лбу, чтобы солнце не слепило, спросила:

– Ты берешь с собой эскорт?

– Да, четверых самых лучших из своих людей.

Давина одобрительно кивнула и вернулась к работе.

Конь лэрда был уже оседлан, и четверо воинов ждали его перед конюшней. Когда кавалькада выезжала за ворота, Малколм помахал им со стены. Джеймс ответил на приветствие брата. Если бы не Малколм, он не смог бы спокойно выезжать из замка, но на Малколма вполне можно было положиться – как на самого себя.

Нынешнее утро обещало быть ясным и солнечным, и Джеймс, хотя и скакал довольно быстро, то и дело осматривался. Повсюду он видел признаки приближавшей весны; природа пробуждалась от зимнего сна, и на деревьях уже набухали зеленые почки.

Воздух был свеж, но солнце все же пригревало. И сейчас впервые за две недели, прошедшие после пожара, хмурь на лице Джеймса рассеялась, и все чаще стала появляться улыбка. И действительно, везде было тихо, и ничто не предвещало беды.

У каменистого отрога, являвшегося южной границей его земель, Джеймс остановился.

– Здесь напоим коней и немного отдохнем перед тем, как отправиться в обратный путь, – сказал он своим спутникам.

Джеймс спешил и направился к небольшой роще, угнездившейся в узкой долине между двумя холмами. Посреди долины протекал ручей, и деревья в рощице уже начали одеваться юной листвой. Солнце же, пробивавшееся сквозь листву, отражалось в прозрачной воде ручья.

И эта роща, и поросшие вереском склоны – все здесь дышало миром и покоем, тишину же нарушал лишь звонко журчавший ручей. Это место было одним из немногих по-настоящему красивых мест в Торридоне, и Джеймс не торопился отсюда уходить. Опустившись на колени у ручья, он набрал пригоршню холодной воды, выпил ее, потом зачерпнул еще – и замер, ослепленный сиянием.

– О господи... – пробормотал он в изумлении.

Джеймс наклонился, пристально глядя в воду, и едва не свалился в ручей. С гулко бьющимся

сердцем он опустил руку в воду до самого дна и зачерпнул столько песка и камней, сколько поместилось в ладонь. Вытащив руку из воды, он чуть растопырил пальцы – чтобы вся вода стекла – и уставился на то, что осталось у него в ладони.

«Может, я тронулся умом? – думал Джеймс. – Что ж, немудрено после стольких ударов по голове, сколько досталось мне. Неужели я вижу то, чего нет?»

Все произошедшее настолько его ошеломило, что Джеймс, выпрямившись, едва держался на ногах; его качало словно пьяного. В голове же стремительно пробегали события последних пяти с лишним лет. Сначала – нападение, положившее конец их с Давиной отношениям... Потом – затворническая жизнь, которую Давина вела по наущению своей родни... Затем – еще два покушения, явно вызванные ее отъездом из замка Армстронгов и приездом в замок Маккены. И, наконец, поджог Торридона...

Кто-то не хотел, чтобы Давина вернулась в это маленькое поместье и вступила во владение тем, что досталось ей по наследству. Но почему? Непонятно... То есть было непонятно до этой минуты. Джеймс судорожно сглотнул и крепко сжал кулак с драгоценным доказательством. Теперь-то наконец он узнал, почему кое-кто считал Торридон лакомым кусочком. Таким вкусным, что за него можно и убить.

Давина осталась довольной результатами утренних трудов. Теперь мыла им хватит до следующей весны. Надо было только решить, где его хранить.

Кладовые в Торридоне, как и в большинстве других замков, находились в подвале под кухней, расположенной в цокольном этаже. На кухню же можно было попасть двумя способами – через дверь черного хода или через Большой зал, являвшийся одновременно и столовой.

Миновав Большой зал, Давина вышла к лестнице, ведущей в подвал, где располагались кладовые. Она заметила, что в кухонном очаге горел огонь, но людей в кухне не было. Кухарка, видно, вышла ненадолго в огород.

Давина без труда нашла кладовую. Спасибо леди Айлен – припасов хватало на любой вкус. А окрестные леса оказались богатыми дичью, что тоже было приятно. Кроме нескольких бочек с соленым мясом и рыбой, на крюках висели олени туши – трофеи, добытые во время вчерашней охоты.

Когда Давина осматривала кладовую и припасы, ей вдруг припомнился эпизод из раннего детства. Пожалуй, ей тогда было не больше лет, чем сейчас Лилее. В тот день шел противный мелкий дождь, и дети играли не во дворе, а в замке. А любимой игрой всех детей, живших в замке, была игра в прятки. Давина в тот день нарушила категорический запрет родителей и решила спрятаться в кладовой. И, как назло, не успела она туда спуститься, как услышала тяжелые – явно мужские – шаги; было очевидно, что кто-то спускался по лестнице. Давина притаилась за бочкой с овсяной крупой. Затаив дыхание, она просидела там, как ей показалось, целую вечность. Решив, что в кладовой уже никого нет и можно смело выходить из укрытия, она осторожно выглянула из-за бочки и увидела картину, навсегда врезавшуюся в ее память.

Решив проверить, правильно ли она все запомнила, Давина зажгла свечу и подошла к тому месту, где, выглянув из-за бочки, когда-то увидела отца. Затем, просунув руку за стоявшие на полке кувшины и банки, Давина осторожно провела ладонью по каменной стене – совсем так, как сделал тогда ее отец. В следующее мгновение она вдруг нащупала металлический штифт, торчавший из камня. Давина приподняла свечу повыше, чтобы лучше рассмотреть это место. Оказалось, что это какой-то рычаг. Давина надавила на него, но ничего не сдвинулось. Не желая сдаваться, она надавила посильнее. С третьей попытки у нее кое-что получилось. Она услышала щелчок, а затем между камнями появилась щель. Немного подумав, Давина надавила на прямоугольный камень, отделенный от остальной стены узкой щелью, и он, медленно

поддавшись, оказался дверью, ведущей в другое помещение. Давина шагнула в темноту, прикрывая ладонью дрожащее пламя свечи.

Она думала, что попала в секретную комнату, где, возможно, отец прятал что-то ценное, но оказалось, что за потайной дверью находилась винтовая каменная лестница. Не в силах противостоять искушению, Давина спустилась на несколько ступеней. Воздух в подzemелье пропах сыростью и плесенью, а на стенах блестели капельки воды. Она обещала себе, что сделает еще шаг и вернется, но любопытство оказалось сильнее доводов рассудка.

Спустившись до самого низа, Давина задрала голову, чтобы хотя бы примерно оценить, на какую глубину она спустилась, но в темноте ничего нельзя было разглядеть. Даже не представляя, что за открытия ее ждали, Давина чувствовала радостное волнение, знакомое, наверное, всем любителям приключений. Подняв руку со свечей над головой, она осмотрелась. Помещение, в котором она оказалась, было продолговатым, похожим на коридор, ведущий в крошечную тьму.

Смахнув с лица паутину, Давина продолжила путь и вскоре обнаружила какой-то туннель. Но что это за туннель? И куда он ведет? Может, за ворота замка? А может, это был потайной ход – надежда на спасение в случае нападения?

Давине не терпелось сообщить о своем открытии Джеймсу, и она повернула обратно. И вдруг – удар в висок, острая боль, а затем белые искры перед глазами... И вот уже, совершенно беспомощная, она лежит на сыром каменном полу. Каким-то чудом, падая, Давина удержала в руках свечу, и та, как ни странно, не погасла. Капавший со свечи воск обжигал пальцы, но Давина понимала, что боль можно потерпеть, а вот оказаться в полной темноте один на один с неведомым врагом – это было бы куда хуже.

«Но кто же меня ударил?» – думала Давина. Преодолевая страх, она осмотрелась, но никого не увидела. Тут вдруг послышался шорох, и она, вздрогнув, подняла свечу повыше. И снова ничего не увидела. Ничего, кроме каменных стен. Тот, кто ее ударил, должно быть, скрылся в туннеле. Возможно, убежал из замка. Только бы ему не пришлось в голову вернуться!

Сквозь щели в камне задувало холодом. Пытаясь сберечь огонь, Давина прикрывала ладонью, но в какой-то момент свеча все равно погасла, и случилось то, чего Давина больше всего боялась, – она очутилась в полной темноте. В ужасе содрогнувшись, она поднесла руку к глазам – и обнаружила, что не видит собственных пальцев.

Давина долго лежала на каменном полу, прислушиваясь к каждому шороху. Откуда-то сверху доносились звуки, напоминавшие то топот, то скрежет. «Скорее всего, – решила Давина, – это шум из Большого зала. Возможно, туда заходят люди и рассаживаются по местам».

Давина понимала, что главное – не паниковать. Кроме того, она знала, что Джеймс весь замок перевернет, но непременно ее найдет.

Но только когда он ее найдет? Через сутки? Через неделю? Как бы там ни было, лежать в бездействии и ждать помощи она не могла. Но что предпринять, если она ничего вокруг не видит? Попробовать пройти по туннелю и найти выход? Нет, нельзя. Она ни разу не была в этом туннеле, и потому без свечи там делать нечего. Но можно попробовать вернуться тем же путем, каким она сюда пришла.

Давина медленно ползла на четвереньках, пока не уткнулась в стену. Держась за нее, она поднялась. Голова кружилась, и пришлось прислониться к стене. Колени дрожали, и Давина обхватила себя за плечи, пытаясь справиться со страхом.

Через некоторое время ее глаза привыкли к мраку, и она стала различать контуры стен. Ощупывая ладонью стену, Давина медленно пошла вдоль нее. «Там, где ладонь провалится в пустоту, – там и лестница», – решила она.

Наконец-то! Нашла! Давина даже засмеялась от радости.

Используя тот же прием, она снова ощупала ладонью стену. Затем очень осторожно поднялась на ступеньку. Потом – еще на одну. Все они были с неровностями, так что идти по ним в темноте было трудно, но она продолжала подниматься. И вдруг услышала какой-то писк. Что это, крысы? Мыши? Или еще какая-нибудь нечисть, живущая в этой сырой мгле? А впрочем, какая разница? Ведь они боялись ее больше, чем она их. А если и не так, все равно. Главное – внушить себе, что это именно так.

Сделав глубокий вдох, чтобы унять нервную дрожь, Давина осмотрелась, вглядываясь в темноту, но и на сей раз ничего не увидела.

Сделав еще один осторожный шаг, она всем телом прижалась к стене. Через минуту-другую ей удалось пройти еще три ступени, и тут она вдруг почувствовала, как что-то скользнуло по ее прижатой к стене руке. Громко завизжав, Давина отдернула руку и, потеряв равновесие, кубарем скатилась вниз.

Каким-то чудом ей удалось не свернуть себе шею. Больно ударившись о каменный пол, Давина села и заплакала. Увы, она вновь очутилась на самом дне лестничной шахты, и теперь все надо было начинать сначала.

Но страх был так силен, что боль почти не ощущалась. Отчаяние же побуждало ее действовать.

Давина попыталась встать, но ногу пронзило такой сильной болью, что у нее потемнело в глазах. А воображение услужливо рисовало жуткие картины ее возможного будущего. Кто знает, сколько времени ей придется провести в этом беспросветном подземелье? Часы? Дни? О боже!..

«Ничего страшного. Я передохну немного, наберусь сил и сделаю еще одну попытку», – говорила она себе.

– Где ты был, Джеймс? – заметно нервничая, спросил Малколм. – Ты обещал вернуться до полудня, а сейчас уже два часа.

Джеймс бросил поводья мальчику-конюху и прыгнул с коня.

– Ты не поверишь, Малколм, когда я расскажу тебе, что я нашел! – Джеймс полез в карман, но, подняв на брата глаза, забыл обо всем. Малколм словно стал старше лет на десять. И был сам не свой от тревоги.

– Что случилось?! – закричал Джеймс.

– Давина пропала. Мы не можем ее найти.

Сквозняк, загасивший ее свечу, куда-то пропал, а воздух теперь был тяжелым и затхлым. И стоило ей попытаться изменить положение, как тотчас же острая боль пронзала ногу.

Давина столько времени провела в темноте, что глаза к ней уже привыкли, и она стала видеть получше, хотя, конечно, не настолько хорошо, чтобы полагаться на зрение. Встать на ноги она не могла, но если доползет до лестницы, то, возможно, ей удастся подняться наверх, подтягиваясь на руках. А если не до самого верха, то хотя бы до того места, откуда ее крики о помощи смогут слышать в Большом зале или на кухне.

Внезапно ей показалось, что она увидела чей-то силуэт.

– Эй, здесь есть кто-нибудь?! – крикнула она.

– Давина?...

Эхо искажало голос, и Давина его не узнала, но все же громко закричала:

– Эй, я здесь, внизу!

– Давина? – Теперь голос звучал уже намного ближе, и, что еще важнее, этот голос был ей знаком, вот только она не могла вспомнить, чей же он. Впрочем, это не имело значения. Главное – она была спасена.

Вначале Давина увидела тоненький язычок пламени. И огонек все приближался и

приближался, освещая закутанную в плащ фигуру, с надвинутым на глаза капюшоном.

– Ты не ушиблась? – слышался тот же голос.

– С ногой что-то... – пробормотала Давина.

– Ах, бедняжка... Придется звать на помощь, чтобы вытащили тебя отсюда.

Женщина в плаще подняла повыше свечу, и Давина на мгновение ослепла от яркого света, а затем, несколько раз моргнув, в изумлении воскликнула:

– Тетя Изобел?!

Джеймс гневным вихрем ворвался в Большой зал. Малколм вбежал следом за ним. Зал был пуст.

– Давина! – заорал молодой лэрд. – Давина, где ты?!

Паж Джеймса тотчас прибежал на крик с заплаканным лицом.

– Простите меня, сэр Джеймс, – пробормотал юноша. – Вы поручили мне смотреть за леди Давиной, а я вас подвел.

Следом за пажом прибежала ее тетка, бывшая компаньонка, а теперь камеристка Давины по имени Коллин.

– Милорд, мы весь дом обыскали сверху донизу, но ее нигде нет, – сообщила взволнованная женщина. – Ума не приложу, что могло с ней случиться...

– Стражники на стене ничего не заметили? – спросил Джеймс у брата.

– Никто не выходил из замка, и никто в него не входил, – ответил Малколм. – Давина должна быть где-то здесь.

– Но где именно? Где, где же она?... – бормотал Джеймс. Не находя себе места, он расхаживал перед потухшим камином. Проклятие! Давина в опасности, а он даже не знает, где ее искать.

– Мы найдем ее, – с уверенностью заявил Малколм, хотя вовсе не чувствовал уверенности.

В этот момент в зал вошла Джоан. И Джеймс сразу же заметил, что на лбу ее выступила испарина, а взгляд у нее был какой-то бегающий...

– Что ты скрываешь, Джоан? – с угрозой в голосе спросил молодой лэрд.

Джоан отшатнулась от него, словно боялась, что он ее ударит.

– Я... я, кажется, знаю, где искать Давину, – пробормотала она.

– Тогда говори немедленно! – У Джеймса под скулой задергался желвак.

– Под замком проложен подземный ход, и она может быть там, внизу, – ответила Джоан.

– Откуда вам об этом известно? – спросил Малколм, нахмурившись.

– Я обнаружила потайной ход вскоре после приезда в Торридон. В замке Армстронга, где я выросла, таких ходов несколько. Мои родичи всегда прокладывают туннели под укреплениями, и я подумала, что и здесь должен быть хоть один такой туннель.

– С чего тебе вдруг вздумалось искать подземные ходы? – осведомился Джеймс.

– Я боялась, что мне придется спасаться бегством и времени у меня будет в обрез. – Голос Джоан дрожал, но спину она держала прямо, а голову – высоко.

– Если Фрейзер за тобой явится? – допытывался Джеймс.

– Да, – коротко кивнула Джоан.

– Что ж, иди показывай, – приказал Джеймс, подтолкнув ее в спину.

Джоан шла впереди, а все остальные – следом за ней. Когда она привела их в кладовую, Джеймс осмотрелся в замешательстве и, сжав кулаки, проговорил:

– Если ты решила водить нас за нос...

– Нет-нет. – Джоан энергично покачала головой, затем подошла к одной из кухонных полок и, пошарив за склянками, на что-то нажала. После чего чудесным образом в стене образовался проем, за которым начиналась лестница.

– Темно, хоть глаза выколи, – пробормотал Джеймс, с трудом протиснувшись в проем.

– Вот, держи, – сказал Малколм, передавая ему факел.

Взяв факел, Джеймс вытащил меч, и Малколм тоже. Джеймс шел впереди, а Малколм – сразу за ним. Все прочие шагали на некотором расстоянии от них.

Джеймс первым увидел Давину. Она лежала на каменном дне лестничного колодца, а рядом с ней маячила закутанная в плащ фигура.

– Мама?! – в изумлении воскликнула Джоан.

Джеймс рванулся вперед. Давина тотчас подняла голову и крикнула:

– Осторожно, у нее нож!

– Да, все верно. У меня нож, и я держу его у горла Давины, – тут же послышался голос леди Изобел.

Джеймс замер на мгновение. Затем, подняв факел повыше, он посмотрел в глаза пожилой леди, и ему показалось, что он увидел в них лихорадочный блеск. «Похоже, она сошла с ума», – промелькнуло у него.

– Так это были вы, леди Изобел? – Джеймс понимал, что должен отвлечь внимание сумасшедшей, чтобы та забыла о ноже. – Я ведь не ошибся? – Джеймс не делал никаких резких движений. – Ведь это вы наняли тех людей, чтобы они убили нас с Давиной?

– Я столько денег зря потратила на этих жалких неудачников! За что ни возьмутся – все провалят. Мне надо было, чтобы Давина осталась незамужней, чтобы жила при мне, под моим приглядом. Но она, видите ли, уехала встречать Рождество к Маккене, а потом вышла за тебя замуж. Я-то думала, что избавилась от тебя раз и навсегда еще пять лет назад, Джеймс Маккена! – Изобел побагровела от злости. – Как только я узнала, что Давина вышла замуж, сразу же поняла, что она поедет в Торридон вместе с тобой и поселится здесь. И этого я не могла допустить.

– Но почему?! – в отчаянии воскликнула Давина. – Ведь этот маленький замок...

– Дело не в замке, – перебил Джеймс. Сунув руку в карман, он достал оттуда найденный в ручье самородок. – Миледи, вы на это позарились?

По-прежнему держа нож у горла своей племянницы, леди Изобел воскликнула:

– Ах, вот как?! Значит, тайна Торридона раскрыта?!

– Да, именно так, – ответил Джеймс. – Совсем недавно. Я раскрыл эту тайну. Не ожидали, да?! – воскликнул он с нарочитой запальчивостью и сделал маленький шаг вперед. – А вы, леди Изобел, как давно знаете о золоте?

– С тех пор, как умерли родители Давины. Я приехала, чтобы ухаживать за ними во время их болезни, и тогда-то я и узнала секрет ее отца.

– Так это вы... – Давина не смогла договорить – ее душили эмоции.

– Я ли их убила? Нет, не я. Их убила болезнь, хотя, пожалуй, я могла бы ухаживать за ними и лучше. Может, они бы и выздоровели. – Изобел засмеялась каким-то странным лающим смехом. – Ну и поделом им обоим. Отец Давины никогда не рассказывал нам о золоте и никогда не предлагал моему мужу, моему единственному брату, разделить это богатство поровну. А теперь сокровище по праву принадлежит ему.

– Так вам сказал лэрд Армстронг? – спросил Малколм.

– Фергус ничего об этом не знал, – ответила Изобел. – Когда же я ему рассказала, он меня и слушать не захотел! Назвал меня полоумной, когда я сказала ему о золоте. Вот глупец, верно?

Джеймс невольно вздохнул. Он прекрасно понимал, что выбора у него не было – следовало делать все, чтобы Изобел продолжала говорить. Злобная старуха левой рукой держала Давину за волосы, а правой прижимала нож к ее горлу.

– Не сомневаюсь, что лэрд Армстронг изменит свое мнение, когда увидит золото, – сказал

Джеймс так, словно вел с Изабел застольную беседу. И одновременно он сделал еще один шаг вперед.

Леди Изабел расплылась в улыбке, но, тут же опомнившись, пристально взглянула на Джеймса и крикнула:

– Не смей приближаться! – И она еще крепче прижала нож к горлу Давины.

Давина вскрикнула, и по шее ее потекла тоненькая струйка крови.

– Мама, пожалуйста,пусти ее! – внезапно раздался голос Джоан.

Изабел повернулась к дочери, и Джеймс, воспользовавшись моментом, бросился вперед. Оттолкнув в сторону Давину, он схватил старуху за руку, сжимавшую нож, и с силой вывернул ее. Изабел разжала пальцы, нож со звоном упал на каменный пол, и Джеймс поспешил его поднять. И в тот же миг Изабел бросилась в темный тоннель. Малколм и Джоан побежали следом за ней, но она уже исчезла во тьме.

Внезапно раздался оглушительный грохот, а затем – душераздирающий вопль. Из тоннеля вылетело облако пыли, а откуда-то сверху посыпались камни. Но Джеймс успел накрыть своим телом Давину за мгновение до этого. К счастью, дождь из камней продолжался недолго, и Джеймс отделался лишь синяками и ссадинами.

Давина же, придя в себя, со вздохом пробормотала:

– Свод туннеля рухнул.

Какое-то время все молчали, ведь и так было понятно, что произошло.

– Осторожнее, Малколм! – завопил Джеймс, увидев брата, тащившего за собой всхлипывающую Джоан. Она были в пыли и грязи.

– Где Изабел? – спросил Джеймс.

– Погребена под обломками, – ответил Малколм. – Свод тоннеля подпирали балки. Одна из них надломилась, и земля стала осыпаться. Мы с Джоан попятились, а Изабел побежала дальше. Тяжелая балка ударила ее по голове, а через мгновение ее уже всю засыпало землей и камнями.

– Моя мать погибла, – без всякого выражения сказала Джоан.

Джеймс посмотрел на брата, и тот молча кивнул.

– Тем не менее надо распорядиться, чтобы ее тело откопали, – решил Джеймс.

– Я за этим прослежу, – вызвался Малколм. – А ты займись своей женой.

Джеймса душили эмоции. Давина, бледная и несчастная, лежала на кровати, то и дело вздыхая. Предательство тети глубоко ранило ее, а когда страдала жена, то и Джеймс страдал вместе с ней. И он не отходил от Давины с того самого момента, как вынес ее из подземелья. К счастью, вскоре выяснилось, что нога у нее была не сломана, а всего лишь вывихнута. И Колин тотчас же побежал в деревню за лекарем, который вправил вывих и приготовил снадобья, снимавшие боль. Но Давина от лекарств отказалась, сказав, что ей больше поможет покой.

Джеймс смочил чистую тряпицу в прохладной воде и, отжав, приложил ко лбу жены. Затем осторожно ощупал ее голову. Давина вздрогнула, когда он дотронулся до шишки у нее на затылке.

– Через несколько дней пройдет, – сказал Джеймс. – Может, попросить Коллин приготовить тебе какой-нибудь лечебный отвар?

– Нет, у меня и без отвара голова гудит, – пробормотала Давина.

Джеймс присел на край кровати и взял жену за руку.

– Милая, я так за тебя беспокоился... Никогда в жизни не знал такого страха. Но как ты оказалась в этом подземелье?

– Я заглянула в кладовую, чтобы найти место для мыла, и, оказавшись там, вдруг вспомнила, что в детстве однажды видела, как мой отец прошел сквозь стену, вернее, вышел из кладовой через потайную дверь.

– И я, отыскав рычаг, с помощью которого открывалась потайная дверь, решила узнать, что за той дверью. Тетя Изобел, должно быть, воспользовалась подземным ходом, чтобы попасть в замок. Наверное, это она ударила меня по голове и убежала. Я не знаю, зачем она вернулась. – Давина тяжело вздохнула. – Я все еще не понимаю, что ей было нужно...

– Золото, – буркнул Джеймс. – Вот, видишь?...

Давина взяла протянутый Джеймсом самородок и в задумчивости провела по нему пальцем.

– Где ты его нашел?

– На дне ручья у южной границы.

Давина покачала головой.

– Все это так странно... – Мои родители всегда жили очень скромно. И если бы они могли добывать золото, то мы не знали бы, что такое лишения. Мы бы купались в роскоши.

– Я думаю, Изобел переоценила золотые запасы Торридона, – сказал Джеймс. – Если бы золота было много, о нем знала бы вся округа и все пытались бы заниматься его добычей.

Давина поднесла самородок к свету.

– И все же ты с легкостью его нашел.

– Судьба так распорядилась, – с улыбкой ответил Джеймс. – Должно же нам хоть в чем-то везти после всех тех бед, что мы пережили.

Давина крепко сжала руку мужа. В глазах ее блестели слезы.

– Страшно подумать, сколько времени мы потеряли. Если бы не вмешательство тети Изобел, мы бы уже пять лет были женаты.

– Да. И уже успели бы друг другу надоесть, – со смехом проговорил Джеймс.

– Помолчи, Джеймс Маккена!.. – воскликнула Давина, ткнув его пальцем в грудь. – Сэр, вы неисправимы, – добавила она с улыбкой.

Джеймс посмотрел ей в глаза и тихо сказал:

– Я люблю тебя, Давина. Пора нам оставить прошлое в прошлом и начать строить будущее, о котором мы оба мечтаем.

Давина провела ладонью по его щеке и прошептала:

– Да, ты неисправим, но не по годам умен. Я люблю тебя, Джеймс.

И губы их встретились в страстном поцелуе. Но не только страсть была в этом поцелуе – их чувства друг к другу были гораздо глубже. Джеймс знал, что он никого никогда не смог бы любить так, как любил Давину.

Они принадлежали друг другу в этой жизни и будут принадлежать в жизни следующей – так было предначертано им с самого начала.

И пусть их путь друг к другу оказался длиннее, чем у большинства других счастливых пар, но зато теперь они точно знали, чем владели, и знали, что должны беречь то, что обрели.

Год спустя

Давина открыла глаза, сладко зевнула и еще крепче прижалась к мужу. Его ладонь лежала у него на груди, и она чувствовала, как билось его сердце. А его запах – такой родной и знакомый – приятно щекотал ноздри. «Можно еще немного подремать», – снова зевнув, подумала Давина. И она еще какое-то время наслаждалась теплом и запахом любимого – ужасно хотелось чуть-чуть оттянуть наступление нового дня с его заботами и тревогами.

Но вот пронзительно закричал петух, а потом беспокойно заблеяли овцы. Тихо вздохнув, Давина неохотно рассталась с теплом и негой и, встав с постели, подошла к окну. Утро было довольно прохладное, но ясное весеннее небо обещало теплый и солнечный день.

Давина улыбнулась. Ясное утро – хорошая примета для этого дня. Сегодня начнется стрижка овец, и старый Магнус сказал ей, что это дело пройдет гораздо легче для всех – включая овец, – если погода будет хорошая.

С камышовых болот донесся печальный крик выпи. Давина окинула взглядом крестьянские домики, жавшиеся к крепостной стене, и снова улыбнулась. Свежая солома на крышах, чистые дворы и аккуратные грядки... Леди Айлен поделилась с ней семенами, и Давина постаралась найти им наилучшее применение. К счастью, семян хватило на всех, так что можно было надеяться на то, что зима не будет голодной.

А во дворе, в кузнице, уже кипела работа, и черный дым клубами поднимался в небо. В противоположной стороне двора работали каменщики, укреплявшие стену возле недавно построенной ткацкой мануфактуры. Место же для будущей часовни уже было отмечено столбами и огорожено веревкой.

Давина в очередной раз улыбнулась – картина, открывавшаяся из окна, наполняла ее гордостью и надеждой. Им столько всего полезного удалось сделать всего за год, хотя работы еще предстояло немало. Добиться того, чтобы все живущие на этой земле имели теплый кров и достаточно еды, – ой как это непросто, но для нее и Джеймса не было более важной задачи.

Вначале крестьяне относились к новым хозяевам с некоторой настороженностью, но вскоре осознали, что они с Джеймсом приехали сюда не на время, а навсегда. Конечно, здесь, на этих болотистых пустошах, богатых урожаям ждать не приходилось, но еду всегда можно было купить или обменять на то, что сделано умелыми руками тех, кто жил в Торридоне.

Давина понимала, почему многие местные жители поначалу сомневались в том, что из рыцаря-крестоносца получится хороший хозяин, но Джеймс удивил всех своей хозяйской хваткой и любовью к земле. И, что совсем немаловажно, он был настоящим воином, поэтому знал, как защитить эту землю. И еще он сумел научить здешних мужчин тому, что знал сам.

Золото действительно имелось в ручье на южной границе, но добыть удалось не так уж много, а времени и сил на это ушло порядком. Как и предполагал Джеймс, полагаться на золотодобычу как на главный источник дохода с поместья они не могли.

Дядя Фергус без особого, правда, желания предложил компенсацию за урон, нанесенный его обезумевшей покойной женой, но Давина звонкой монете предпочла нечто более ценное – гарантию независимости. И дядя Фергус с величайшей неохотой согласился передать Торридон клану Маккены. Маккена же, в свою очередь, предоставил Джеймсу полное право на собственность, что означало возможность принятия им любых решений без согласования с вождем клана. И такое положение устраивало все стороны.

Слухи о злодеяниях безумной леди Изобел быстро распространились по всему Нагорью. И

каких только сплетен о ней не ходило! Впрочем, для Джоан смерть матери обернулась неожиданной удачей. Арчибальд Фрейзер, узнав о преступлениях тещи, испугался того, что безумие передастся по наследству его детям, и под этим предлогом заявил о намерении развестись с Джоан. От рожденного в браке с ней сына Фрейзер отрекся, и Джоан смогла забрать мальчика в замок Армстронга, где она сейчас и жила как хозяйка.

– Почему ты покинула нашу постель, жена?! – послышался хриловатый баритон Джеймса.

Ах, этот голос – такой знакомый и родной! Сердце Давины радостно забилося, и она обернулась. Джеймс лежал на животе, подпирая подбородок ладонями, и с улыбкой смотрел на нее. Одеяло сползло с него до пояса, и Давина могла вволю налюбоваться его мускулистой фигурой. Этот мужчина был для нее всем тем, о чем она всегда мечтала, и он, этот чудесный мужчина, принадлежал ей – только ей одной.

Давина вернулась в постель и, скользнув под одеяло, крепко прижалась к мужу. А тот ткнулся носом в ее висок, потом поцеловал в лоб. Давина тихонько зажмурилась от удовольствия; она знала, что любимый мужчина способен защитить ее от любых невзгод.

– Как чувствует себя мой сын этим славным утром? – спросил Джеймс, осторожно проводя ладонью по ее округлившемуся животу.

– Твой сын или твоя дочь пока что мирно спит, – ответила Давина со счастливой улыбкой; ее любовь к Джеймсу росла и крепла с каждым днем, и порой ей даже не хватало слов, чтобы выразить переполнявшие ее чувства.

Она еще крепче прижалась к мужу, и он поцеловал ее в губы. А его пальцы тем временем, блуждавшие там, внизу, уже творили свою обычную магию. Но Давина не позволила ему отвлекаться от дел. Отстранившись, она чмокнула мужа в лоб и тут же встала с постели.

Джеймс застонал, изображая страдания. Перевернувшись на спину, он закинул руки за голову и сказал:

– Ты выглядишь усталой, любовь моя. Возвращайся в постель.

Давина криво усмехнулась.

– Если я вернусь в постель, ты ведь все равно не дашь мне отдохнуть.

– А что же в этом плохого?...

– У нас много дел, Джеймс.

– О, ты жестокая женщина, Давина! Ты покидаешь меня, вознаградив лишь одним жалким поцелуем.

Давина рассмеялась. У него так забавно выходило притворяться капризным.

– Я не могу целый день валяться с тобой в постели, дорогой муж. Ты не забыл, что сегодня мы начинаем стричь овец?

Джеймс рывком приподнялся.

– Только не говори, что собираешься сама в этом участвовать, – сказал он с беспокойством.

– Джеймс, я жду ребенка, это верно. Но я не больная и не увечная. Я чувствую себя прекрасно. А тошнота и слабость прошли окончательно, как и предсказывала повитуха.

– Но ты падала в обморок...

– Всего один раз, Джеймс. И это случилось два месяца назад.

– Я беспокоюсь за тебя и нашего ребенка.

– И я тебя за это люблю. – Как ни странно, металлические нотки, прозвучавшие в голосе мужа, лишь добавляли ей уверенности в том, что она любима и что он готов ее на руках носить.

Вернувшись к Джеймсу, она присела на край кровати, а он обнял ее и привлек к себе.

– Любимая, моя мать говорила, что я должен обращаться с тобой бережно и нежно.

– Ты всегда был нежен со мной, Джеймс. Даже тогда, когда я не носила нашего ребенка. – Давина взяла его лицо в ладони и поцеловала так, чтобы он почувствовал, как сильно она его

любит. – Но ты не должен душить меня своей добротой, Джеймс, если не желаешь мне зла.

– И все-таки тебе незачем присутствовать на стрижке. Пастухи знают, что от них требуется, и, смею тебя уверить, они будут трудиться на совесть – хотя бы для того, чтобы тебе угодить.

– Я хочу быть уверенной в том, что вся шерсть до последнего клочка сострижена и собрана, – сказала Давина. И, вытащив из сундука старое платье, начала одеваться. – Из шерсти мы сделаем пряжу, а из пряжи – ткань. В прошлом году мы заплатили немалые деньги за хорошую ткань, а в этом году я намерена не покупать, а продавать, ясно?

Джеймс молча наблюдал за женой, больше не делая попыток ее отговорить. И в постель он ее больше не заманивал. Когда же она оделась, он тоже встал.

По дороге в Большой зал Давина увидела поднимавшегося по лестнице сонного Колина с кувшином воды в руках – Джеймс каждое утро требовал горячей воды для умывания. Когда же она вошла в зал, там уже яблоку негде было упасть – и все ели с завидным аппетитом.

Давина зашла на кухню, убедилась, что там все в порядке, а потом тоже села завтракать. Она с удовольствием ела овсяные лепешки, обмакивая их в мед и запивая пахтой, и радовалась, что ее больше не тошнило от одного запаха еды, как в первые месяцы беременности.

... А во дворе замка царила атмосфера радостного возбуждения – овец гнали в загоны и готовились к стрижке. Давина и Джеймс по большей части молча наблюдали за происходящим и высказывали свое мнение только тогда, когда их спрашивали. К вечеру на огороженном участке двора громоздились внушительных размеров горы овечьей шерсти.

Как и предупреждал старый Магнус, овцы заметно нервничали. Без толстой зимней шубы животные выглядели голыми, но для ягнят так будет даже удобнее – легче найти материнский сосок. А всего через несколько недель должно было появиться неплохое пополнение: беременных овец было много.

Давина никогда бы не призналась в этом Джеймсу, но к концу дня она ужасно устала. Она решила немного вздремнуть перед ужином, но остановилась при виде въезжавших в замок незнакомых рыцарей – конный отряд толпился в воротах.

Джеймс подошел к ней и положил руку ей на плечо. И страх тотчас же отступил: когда рядом находился муж, ей нечего было бояться.

Один из рыцарей отделился от кавалькады и въехал во двор. В нескольких ярдах от них с Джеймсом он остановил коня и спешил. Затем снял шлем и встряхнул длинными темными волосами – они густыми волнами упали ему на плечи.

Забыв о страхе, Давина во все глаза смотрела на незнакомца. Такого красивого мужского лица она не видела никогда. И все же этот красавец во всем уступал ее мужу – она могла бы в этом поклясться.

Когда незнакомец приблизился к ним, Джеймс протянул ему руку. Мужчины обменялись рукопожатиями как давние друзья.

– Гидеон, неужели это ты?! – воскликнул Джеймс.

– Да, Джеймс, это я. Я уже не чаял увидеть тебя живым, но тут узнал, что ты поселился здесь, в Торридоне.

И оба рассмеялись, радуясь встрече.

– Познакомься с моей женой, – сказал Джеймс, гордо выпятив грудь. – Давина, этот уродливый гном – мой брат-крестоносец.

Сэр Гидеон поклонился с безукоризненным изяществом вельможи, большую часть жизни прожившего при дворе.

– Вижу, что вам удалось завоевать сердце этого малыша, – проговорил гость. – Поздравляю вас, миледи.

Давина улыбнулась; ей нравился этот любезный рыцарь.

– Уверяю вас, милорд, наши с Джеймсом чувства взаимны, – ответила она с поклоном.

– Джеймсу всегда везло с дамами, – со смехом отозвался сэр Гидеон.

– В самом деле? – Давина снова улыбнулась. – Ну-ка расскажите подробнее, милорд.

– Дорогая, не обращай внимания на этого беспутника. У него язык без костей. Что, Гидеон, ищешь чем заняться? – спросил Джеймс, быстро сменив тему. – Мой отряд полностью укомплектован, но для рыцаря с твоими умениями у меня всегда найдется место.

Сэр Гидеон в задумчивости окинул взглядом пустынный ландшафт. Он не хотел обидеть хозяев нелестной оценкой, но увиденное, как показалось Давине, его не слишком впечатлило.

– В жизни в глуши есть свои преимущества, – сказала Давина.

Щеки сэра Гидеона покрылись краской.

– О, поверьте, миледи, это прекрасное место, – ответил он.

– Я не прошу тебя принимать решение прямо сейчас, – сказал Джеймс. – Когда решишь, тогда и решишь. Место останется за тобой.

Сэр Гидеон улыбнулся и проговорил:

– Я сейчас еду на юг, на турнир. Приз весьма соблазнительный для любого рыцаря, но ты, как я вижу, теперь больше лэрд, чем рыцарь. Полагаю, звон монет тебя уже не так манит, если ради них придется покинуть столь прекрасную леди.

– Я богат как дож! – заявил Джеймс. Обняв жену за плечи, он чмокнул ее в губы.

Давине было приятно, что Джеймс так открыто и искренне выражал свои нежные чувства к ней, но все же ей стало неудобно перед гостем, и потому она, пусть неохотно, высвободилась из объятий мужа.

– Я должен еще кое-что рассказать тебе, Джеймс, – сказал сэр Гидеон, когда они зашли в Большой зал. – Это касается твоей семьи, в особенности – твоего брата Малколма.

– Он в опасности? – Джеймс насторожился.

– Да, возможно. – Сэр Гидеон бросил выразительный взгляд в сторону Давины. Было ясно, что делиться новостями в ее присутствии он не хотел.

– Можешь спокойно говорить при ней, – усмехнувшись, сказал Джеймс. – Тогда мне не придется запоминать все подробности – жена всегда все напомним мне.

Но беззаботный и даже шутливый тон, каким Джеймс произнес эти слова, не обманул Давину – она видела, что муж встревожен.

– По дороге сюда мы остановились переночевать у Макферсона, – продолжал гость. – Лэрд был в ярости, поскольку только что узнал о том, что его дочь родила бастарда. И Макферсон утверждает, что отцом ребенка является Малколм Маккена. Более того, он клялся отомстить Малколму за бесчестье.

– Это ложь! – в негодовании воскликнул Джеймс.

– Малколм никогда бы так дурно не обошелся с девушкой, – вмешалась Давина. Голос ее звенел от возмущения. – И уж точно Малколм никогда не бросил бы своего ребенка.

– Это еще не все, – сказал Гидеон, с сочувствием глядя на друга. – Лэрд Макферсон обещал немалые деньги за голову Малколма.

– Проклятие... – процедил Джеймс. – Теперь на моего брата начнется настоящая охота. А ведь у нас немало бездельников, готовых на все ради денег.

– Верно, негодяев у нас хватает, – согласился сэр Гидеон. – Поэтому ты должен предупредить Малколма. Ему следует соблюдать осторожность.

– Осторожность никогда не повредит, – согласился Джеймс. – Но одной осторожности маловато. Придется Малколму вступить с Макферсоном в открытый конфликт, чтобы вернуть себе доброе имя. Я сегодня же напишу ему. Гидеон, ты сможешь доставить письмо по адресу?

– Нет, Джеймс, – решительно заявила Давина. – Дело слишком серьезное, и одного письма

недостаточно. Ты должен сам поехать к Малколму и рассказать о том, что узнал.

Джеймс покачал головой и положил ладонь на округлившийся живот жены.

– Я не могу тебя оставить, милая.

Давина делано рассмеялась и проговорила:

– Но ведь до рождения малыша еще несколько месяцев, а у тебя уйдет на дорогу до замка

Маккены и обратно не больше месяца в общей сложности.

– Пытаешься от меня избавиться? – с усмешкой спросил Джеймс.

– Ох, какой ты догадливый! Да, я хочу отдохнуть от твоей заботы. Хочу почувствовать себя свободной женщиной. Вчера я три раза чихнула – и ты уже готов был на весь день уложить меня в постель.

Сэр Гидеон рассмеялся и воскликнул:

– Так я и думал! Я всегда знал, что если уж Джеймс полюбит женщину, то всей душой!

– Я самая счастливая из женщин, потому что Господь наградил меня лучшим мужем на свете, – сказала Давина. – Но иногда и счастья бывает слишком много.

Джеймс нежно провел мозолистой ладонью по ее лицу.

– Я не хотел бы оставлять тебя одну, – тихо сказал он.

Давина проникновенно посмотрела ему в глаза и со вздохом ответила:

– Если я пообещаю, что буду скучать по тебе ежечасно, днем и ночью, тогда ты поедешь?

– Поеду, но очень неохотно, – проворчал Джеймс.

Давина невольно улыбнулась. Она чувствовала, что сердце ее переполнялось любовью к мужу, и она точно знала, что действительно будет скучать по нему каждую минуту каждого дня – до тех пор, пока он не вернется. Да, она будет скучать по нему и тревожиться за него. Но у нее хватит сил, чтобы выдержать испытание разлукой.

Снова улыбнувшись, Давина шепнула мужу на ухо:

– Я люблю тебя, Джеймс Маккена, и если ты будешь хорошо себя вести весь оставшийся день, то вечером, в постели, я с удовольствием покажу, как сильно тебя люблю.

– Ты хочешь подсластить пилюлю обещанием бурной ночи?

– Именно так.

– Да, любовь моя, ты и впрямь хорошо меня знаешь.

Да, она прекрасно его знала и была этому несказанно рада.

---

notes

Примечания

Чертополох – символ мужской верности.